

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ “НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА”

Основана в 1959 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
“НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА”
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ РАН
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ
ДЕЯТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

академик *Н.П. Лавёров* (председатель),
академик *А.М. Кутепов* (зам. председателя),
докт. эконом. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*, канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*,
академик *И.А. Глебов*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
академик *Б.П. Захарченя*, докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*,
академик *Ю.А. Израэль*, канд. ист. наук *С.С. Илизаров*,
докт. философ. наук *Э.И. Колчинский*,
канд. физ.-мат. наук *В.Н. Краснов*,
докт. хим. наук *В.И. Кузнецов*, канд. техн. наук *Н.К. Ламан*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
член-корреспондент РАН *В.А. Медведев*, докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*,
докт. техн. наук *А.В. Постников*, член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
канд. техн. наук *В.Н. Сокольский*, докт. хим. наук *Ю.И. Соловьев*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьев*,
член-корреспондент РАН *И.А. Шевелев*, академик *А.Е. Шилов*

М. М. Козлова

**Сергей Александрович
БУТУРЛИН**

1872-1938

Ответственный редактор
доктор биологических наук
Э. Н. МИРЗОЯН

МОСКВА
«НАУКА»
2001

УДК 59
ББК 28.6
К 59

Рецензенты:

доктор философских наук *Т.Н. Брысина*
кандидат биологических наук *В.А. Назаренко*
кандидат биологических наук *Л.Д. Назаренко*

Козлова М.М.

Сергей Александрович Бутурлин. 1872–1938. – М.: Наука. – 134 с., ил. – (Серия “Научно-биографическая литература”).
ISBN 5-02-005199-3

Книга – научная биография известного отечественного орнитолога-систематика, фауниста и зоогеографа, доктора биологических наук Сергея Александровича Бутурлина, одного из основателей советской школы охотоведения, автора охотничьего законодательства, составителя научно-практической концепции развития и совершенствования охотничьего хозяйства страны, сторонника проведения государственной политики рационального природопользования. В основе книги – результаты исследовательской работы автора по изучению архивных материалов, опубликованных и неопубликованных работ ученого, собранных им коллекций, переданных в дар Зоологическому музею МГУ.

Для читателей, интересующихся развитием отечественной науки.

ISBN 5-02-005199-3

© Издательство “Наука”, 2001
© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Научно-биографическая литература” (разработка, художественное оформление), 1959 (год основания), 2001

Введение

Особенностью развития биологии в России на рубеже XIX–XX вв. было не только подведение итогов, переосмысление накопленных знаний, но и формирование прикладных наук, осознание важнейшей проблемы XX в. – проблемы выживания человечества и необходимости охраны природы и рационального природопользования.

Для истории развития науки этого периода наряду с анализом процесса зарождения и развития новых отраслей естествознания важны также исследования, посвященные деятельности самих творцов новых дисциплин и подходам к решению актуальных проблем.

Анализ творческого наследия доктора биологических наук Сергея Александровича Бутурлина (1872–1938), работавшего на рубеже XIX–XX вв., известного зоолога, крупного систематика-орнитолога, охотоведа, одного из основателей советской школы охотоведения, автора советского охотничьего законодательства, а также знатока и исследователя Севера, представляет немалый интерес для понимания процесса развития отечественной орнитологии, а также зарождения и становления охотоведения как новой научной дисциплины и практической методологии. С.А. Бутурлин первым осуществил ревизию фауны птиц СССР на подвидовом уровне, разработал научные принципы и последовательно применил “тройную” номенклатуру для описания всей орнитофауны Советского Союза. Он был автором первого полного определителя птиц Советского Союза и стоял у истоков одной из научных школ отечественных орнитологов-систематиков, которые впоследствии реализовали, развили и усовершенствовали в фундаментальных монографиях идеи, являвшиеся логическим продолжением работ С.А. Бутурлина. Первым среди учеников Сергея Александровича был Г.П. Дементьев – с его именем связана целая эпоха в советской орнитологии. К.А. Воробьев и В.Г. Гептнер считали С.А. Бутурлина своим наставником. Многие орнитологи испытали его косвенное влияние.

Главной заслугой Бутурлина-орнитолога, о чем сейчас вспоминают все реже, было создание первого в стране “Полного определителя птиц СССР” в пяти томах (1934–1941). Во всех учебниках орнитологии этот капитальный труд оценивается как важнейший вклад в данную науку – была создана основа для успешной работы орнитологов и дальнейшего бурного развития этой области зоологии. Как считают ряд специалистов, С.А. Бутурлин много сделал для разработки теории и принципов “тройной” (подвидовой) номенклатуры. За свою научную деятельность он описал 202 новые формы птиц, 15 новых родовых подродовых групп.

Реализации подвидового принципа описания фауны, составлению “ключей” и определительных таблиц С.А. Бутурлин посвятил всю жизнь. Эта колоссальная работа нашла отражение в двух тысячах публикаций – статей, заметок и книг. Заслуживает особого разговора “исчерпывающая”, как говорил сам С.А. Бутурлин, коллекция птиц, соб-

ранная Сергеем Александровичем за десятилетия научной деятельности. Она насчитывала, по разным сведениям, 11–12 тысяч экземпляров. С.А. Бутурлин был первым в России специалистом, кто составлял орнитологические коллекции из больших серий птиц одного вида. Здесь были представлены большими сериями все виды и подвиды авифауны Российской империи, а затем Советского Союза. Не хватало только одного – *Numenius borealis*, эскимосского кроншнепа.

Наряду с фаунистическими исследованиями птиц Поволжья, Северо-восточной Азии, Сибири, Дальнего Востока, Русского Севера, работами по систематике отдельных групп птиц, изучением внутривидовой изменчивости, С.А. Бутурлин одним из первых начал заниматься охраной птиц, их кольцеванием, изучением миграций, а также разработкой прикладных аспектов зоологии и орнитологии. Он является автором научно обоснованного охотничьего законодательства и одним из авторов основ научного охотоведения, стоит у истоков работ по охране природы, в частности созданию ряда заповедников, а также Всероссийского общества охраны природы, а затем его орнитологической секции, объединившей всех орнитологов страны. Кроме того, значительную часть своей деятельности С.А. Бутурлин посвятил улучшению жизни коренных народов Севера. Многие годы он работал в составе Комитета Севера при ВЦИК, занимал пост ученого секретаря, а также особоуполномоченного на Дальнем Востоке. К этому остается добавить, что Сергей Александрович был еще и одним из лучших в России знатоков охотничьего оружия, а также автором ряда популярных среди специалистов и любителей монографий по этому вопросу.

Вероятно, большой диапазон научных интересов С.А. Бутурлина – от систематики и зоогеографии до охотничьего оружия и обустройства жизни народов Севера – создавал для биографов и историков науки немалые трудности. Статус “вольного художника” в орнитологии и профессиональное занятие юриспруденцией усугубляли это положение. (Тут ему повезло меньше, чем его ученику, академику Г.П. Дементьеву, тоже юристу по образованию.) Этим, возможно, объясняется, что до последнего времени, до работ, предпринятых автором¹, не было ни подробной биографии С.А. Бутурлина, ни достаточно полного анализа его научной деятельности, оценивающей его вклад в развитие науки.

Исследование научной и общественной деятельности С.А. Бутурлина в области орнитологии, охотоведения, социальной этнографии, охраны природы, в частности его работ, приведших к формулированию теории экологического резерва популяций охотничьих животных, а также к эколого-экономическому районированию охотугодий, позволяет говорить о решающем значении идей С.А. Бутурлина для развития этих областей знаний в первой половине XX в.

Анализ малоизвестных периодов жизни ученого – его экспедиционной деятельности, работы в советских учреждениях, в том числе в Ала-

¹ Козлова М.М. Анализ научного и социокультурного наследия С.А. Бутурлина. Дис. ... канд. биол. наук. М., 1998; Она же. Перо розовой чайки: Страницы жизни и деятельности С.А. Бутурлина. Ульяновск, 1997.

тырском институте природоведения, в Комитете Севера при ВЦИК, в Комитете по заповедникам, – обогащает историю естествознания новыми фактами о научном изучении природы Крайнего Севера и Дальнего Востока, о переустройстве жизни коренных народов этих мест, о становлении педагогической системы распространения знаний по охране и рациональному использованию животного мира страны.

Изучение творческого наследия С.А. Бутурлина позволяет одновременно проследить непростые пути развития теории и практики рационального природопользования и охраны природы в нашей стране в конце XIX – первой половине XX в., в частности истории формирования научных и юридических основ охотоведения, а также дает основание признавать за трудами С.А. Бутурлина важную роль в достижении этими отраслями науки и практического хозяйствования современного уровня.

Современное возрождение натуралистической биологии, естествоиспытательства делает научное наследие С.А. Бутурлина более значимым для изучения современного природоведения. Его подход к рассмотрению природы как единого целого и стремление видеть явления так, как они реально в ней происходят, наряду с трудами других выдающихся естествоиспытателей, возможно, облегчат нахождение ответов на сложные, нерешенные задачи современных естественных наук.

О С.А. Бутурлине написано около 100 статей и заметок, но большинство из них не является историко-научным исследованием. Три наиболее обстоятельные историко-биографические работы, опубликованные учеником С.А. Бутурлина Г.П. Дементьевым (1938, 1941, 1948), содержат лишь основные сведения о научной деятельности его учителя в области орнитологии, систематики, зоогеографии, охраны природы. Эти публикации, а также статьи других учеников и коллег С.А. Бутурлина (Воробьев, 1973; Гелтнер, 1974; Житков, 1938; Иогансен, 1921; Миленушкин, 1948, 1958; Судилловская, 1973; Успенский, 1973), приуроченные к юбилейным датам, немногочисленные опубликованные воспоминания сотрудников (Спангенберг, 1964), друзей (Лобачев, 1972) и младшего сына ученого (А.С. Бутурлин, 1985, 1994, 1995а, б, в, г, 1997), безусловно, полезны для историко-научного исследования, но не дают полного представления о многообразной деятельности С.А. Бутурлина.

В разные годы было опубликовано несколько вариантов краткой биографии С.А. Бутурлина с небольшим экскурсом в научное творчество в сборниках и обзорах о выдающихся зоологах страны (Мазурмович, 1960; Мазурмович, Шульга, 1955; Воробьев, 1973, 1975; Симкин, 1980; Ильичев, 1988).

Имеется ряд работ сотрудников Ульяновского краеведческого музея (Абрахина, 1973, 1983, 1988; Бородина, 1997; Валкин, 1961а, б, 1962, 1963а, б, 1964; Горохова, 1997а, б; Громова, 1997; Громова, Раков, Козлова, 1981а, б; Козлова, Кругликова, 1981, 1997; Кругликова, 1975, 1984; Макарова, 1972; Рождественский, 1972), касающихся биографии С.А. Бутурлина и характеристики отдельных материалов хранящегося в музее научного и личного архивов ученого.

Остальные литературные источники в основном повторяют, иногда неточно, перечисленные выше публикации или автобиографию С.А. Бутурлина².

В процессе подготовки этой книги автор имел возможность изучить труды С.А. Бутурлина (более тысячи публикаций) и материалы его научного и личного архивов, хранящиеся в Ульяновском областном краеведческом музее; проанализировать материалы, касающиеся деятельности С.А. Бутурлина, из государственных архивов, а также учреждений, в которых он работал или с которыми имел деловые отношения, изучить литературные источники, посвященные деятельности С.А. Бутурлина, а также литературу по истории и современному состоянию тех областей знаний, в которых он работал. Немало интересных сведений для оценки роли Бутурлина в развитии орнитологии было почерпнуто при изучении трудов отечественных и зарубежных ученых – современников С.А. Бутурлина и его предшественников, внесших значительный вклад в развитие орнитологии, охотоведения и охраны природы, а также в беседах с родственниками С.А. Бутурлина (его сыном А.С. Бутурлиным, племянницей О.Л. Филимоновой) и в ходе консультаций с учеными-орнитологами (Э.В. Кумари, К.А. Воробьевым, Л.С. Степаняном, В.Е. Флинтон, Г.Н. Симкиным, П.С. Томковичем).

Работа с первоисточниками и специальной литературой велась в научных библиотеках Ульяновска, Москвы, Санкт-Петербурга и Таллина, а также в библиотеках различных научных учреждений этих городов. Большое значение придавалось работе с архивными документами. Были изучены материалы личного и научного архивов С.А. Бутурлина, хранящихся в фондах Ульяновского областного краеведческого музея, а также материалы, касающиеся деятельности ученого, находящиеся в Санкт-Петербургском, Эстонском, Ульяновском, Алатырском государственных архивах, материалы архивов и экспонаты Зоологического музея РАН (СПб.), Зоологического музея МГУ, Российского этнографического музея (СПб.), Исторического музея Эстонии, Таллиннского городского музея, Раквересского межрайонного краеведческого музея, Алатырского краеведческого музея, Дома-музея В.И. Ленина в Ульяновске, музея Симбирской гимназии, мемориальных комнат С.А. Бутурлина в селе Лава, Сурского района, Ульяновской области, и Ульяновского областного краеведческого музея. Архивные документы освещают различные стороны научной, педагогической, юридической и общественной деятельности С.А. Бутурлина.

Большую помощь в подборе материалов и подготовке рукописи оказали заведующий сектором истории биологических наук Института истории естествознания и техники РАН Э.Н. Мирзоян, ведущие сотрудники этого сектора Л.В. Чеснова, Е.В. Музрукова, В.И. Назаров, а также профессор кафедры зоологии МГУ Г.Н. Симкин, сотрудники Ульяновского краеведческого музея.

² Бутурлин С.А. Жизнеописание. 1920 [рукопись] // Алатырский архив (г. Алатырь). Ф. 21. Оп. 1; Бутурлин С.А. Жизнеописание. 1928 [рукопись] // Ульяновский краеведческий музей, Бутурлинский фонд (далее: УКМ БФ).

Историко-биографический очерк

Детство и годы учебы

Сергей Александрович Бутурлин родился 10(22) сентября 1872 г. в небольшом швейцарском городке Монтрё, расположенном на берегу Женевского озера. Он происходил из именитой дворянской семьи. Родословная боярского рода Бутурлиных идет со времен Александра Невского. Из них наиболее известны боярин В.В. Бутурлин, глава русского посольства на Переяславской раде при воссоединении Левобережной Украины с Россией; библиофил и директор Императорского Эрмитажа Д.П. Бутурлин; военный историк и писатель, участник сражений Отечественной войны 1812–1813 гг. Д.П. Бутурлин.

Отец С.А. Бутурлина – Александр Сергеевич – сын генерала, богатого помещика, широко образованный человек, кандидат естественных наук, выпускник Московского университета и врач, а кроме того – революционер-народник. Об отце Сергея Александровича следует сказать несколько подробнее, ибо его влияние на формирование Бутурлина-ученого и общественного деятеля было решающим. Он был одним из первых в России сторонников революционного марксизма. Тридцать

Александр Сергеевич Бутурлин, отец С.А. Бутурлина. 1872 г.,
Монтрё, Швейцария

тилетняя дружба связывала его со Львом Николаевичем Толстым, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. Аресты, 10 месяцев одиночки, ссылки, жизнь за границей, предание суду, гласный и негласный надзор полиции, запрещение жить и посещать столицу – все это постоянно осложняло жизнь Александра Сергеевича и жизнь его близких. Но именно в этой беспокойной судьбе, во взглядах отца, в его широкой эрудиции и образованности следует искать истоки деятельности С.А. Бутурлина. До самой смерти отец оставался для него большим авторитетом как в общественно-политических, так и в научных, биологических вопросах. Именно Александр Сергеевич в годы ссылки в Симбирске заронил в душу сына интерес к естествознанию, обучил его основополагающим навыкам исследовательской работы, обрисовал возможные перспективы научной деятельности. Сергей Александрович Бутурлин любил повторять, что всем, что он сделал в науке, он обязан своему отцу, “первому и лучшему учителю природы и жизни”¹. Навещая отца в тобольской ссылке, будущий ученый узнал и полюбил Русский Север, где затем неоднократно бывал в экспедициях. Под руководством отца он начал вести охотничьи дневники, собирать орнитологическую коллекцию, писать первые заметки и статьи, изучать труды Ч. Дарвина и К. Маркса, читать философские трактаты и произведения русских писателей. Материалистические и диалектические взгляды С.А. Бутурлина – тоже заслуга Александра Сергеевича.

В значительной степени влиянием отца объясняется и диапазон интересов Бутурлина-ученого и Бутурлина – общественного деятеля: от систематики и зоогеографии до обустройства поселений, снабжения продовольствием и улучшения жизни коренных народов Севера. Справедливое социальное переустройство общества на основе достоверного научного изучения природных ресурсов страны и рационального их использования – так, пожалуй, кратко можно сформулировать кредо С.А. Бутурлина. Забегая вперед, отметим, что, вероятно, потому же Сергей Александрович без особой внутренней борьбы принял Советскую власть и старался максимально возможно реализовать свои способности, чтобы помочь разумному совершенствованию жизни.

Мать Сергея Александровича, Елизавета Михайловна Снитко, – рано осиротевшая дочь небогатого дворянина, чиновника Министерства внутренних дел по военным поселениям в Старой Руссе, Новгородской губернии. Она была заботливой матерью, терпеливой женой, но вполне обыкновенной женщиной, поэтому ей трудно было разделить и принять общественно-политические устремления мужа. Вероятно, этим объясняется, что в 1886 г. родители С.А. Бутурлина фактически разошлись и жили врозь, встречаясь лишь изредка и совместно заботясь о детях.

В семье Бутурлиных было пятеро детей. Сергей – старший; его брат-близнец умер ребенком из-за травмы позвоночника. Учиться в гимназии С.А. Бутурлин начал в 1881 г. в Твери, где Елизавета Михай-

¹ Бутурлин С.А. Жизнеописание. 1928 [рукопись] // УКМ БФ.

Елизавета Михайловна Бутурлина (урожденная Снитко), мать С.А. Бутурлина.
1872 г., Монтрё, Швейцария

ловна жила с детьми у своего брата, пока Александр Сергеевич отбывал ссылку в Тобольске. Затем продолжил учебу в Симбирске, куда семья переехала в 1883 г. после изменения места ссылки Александра Сергеевича. Недалеко от этого города, в селе Белый Ключ, Карсунского уезда, было расположено имение бабушки – М.С. Бутурлиной, где будущий ученый проводил все каникулы и где впервые начал изучать птиц. Именно живописные места в долине небольшой речки Суры стали колыбелью большинства его научных замыслов. Первая охота, знакомство с охотничьим оружием, наблюдения за охотничье-промысловыми птицами, темы первых публикаций, замысел описания авифауны Среднего Поволжья и полная “инвентаризация”, как говорил С.А. Бутурлин, птиц Российской империи – все начиналось в Белом Ключе. Суре посвящены наивные детские стихи С.А. Бутурлина, сохранившиеся в его личном архиве:

Средь рек и малых, и больших,
Наверно, нет реки такой,
Чтобы сравнялась с тобой,
Не только превзошла тебя,
Сура, красавица моя!²

² Бутурлин С.А. Стихи [рукопись] // УКМ БФ.

Сергей Бутурлин, 1875 г.

Здесь же в детстве он подружился с Борисом Михайловичем Житковым (имение Житковых находилось неподалеку), будущим крупным зоологом, профессором Московского университета, чье имя носит ведущий Институт охотничьего хозяйства и звероводства (г. Киров). Юношеская дружба переросла в научное сотрудничество. В течение многих лет их объединяла совместная творческая деятельность: соавторы капитальной сводки по птицам Симбирской губернии и книги “По Северу России”, коллеги по нескольким северным экспедициям, преподавательской деятельности, разработке научных основ охотоведения, созданию института Природоведения в Алатыре, организации научных обществ и работе в них.

Учеба в Симбирской мужской классической гимназии шла у С.А. Бутурлина не без проблем. В шестом классе он даже остался на второй год. “Пренеприятная это вещь – остаться на второй год. Как-то страшно начинать опять все то, от чего уже думал отделаться. Новые учителя, новые товарищи, а главное, с каждым годом все тяжелее становится в гимназии... Скверно, так скверно, что и сказать нельзя”³, –

³ Кругликова В.А. К биографии С.А. Бутурлина // Краеведческие записки. Ульяновск: Приволжское книжное изд-во, 1984. Вып. 6. С. 73.

Елизавета Михайловна Бутурлина с детьми Сергеем, Валерианом, Александром и Дмитрием. Около 1882 г.

писал он другу в 1886 г. Виною неудачи было увлечение охотой, естественным. Этому Сергей отдавал каждую свободную минуту.

Летом в Белом Ключе он почти все дни пропадал в лесах и лугах. Верховая езда, плавание, стрельба в цель, охота – главные занятия. Вскоре Сергей стал прекрасным стрелком, заядлым и умелым охотником, хорошо разбирался в ружейной технике. Свойства порохов, боевые качества ружей различных систем, их устройство – отец учил исследовать это с помощью приборов. Под его же руководством Сергей изучал охотничьих птиц, запоминал их повадки, голоса, места обитания и гнездования. Фактически он уже начал сбор и обработку материалов по орнитофауне Среднего Поволжья. Предмет его гордости – постоянно пополняемая коллекция пернатых, которую он составлял по всем правилам. Сергей начал вести, по совету отца, охотничьи дневники, куда заносил свои ежедневные наблюдения. Эта привычка сохранилась у него на всю жизнь. “Эти дневники, к сожалению часто неполные, но, безусловно, точные, по свойственной мне в этом отношении аккуратности, ведутся мною в течение длинного ряда лет при моих охотах в разных местах России, но главным образом в Симбирской губернии. Без таких дневников, конечно, много интересных наблюдений испарилось бы из моей памяти”⁴, – написал он в 1896 г. в одном из охотничьих журналов.

⁴ Бутурлин С.А. О птицах Европейской России // Природа и охота. 1896. № 2–3. С. 122.

Сергей Бутурлин – гимназист
старших классов. Около 1888 г.,
Симбирск

Многое из дневников послужило темой для зоологических публикаций в “Охотничьей газете”. В 1888 г. в “Охотничьей газете” появились три первые публикации С.А. Бутурлина зоологического характера, в следующем – 10 заметок об охоте и охотничьем оружии. С этих пор он – постоянный автор этой газеты и других охотничьих изданий. Сам С.А. Бутурлин считает 1888 год началом своей научной деятельности.

В 1890 г. Сергей Александрович поступил в Императорское училище правоведения в Петербурге и окончил его с золотой медалью в 1894 г. Выбор места дальнейшей учебы вполне объясним. Юридическое образование, получаемое в этом учебном заведении, ценилось выше университетского и позволяло неплохо зарабатывать

на жизнь. В училище можно было поступать из любого класса гимназии – а к тому времени С.А. Бутурлин ее еще не окончил.

Именно в Училище правоведения сформировались мировоззрение и философские взгляды Сергея Бутурлина. Он не ограничивал себя изучением наук, имеющих отношение только к его будущей профессии. В архивах сохранились несколько его курсовых сочинений по юридическим вопросам: “Учение о вменении (по памятникам русского законодательства)” (март 1893 г.), и “Право на выморочное имущество как право законного наследования государства” (февраль 1894 г.; оценка “весьма хорошо”). Однако круг его интересов более широк: обществоведение, политэкономия, теория социальных переустройств общества, истоки и суть марксизма. Он изучал труды по политэкономии, по политической истории России и других стран. Знакомился с самыми разными экономическими теориями. Изучал работы философов. Экономические вопросы настолько занимали С.А. Бутурлина, что он попытался даже выступить по этому поводу в печати. В 1893 г. Сергей задумал статью, где собирался подвергнуть критике экономические воззрения Льва Николаевича Толстого. В последние годы обучения в Училище правоведения С.А. Бутурлин интересовался трудами Маркса. Особенно основательно изучал “Капитал”. И опять в качестве главного научного оппонента и толкователя выступал его отец.

Уже в молодости С.А. Бутурлин обнаруживал склонность к ведению научной полемики, к публичному отстаиванию своих убеждений. Своё отношение к этому он сформулировал еще в юности, в одной из ранних своих статей в 1889 г.: “Я никогда не откажусь вести печатно

спор по какому бы то ни было вопросу, если я настолько знаком с ним, чтобы иметь самостоятельное мнение, как бы ни был силен и авторитетен мой противник, потому что моя цель состоит не в том, чтобы во что бы то ни стало выйти правым, переспорить, но чтобы выяснить для себя и для других этот вопрос”⁵.

В 1893 г., за год до окончания училища, С.А. Бутурлин написал статью под названием «Критический разбор сочинения К. Головина “Социализм как положительное учение”». Существует точка зрения, что это была его дипломная работа, в которой он высказал положительное отношение к марксизму. В книге, послужившей предметом разбора, экономист К. Головин стремился доказать несостоятельность основ научного социализма. С.А. Бутурлин решил дать ему публичную отповедь.

В предисловии к своей работе С.А. Бутурлин писал: “Это сочинение новое, изданное в 1892 году, и является как бы последним словом противников социализма... Книжка эта не научная. Написана с внешним, по крайней мере, видом беспристрастия и искренности... представляет из себя довольно полный сборник самых разнообразных, когда-либо делаемых социализму возражений”⁶. В конце 1893 г. Сергей Александрович отправил статью в “Экономический журнал” – это было время легального марксизма в России. Но редактор журнала прислал автору отказ. Интерес к марксизму как науке С.А. Бутурлин сохранил на всю жизнь. Многие годы занимался его самостоятельным изучением. Важнейшим итогом изучения было становление диалектико-материалистического взгляда на природу и общество. Вот как об этом писал сам Бутурлин: “Будучи одним из немногих пионеров выработки понятия об этой молодой комплексной дисциплине (речь идет об охотоведении. – М.К.), в ряде работ содействовал установлению основных начал и содержания отдельных ее частей: биологической, экономической, технической и правовой, всегда при этом стоя на почве диалектического материализма, с которой освоился с ранней юности, благодаря отцу...”⁷.

Параллельно с курсом училища Сергей Александрович слушал лекции на естественном отделении Санкт-Петербургского университета. Работал по изучению ружейной техники и естественных наук, в основном геологии, зоологии и биогеографии. Производил опыты по выращиванию гаоляна. «Программа для производства посевов “гаоляна” красного, белого и черного – китайского культурного растения» – первая заметная естественнонаучная работа начинающего ученого – вышла из печати в 1893 г., и в ней уже виден стиль работы, характерный для С.А. Бутурлина: стремление привлечь к сотрудничеству как можно больше энтузиастов-любителей, снабдив их необходимыми инструкциями для получения большого и достоверного материала. Такой подход

⁵ Бутурлин С.А. По поводу вопроса Д.А. Виленского // Природа и охота. 1890. Январь. С. 117–120.

⁶ Вакцин М.Х. Из неопубликованных материалов архива С.А. Бутурлина // Ученые записки УГПИ. 1963. Т.18, вып. 3. С. 93.

⁷ Там же. С. 90.

можно найти в ряде значительных работ ученого: “Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи” (1901), “Что и как наблюдать в жизни птиц?” (1934, 1948) и др.

В мае 1894 г. С.А. Бутурлин окончил училище в чине титулярного советника и, по его просьбе, приказом по Министерству юстиции сначала был откомандирован в распоряжение старшего председателя Санкт-Петербургской судебной палаты, а затем определен младшим кандидатом на должности по судебному ведомству при Санкт-Петербургском окружном суде. В этом же году его перевели для работы в канцелярию председателя суда, а также в IV гражданский отдел суда.

Служба в армии. Юридическая и научная деятельность в 1894–1897 гг.

В октябре 1894 г. С.А. Бутурлин поступил на военную службу во 2-й эскадрон лейб-гвардии Конного полка. Объяснялось это просто. В последние годы XIX в. в России была введена всеобщая воинская повинность с сокращенным сроком службы для лиц, окончивших высшие и средние учебные заведения. Они поступали в армию на правах вольноопределяющихся и служили всего год. Начинали службу рядовыми, а заканчивали младшими офицерами. Отслужившие положенное могли остаться в армии или уволиться в запас. Служил С.А. Бутурлин “на свои средства” – так полагалось вольноопределяющимся первого разряда. От казны ему полагалось только оружие и амуниция. Служба “за свой счет” позволяла пользоваться относительной свободой: жить не в казарме, а на вольных квартирах, заниматься в особых группах; избавляла от хозяйственных работ и некоторых занятий. Это было очень важно для С.А. Бутурлина. Ведь главным для него являлась отнюдь не военная служба, а естествознание – работа с зоологическими коллекциями, наблюдения за птицами, изучение охотничьих ружей. Природоведение и охота – вот чему он служил истово. Место дислокации полка – в Красном Селе под Санкт-Петербургом – позволяло сочетать необходимое с желаемым.

В эти годы он работал в библиотеке и Зоологическом музее Академии наук с орнитологическими коллекциями, опубликовал ряд статей о птицах, начал работать над монографией “Кулики Российской империи”, над первым своим определителем “Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи”. Служба позволяла упражняться в стрельбе в армейском тире, проводить испытания оружия и боеприпасов. В полку С.А. Бутурлин служил полтора года, и все это время он продолжал исследования боя охотничьих ружей.

Испытания малых калибров, дымных и бездымных порохов, пуль различной конструкции, изучение влияния температуры, влажности воздуха, скорости ветра на дальность и точность боя ружей – вот лишь некоторые направления его работы. Протоколами этих испытаний были исписаны десятки толстых тетрадей.

Военная служба шла своим чередом. В марте 1895 г. С.А. Бутурлин был произведен в унтер-офицеры, в январе 1896 г. – в корнеты, затем уволен в запас. В марте того же года он возвратился к своим обязанностям в первом следственном участке Санкт-Петербургского окружного суда. Месяцем раньше Бутурлин получил свою первую награду на юридическом поприще – серебряную медаль ордена Александра Невского “В память бозе почившего Императора Александра III”, а в июне 1896 г. – и повышение в служебном звании: он стал старшим кандидатом на должности по судебному ведомству. За полтора года работы в Санкт-Петербурге Сергей Александрович участвовал в проведении следствия по 50 делам, но лишь в июле 1897 г., когда он начал исполнять обязанности судебного следователя, ему был присвоен штатный оклад содержания.

1896 год примечателен в жизни Бутурлина началом десятилетней полемики с выдающимся отечественным орнитологом, профессором Московского университета М.А. Мензбиром. Толчком для нее послужило опубликование в 1893–1895 гг. двухтомного сочинения профессора М.А. Мензбира “Птицы России”. Это было выдающееся событие в русской орнитологии – первая сводка по птицам европейской части страны и Кавказа. Автора книги по праву стали считать отцом русской орнитологии. С.А. Бутурлин опубликовал в журнале “Природа и охота” статью-отклик на это издание. Он писал: “Эта книга является для русских охотников и других любителей птиц настоящим откровением, давая возможность с толком изучать птиц... Книга профессора Мензбира должна сделаться настольной книгой каждого образованного охотника – даже более – каждого образованного человека, хотя немного интересующегося природой своей страны”⁸.

Но при всех несомненных достоинствах в книге М.А. Мензбира встречались неточности, как фактические, так и редакционные. На них Бутурлин решил обратить внимание специалистов и охотников, с тем чтобы со временем их можно было исправить. Это легко объяснялось:

Сергей Бутурлин в форме кавалергарда конного полка во время прохождения военной службы. 1894 г., Санкт-Петербург

⁸ Бутурлин С.А. О птицах Европейской России. С. 121–122.

за десять лет постоянных полевых исследований во время охотничьих сезонов в Поволжье и других регионах империи С.А. Бутурлин накопил в охотничьих дневниках, которые вел с ранней юности, массу конкретных сведений по биологии, экологии и морфологии птиц, чем и решил поделиться с читателями охотничьего журнала. Все, что высказывал С.А. Бутурлин, было дополнением, информацией к размышлению. Несмотря на деликатность замечаний, М.А. Мензбир счел себя оскорбленным и выступил в журнале с запальчивой ответной статьей, где несправедливо обвинял Сергея Александровича в некомпетентности, дерзости. Сколько потом С.А. Бутурлин ни пытался объяснить, что никого не хотел обидеть, приводил новые сведения в доказательство своей правоты – ничего не помогало. Страсти накалялись. В полемику включился К.А. Сатунин, зоолог, специалист в области охотоведения. Он решил “защитить” профессора Мензбира от “нападков”. Уже все забыли, с чего начался спор, а журнальная “битва” продолжалась до 1906 г., когда С.А. Бутурлин после долгого молчания опубликовал “Последний ответ профессору М.А. Мензбиру”.

Выход “Птиц России” М.А. Мензбира послужил своеобразным катализатором общей активизации орнитологических исследований в России. Именно этот труд показал, что в области изучения птиц – непочатый край работы. Бутурлину, в частности, двухтомник М.А. Мензбира помог сформулировать основную цель его орнитологических исследований – “инвентаризация” птиц, создание полного их перечня и полного определителя птиц Российской империи, а также подвинул к написанию первого определителя – “Синоптических таблиц охотничьих птиц Российской империи”, работу над которыми он начал в 1897 г. и продолжал три года. Отсутствие в России справочного издания и определителя всех птиц страны создавало немало неудобств. Специалисты пользовались для научной работы иностранными изданиями, иллюстрированными каталогами Британского музея. Работать с этими книгами могли лишь те, кто жил в больших городах и имел доступ в научные библиотеки. С.А. Бутурлин испытал это на себе, готовя к изданию свои орнитологические статьи и книги. Из Мариенбурга он часто обращался к петербургским знакомым с просьбой навести необходимые для работы справки в библиотеке Академии наук. Специально для работы в библиотеке выезжал в столицу сам, или ему присылали книги по почте.

Работа по изучению охотничьего оружия в 1897–1898 гг.

В эти годы С.А. Бутурлин познакомился с известными ружейными мастерами и инженерами. С талантливым конструктором, знатоком дробовых охотничьих ружей, автором книг по оружию Александром Петровичем Ивашенцовым – тоже выпускником Училища правоведения – они даже сдружились. Тот был хорошо известен русским охотникам как создатель новой модели двустволки двадцатого калибра – знаменитой “двадцатки” Ивашенцова. Она отличалась большой

прочностью стволов и могла принимать мощные заряды. Это обеспечивало дальнобойность.

На долгие годы С.А. Бутурлина и А.П. Ивашенцова сблизили общие интересы – изучение боевых качеств охотничьих ружей и, конечно, охота. Ими была составлена целая программа, включавшая испытания новых малозымянных порохов на Охтинских заводах, проведение серии экспериментов по изучению свойств ружейной стали, а также предполагавшая участие обоих исследователей в работе выставок охотничьего оружия в качестве испытателей и экспертов.

Весной 1897 г. в Петербурге открылась Вторая выставка охотничьего оружия Императорского Русского технического общества. Сергей Александрович участвовал в ней в качестве товарища председателя и делопроизводителя первой секции Экспертной комиссии – т.е. испытывал ружья различных систем, представленные на выставку. Оценка эксплуатационных свойств, а не только внешнего вида охотничьего оружия, была новым словом в сравнительном его анализе.

Многое в работе выставки держалось на энтузиазме строителей, на их увлеченности делом. С.А. Бутурлин и А.П. Ивашенцов буквально задавали тон в работе. “...Для исследования дробовых ружей, пороха, гильз, дробы, и пыжей принята была программа, выработанная А.П. Ивашенцовым, а для исследования пулевого оружия приняты были основания, предложенные С.А. Бутурлиным”⁹. Проблем хватало. Большинство экспертов, как и С.А. Бутурлин, были людьми, обремененными своими прямыми служебными обязанностями. Необходимые для экспертизы точные приборы, как, например, хронограф для определения начальных скоростей, находились в Петербурге только в казенных учреждениях, весьма редко свободных для посторонних опытов. Как отмечали современники, Экспертная комиссия проделала беспрецедентную в истории оружейных выставок России и Западной Европы работу, потому что, желая сделать свои суждения беспристрастными, стараясь дать производителям и охотникам точные сведения о достоинствах и недостатках экспонатов, эксперты решили руководствоваться указаниями точных инструментов, данными сравнительных испытаний и проб, а не личным вкусом и впечатлениями. То есть представили научно обоснованные заключения.

Участие молодого исследователя в работе выставки было особо отмечено – Бутурлину вручили медаль Признательности Императорского Русского технического общества. “Современное охотничье оружие и огнестрельные припасы” – так называлась статья Сергея Александровича Бутурлина, делопроизводителя 1-й секции Экспертной комиссии Второй выставки охотничьего оружия, опубликованная в “Записках Императорского Русского технического общества” в 1897 г. В ней содержалось исчерпывающее описание свойств отечественных и иностранных моделей охотничьих ружей, их сравнительные характеристики. Статья позволяла специалистам и охотникам разобраться в особенностях новых ружей и боеприпасов.

⁹ Гейтнер В.Г. Замечательный орнитолог и охотовед // Охота и охотничье хозяйство. 1974. № 3. С. 13–14.

В 1897 г. Сергей Александрович написал статью “Охотничьи издания и беллетристика”, где утверждал, что содержание охотничьих журналов не может сводиться исключительно к сообщению практически полезных сведений. “Редакция охотничьего журнала всегда должна помнить, что ее нравственным долгом является, с одной стороны, разработка науки охоты, практическая помощь советами... регистрация добытых охотниками ценных... научных или практических данных; с другой... редакция должна содействовать нравственному воспитанию и объединению охотников, культивировать и удовлетворять художественным потребностям охотников, служить поэзии охоты. Все это может быть исполнено лишь при параллельном существовании и беллетристического, и технического отдела”¹⁰.

Женитьба.

Работа судебным следователем в Мариенбурге. Научная и общественная деятельность в 1898–1899 гг.

1897 год был ознаменован для С.А. Бутурлина важным событием – женитьбой. Вера Владимировна Маркова, сестра бывшего однокашника – Николая Маркова, согласилась стать его женой. Получил Сергей Александрович и новое назначение по службе – должность судебного следователя 2-го участка Венден-Валкского округа Рижского окружного суда и был откомандирован в распоряжение Везенберг-Вейсенштейнского округа мировых судей. Уже в сентябре он уехал сначала в Везенберг (ныне Раквере, Эстония), а затем в Мариенбург (ныне Алуксне, Латвия), к своему новому месту службы, и приступил к работе.

В январе 1898 г. в Санкт-Петербурге состоялось бракосочетание С.А. Бутурлина и В.В. Марковой в церкви Училища правоведения. Затем они вместе уехали в Мариенбург, маленький старинный лифляндский городок. Жизнь быстро налаживалась. Дела по службе шли хорошо. В июне этого года Сергей Александрович был произведен за выслугу лет в чин коллежского ассессора.

Должность судебного следователя появилась в России после судебной реформы 1864 г. Она, как писали в то время, выражала желание монарха вести “суд скорый, правый и милостивый, равный для всех подданных”. Замысел сводился к тому, чтобы перестроить судопроизводство в России на европейский началах. Суды отделялись от административной власти и становились независимыми. Они подчинялись судебному департаменту правительствующего Сената. Упразднялись сословные суды и учреждался новый порядок рассмотрения дел – в трех инстанциях. Мелкие гражданские и уголовные дела рассматривали мировые судьи и их съезды. Более важные – окружные суды и судебные палаты. Разбирательство особо важных дел, влекущих за со-

¹⁰ Бутурлин С.А. Охотничьи издания и беллетристика // Псовая и ружейная охота. 1897. (20.06). № 24. С. 326.

бой лишение прав, велось с участием выборных представителей – присяжных заседателей. Всем подсудимым разрешалась адвокатская защита. Следствие по делам подсудным окружным судам проводили специально назначаемые судебные следователи. Реформа предусматривала разработку новых законов – судебных уставов. Однако полностью задуманная реформа судопроизводства в России не была осуществлена. Поэтому в различных частях империи суд вершился по-разному. В центральных губерниях очень быстро отменили суд выборных мировых судей, а их функции возложили на земских начальников, т.е. на представителей местной администрации. В Прибалтике же, наоборот, ввели систему назначаемых мировых судей, которая существовала здесь до 1918 г. Однако в прибалтийских губерниях не сочли возможным решать дела в судах присяжных. Словом, в Прибалтике уживались старые и новые порядки, действовали дореформенные и послереформенные законы.

Судебные следователи были завалены работой. В их обязанности входило личное проведение всех следственных действий на участке: несколько городов, десятки деревень, множество хуторов. Разбирательством краж, мелких преступлений, нанесением увечий, гражданскими исками по разделу имущества и введению в наследство – вот чем приходилось заниматься Сергею Александровичу Бутурлину. Допросы, присутствие при медицинских освидетельствованиях, составление следственных протоколов, выяснение роли каждого участника событий – обычная обязанность участкового судебного следователя.

Он часто бывал в разъездах, присутствовал на заседаниях. Для орнитологии и охотоведения оставалось совсем немного времени. Но именно они помогали ему в трудные минуты, отвлекая от горьких мыслей. Расположенный в живописной Лифляндии, около большого озера, окруженный лесами, лугами, болотами, Мариенбург был раем для натуралиста. Поэтому не удивительно, что сразу по приезду Сергей Александрович начал “сбор и обработку материалов по систематике, географии и биологии орнитофауны Прибалтики”¹¹.

Существует мнение, что больше других успевают сделать очень занятые люди. Верность этого суждения подтверждается всей жизнью С.А. Бутурлина. Служебные обязанности и новые заботы как будто утйоили его силы. “Об убойности пуль на охотничьей дистанции”, “Автоматический пистолет Боркхардта”, “Дробовая магазинка Винчестера”, “Исследование конструкции и боя современного охотничьего оружия”, “О влиянии материала стволов на бой”, “О максимальном пределе полезной скорости”, “Специальная сталь Круппа” – почти 50 статей по охотничьему оружию опубликовал С.А. Бутурлин в 1898 г. Их печатали все русские охотничьи газеты и журналы.

В том же году Сергей Александрович принял участие в двух охотничьих выставках – в Москве и Риге, где тоже проводились испытания ружей. Он собирал материал для задуманной им книги об оружии, не жалел времени на обретение разнообразных знаний. «Рекомендую тебе

¹¹ Бутурлин С.А. Жизнеописание. 1928.

познакомиться с диссертацией Домогорова “О свободном движении гироскопа”... Результаты, которые получишь, применив к своему делу высшую математику, несомненно, будут очень полезны»¹², – советовал Бутурлину один из его петербургских приятелей, – зная, что тот занят изучением траектории полета пули.

Начало деятельности по разработке научных и юридических основ охоты и охотничьего промысла

Волновали С.А. Бутурлина и юридические вопросы организации охоты. В России охотничьи угодья скудели, среди охотников-любителей крепло движение за организацию “правильной охоты”. В разных губерниях возникли общества любителей природы, которые в меру своего разумения и возможностей стремились решать вопросы охраны дичи. В охотничьей литературе велось бурное обсуждение этих проблем. А в начале XX в. в России издавалось около десятка охотничьих журналов и газет. Редактором “Охотничьей газеты” и журнала “Природа и охота” был профессор Д.П. Сабанеев. Немалой популярностью среди любителей охоты пользовались журналы “Охотник”, “Псовая и ружейная охота”, “Семья охотников”, “Наша охота”. С.А. Бутурлин активно сотрудничал с ними. О вреде весенней охоты, об охране лосей, о причинах уменьшения дичи немало писали на их страницах и охотники-любители, и естествоиспытатели-специалисты.

В 1897 г. была образована государственная комиссия для выработки охотничьего законопроекта. Однако комиссия была настолько далека от научного взгляда на охоту, настолько проникнута классовыми интересами крупного землевладения, что не смогла более чем за 10 лет разработать приемлемый для всей страны законопроект. Ее творение было «уродливым детищем, введившим “охотничий земельный ценз” и тому подобные измышления, но забывшим, что у нас есть на большей половине территории и промысловая, и полупромысловая охота»¹³, – напишет С.А. Бутурлин впоследствии.

В январе 1898 г. состоялся Первый всероссийский съезд охотников, созванный по инициативе Императорского общества любителей охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, где речь, в частности, велась и о новом законопроекте. Комиссию по разработке законопроекта, а также сам съезд возглавлял великий князь Сергей Михайлович. В комиссию входили в основном важные чиновники, а людей, связанных непосредственно с охотой или обладающих необходимыми знаниями для понимания биологической сущности вопроса, в ней почти не было. Единственным представителем охотничьей общественности в комиссии являлся председатель Лифляндского общества любителей охоты барон Г.Г. фон Петц, с которым С.А. Бутурлин не только позна-

¹² Письмо С. Фелейзена к С.А. Бутурлину от 14 мая 1898 г. // УКМ БФ.

¹³ Бутурлин С.А. Охота и революция // Охотник. 1924. № 6. С. 7.

комился, но и начал долгое деловое сотрудничество, помогшее ему быть в курсе работы комиссии и, в конечном итоге, повлиять на судьбу составленного законопроекта – не дать ему стать законом.

И в семье все складывалось счастливо. Осенью 1898 г. в Мариенбурге у Веры Владимировны и Сергея Александровича родился сын Александр.

Работы в области орнитологии. Разработка теории полета птиц правильным строем

В 1899 г. С.А. Бутурлин закончил работу над двумя книгами по орнитологии – “Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи” и “Материалы для орнитофауны Симбирской губернии” – и готовил их к изданию. Последняя была написана в соавторстве с Б.М. Житковым. В этом же году на одном из заседаний Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве Б.М. Житков зачитал доклад С.А. Бутурлина о полете птиц правильным строем. В этом докладе, вошедшем как самостоятельная глава в книгу “Материалы для орнитофауны Симбирской губернии” и опубликованном до выхода книги в свет отдельной статьей, он утверждал, что веками выработанные у крупных птиц во время перелетов механизмы приспособления к аэродинамическим потокам, образующимся при взмахах крыльев, а также к ориентировке на местности и обуславливают особенности расположения стаи крупных птиц при дальних перелетах, например образование “журавлиного клина”. Кроме того, он опровергал утвердившуюся точку зрения, что птичий “клин” можно рассматривать как аналог “утюга” или носа корабля – большого предмета, облегчающего рассечение воздуха при полете. Этот доклад вызвал немало разговоров среди специалистов.

Первая северная экспедиция. Деятельность в 1900–1902 гг.

Летом 1900 г. Сергей Александрович вместе с Б.М. Житковым совершил свою первую дальнюю экспедицию. Он побывал в Архангельской губернии: в устье Северной Двины, на островах Колгуев и Новая Земля. У С.А. Бутурлина давно зрел план научной экспедиции на Новую Землю: “У меня есть серьезное предположение: летом 1901 года ехать с Житковым на Новую Землю и провести там ровно год. Эта страна, чрезвычайно богатая всеми родами водной и болотной птицы, а также зверем от песца до оленя и белого медведя. Кроме того, по северности своего положения, по полному отсутствию человеческого населения (кроме временно промышляющих самоедов) и потому что это остров – фауна его, особенно птицы и насекомые, должны быть очень интересны, а между тем там, кроме самоедов, никто не бывал подолгу. Даже высоты ее гор приблизительно не определены, а ведь это

Европейская Россия! Инструментами и отчасти средствами поможет Общество любителей Естествознания и Географическое общество, так что самим нам к тому времени нужно будет лишь немного прикопить финансов. В Архангельске, где будем окончательно все готовить к поездке, у нас есть, уже обещана, даровая квартира и помощь Н.А. Варпаховского, изучающего теперь ихтиофауну Северного океана. А.П. Энгельгардт, архангельский губернатор, сам хороший орнитолог и милый человек, обещал даровой проезд на казенном корабле туда и обратно... Для меня все затруднение в отпуске... на одиннадцать месяцев отпуск с сохранением содержания. Но я думаю, это не трудно будет устроить при помощи Императорского общества любителей естествознания, которое от себя будет ходатайствовать перед Министерством юстиции”¹⁴.

Однако этим планам не суждено было исполниться в полной мере. Первая экспедиция С.А. Бутурлина на Русский Север состоялась в 1900 г. и продолжалась всего один месяц – это был его обычный отпуск. Он считал эту поездку рекогносцировкой перед большим северным путешествием в эти края, но оно не состоялось. Второй раз Сергей Александрович побывал здесь через два года, но тоже пробыл недолго. Помешали разные причины. Одна из них – служебные дела. В 1901 г. С.А. Бутурлин получил повышение – стал мировым судьей в Мариенбурге. Новая должность – новые хлопоты.

Интерес к северным районам страны на рубеже столетий в России был не случаен. Экспедиции на Север были порождены не только интересами науки или чьими-то личными устремлениями. Началось экономическое освоение Русского Севера: строились железные дороги и телеграфы, устанавливалось регулярное сообщение между крупными населенными пунктами северного побережья, нужны были дополнительные источники пушнины, возникла настоятельная необходимость морского сообщения с золотоносными и горнодобывающими районами Западной Сибири – нужен был Северный морской путь. В связи с этим возникали вопросы, на которые не было научно обоснованных ответов.

Потребность в точных данных о природе России остро ощущалась в те годы. Несмотря на ряд крупных экспедиций, в том числе академических, многие пространства России в конце XIX в. оставались плохо изученными. Только-только начиналось зоологическое исследование островов и побережья Северного Ледовитого океана, труднодоступных районов Сибири, Дальнего Востока. Не было точных географических карт многих территорий страны – например островов Новая Земля, горных районов Якутии. Знание животного и растительного мира европейской части Российской империи было неполным. Стояла задача составить полный список всех животных страны. Но недоставало научных сил. Денег на развитие науки в России выделялось мало. В середине прошлого века русские ученые нашли приемлемый выход из положения – объединили усилия исследователей-энтузиастов под началом многочисленных научных обществ: Московского общества испытате-

¹⁴ Письмо С.А. Бутурлина к Н. Зворыкину от 27.09.1899 // УКМ БФ.

лей природы, Императорского Русского географического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и других. Это позволяло вести планомерное изучение животного мира страны. Одним из добровольных русских естествоиспытателей стал и Сергей Александрович Бутурлин.

Его экспедиции можно было назвать комплексными: интерес вызывала не только фауна, но и география, геология, ботаника, почвоведение, быт населения, способы ведения охоты и рыболовства, экономические основы хозяйствования и многое другое.

После своей поездки на Новую Землю Сергей Александрович и его спутник, зоолог Московского университета Борис Михайлович Житков, написали книгу “По Северу России”. Она вышла в 1901 г. и была удостоена серебряной медали Императорского Русского географического общества. Это был подробный отчет об экспедиции, в котором они описывали природные условия дельты Северной Двины, где провели почти две недели, островов Колгуев и Новая Земля, их фауну, особенно подробно орнитофауну, быт местного населения, его экономическое положение и методы хозяйствования, указывали на ошибочность прежних представлений о климате острова Колгуев, сформулировали общие принципы развития промыслов и торгового мореплавания на востоке Баренцева моря. После появления этой книги имена авторов стали весьма популярны среди естествоиспытателей.

Продолжение разработки научных и юридических основ охоты

В 1901 г. был завершён и представлен министру земледелия и государю императору общий труд С.А. Бутурлина и барона Г.Г. фон Петца – своеобразная докладная записка с критическим разбором охотничьего законопроекта, предлагаемого подготовительной комиссией по пересмотру действующего закона об охоте, и с собственным вариантом проекта охотничьего закона. “...К сожалению, проекту нашему предстоит ещё далекий путь. Пока обсудится в Главной Комиссии под председательством Министра, пока поступит на рассмотрение в Государственный Совет – пройдет немало времени. Но с этим можно бы примириться, если мне бы только посчастливилось попасть в Главную Комиссию, чтобы воспрепятствовать господам не стоящим у дела чиновникам исказить наш проект”¹⁵, – писал С.А. Бутурлину из Ревеля барон Г.Г. фон Петц.

Попытка выработать свой вариант проекта закона об охоте была вызвана пониманием, что для его создания нужны точные сведения о биологии охотничье-промысловых птиц и зверей, их численности и местах обитания. Важно и знание экономического положения населения губерний, где охотничий промысел являлся основным занятием и источ-

¹⁵ Письмо Г.Г. фон Петца к С.А. Бутурлину от 28 ноября 1901 г. // УКМ БФ.

ником существования большинства жителей. Здесь сходились интересы охотоведа, орнитолога, юриста.

О новом охотничьем законопроекте много писали в печати. Естественно, что С.А. Бутурлин ринулся в бой за разумный и научно обоснованный охотничий закон, полезный охотничьему делу, охране дичи и справедливый по отношению ко всем слоям населения Российской империи. Учет в законопроекте социальных условий различных территорий он считал обязательным.

Первый определитель С.А. Бутурлина.

Работа мировым судьей.

Вторая северная экспедиция

В этом же году увидела свет первая орнитологическая книга С.А. Бутурлина “Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи”, над которой он работал три года. Это был особенно важный для автора труд – первый в России справочник-определитель по пернатым всей страны, ступенька в осуществлении идеи “инвентаризации” авифауны Российской империи и предтеча итогового “Полного определителя птиц СССР”. Книга была сразу по достоинству оценена – стала с 1901 г. методическим пособием для работы студентов с зоологическими коллекциями в Зоологическом музее МГУ.

Разносторонняя деятельность Бутурлина получила заслуженное признание. В России Сергей Александрович состоял членом многих весьма авторитетных научных обществ: неперенным членом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, действительным членом Императорского Русского географического общества, членом Императорского Русского энтомологического общества, неперенным членом Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, а также членом многих обществ правильной охоты и любителей природы.

В 1901 г. С.А. Бутурлин получил повышение по службе – чин надворного советника – и стал мировым судьей 6-го участка Венден-Валкского округа в Мариенбурге.

Он был одним из восьми участковых мировых судей этого уезда и входил в состав Съезда мировых судей, являвшегося кассационной и апелляционной инстанцией для волостных крестьянских судов в Прибалтике. Мировой судья рассматривал мелкие уголовные и гражданские дела – проживание по чужому виду на жительство, нанесение легких ранений без обдуманного намерения и телесных повреждений в драке, нарушение правил о воинской повинности, а также нарушение благочиния во время богослужений и правил “предупреждения непотребства”. Он мог наложить наказание до полутора лет тюрьмы, арестовать на полгода, взыскать штраф до 500 рублей. Ряд приговоров мировых судей и их съездов был окончательным. Словом, должность была хлопотной.

С.А. Бутурлин на борту корабля “Великий князь Владимир” во время экспедиции на остров Колгуев летом 1902 г.

В 1902 г. состоялась двумесечная экспедиция на остров Колгуев. Кроме Сергея Александровича в ней участвовали двое исследователей – студент-зоолог Марк Николаевич Михайловский и агроном Саратовского губернского земства Иван Александрович Шульга. На этот раз им удалось пройти большую часть острова, сделать маршрутную съемку, составить карту, изучить зверей и птиц, собрать коллекции почв, горных пород, окаменелые остатки древних животных, коллекции растений, рыб, насекомых, амфибий, птиц, млекопитающих, образцов самоедского оружия. Они провели метеонаблюдения, взяли пробы воды из нескольких озер, сделали более двух сот фотографий.

В любой экспедиции С.А. Бутурлин пытался ответить на три важнейших вопроса. Что может дать этот край? Что надо сделать, чтобы он мог дать больше? Как улучшить жизнь людей? Именно поэтому многие отчеты об экспедициях, написанные С.А. Бутурлиным, имеют ярко выраженную социальную направленность. Некоторые его рекомендации и сегодня звучат актуально, многие были реализованы в годы советской власти. Результаты его экспедиций были интересны ученым разных областей естествознания. Собранные им коллекции до сих пор не утратили научного значения.

По материалам поездок в Архангельскую губернию Сергей Александрович написал несколько книг: “Дикие гуси Российской империи”, “Кулики Российской империи”. В русских и иностранных журналах по-

явились его статьи. “Первые сведения о птицах острова Колгуева” – так оценивается его вклад в изучение орнитофауны этих мест в многотомном труде Академии наук “Птицы СССР” (1982).

“Поездки 1900 и 1902 гг. были как бы подготовкой к очередной, теперь уже длительной экспедиции Сергея Александровича на северовосток Сибири, в районы труднодоступные и исследованные к тому времени очень слабо. В предыдущих поездках С.А. Бутурлин накопил опыт полевых исследований в Заполярье. Его отчеты и статьи, собранные коллекции принесли ему известность как североведу широкого плана”¹⁶, – отмечал С.М. Успенский, известный советский зоолог и знаток Севера.

Остается добавить, что со времени своих северных экспедиций Сергей Александрович получил признание как орнитолог не только в России, но и за рубежом. Его обстоятельные работы вызывали большой интерес у иностранных ученых. Кроме того, к началу XX в. имя С.А. Бутурлина стало одним из самых авторитетных среди просвещенных охотников – наряду с именами А.П. Ивашенцова, Л.П. Сабанеева и другими. Это был итог колоссальной работы.

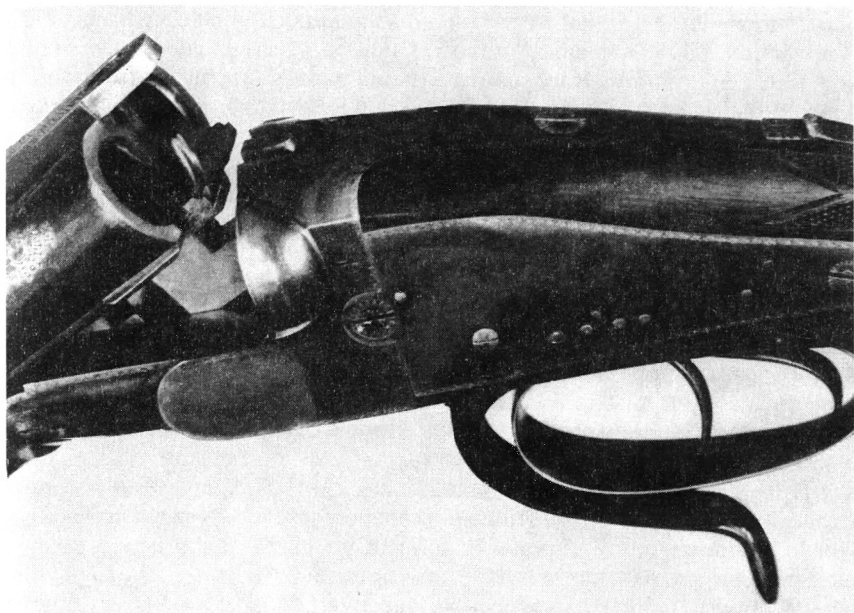
Он часто выступал на страницах охотничьих газет и журналов того времени. Его мнение ценили многие любители охоты в России. В целях поддержки журнала “Псовая и ружейная охота” по просьбе редакции С.А. Бутурлин подбирал для его подписчиков ружья в известном магазине Роггена. О его приезде в Москву читателей заранее предупреждали специальным объявлением. К Бутурлину обращались не только подписчики журнала. Многие просили его помочь в выборе ружья. И никто не встречал отказа. Фактически в начале века С.А. Бутурлин стал штатным сотрудником журнала “Псовая и ружейная охота”. “Карманный охотничий календарь” – справочно-записная книжка на 1901 г. в двух частях, в создании которой участвовали А.П. Ивашенцов и С.А. Бутурлин. Последний составил для календаря краткое руководство “Пульное оружие”. Книги С.А. Бутурлина рассылались подписчикам в качестве ежегодных премий.

Создание “парадокса” 24-го калибра

В те годы Сергей Александрович – частый посетитель мастерской Франца Осиповича Мацки, знаменитого в России оружейного мастера, который изготавливал штучные ружья высшего разбора. Они не уступали ни по бою, ни по отделке английским образцам, но были вдвое дешевле, отличались прочностью, долговечностью, точностью подгонки и отладки механизмов, что не раз подтверждал С.А. Бутурлин, проводя испытания ружей Мацки на охотничьих выставках.

Сергей Александрович и сам задумал создать ружье. Универсальное, дальнобойное, стреляющее пулей и дробью – на крупного зверя и на мелкую дичь. Немалую помощь в создании нового ружья оказывал

¹⁶ Успенский С.М. С.А. Бутурлин как знаток Севера // Охота и охотничье хозяйство. 1973. № 7. С. 6.

“Парадокс” системы Бутурлина. Работа Ф.О. Мацки. Фото Л.М. Бойченко

С.А. Бутурлину А.П. Ивашенцов. В эти годы Сергей Александрович и Александр Петрович жили в разных городах и виделись нечасто. Но они постоянно информировали друг друга о своих исследованиях. Александр Петрович готовил к изданию большую книгу “Бой и служба дробового ружья”. Это был капитальный труд. Методически собирал материал для своей книги и С.А. Бутурлин. На многие вопросы любителей охоты и ружейных специалистов отвечали книги С.А. Бутурлина и А.П. Ивашенцова. В то время их можно было расценивать как энциклопедии по охотничьему оружию. В них были описаны старые и новые модели, боеприпасы к ним, давались практические советы охотникам, приводились интересные факты и наблюдения из охотничьей практики.

Несмотря на обилие образцов гладкоствольных и нарезных ружей, выпускаемых в России и за границей, многие мечтали об универсальном, годном для разных видов охот, ружье, надежно стреляющем и дробью и пулей. Многие считали, что такой парадокс невозможен. Но “парадокс” появился. Именно под таким названием стало известно в России ружье “райфл-чок”, изобретенное английским полковником Фосбери в 1885 г. Это был гибрид винтовки и дробовика, что отразилось и в названии: “райфл” – по-английски значит “винтовка”, а “чоком” обычно называют особую сверловку гладкоствольного ружья, чуть сужающуюся к дульному отверстию. Это новшество весьма заинтересовало С.А. Бутурлина. Ему приходилось испытывать подобные ружья на охотничьих выставках, он знал, что многие модели бывали очень капризны, бой их

бывал неточен. Тяжелая пуля сильно уменьшала дальность выстрела. Разработать свой “парадокс” малого калибра – эта мысль не давала покоя С.А. Бутурлину. Изготовить его вариант универсального ружья должен был, конечно, непревзойденный Ф.О. Мацка. Ружье было создано. Знарок оружия наших дней В. Кречетов заключает: «Одна из вершин творчества Мацки – двуствольный “парадокс” 24-го калибра под тонкую латунную гильзу. В этом ружье соединились идеи, знания, опыт, труд замечательных людей, неразрывно связанных с историей русского охотничьего оружия. Дело в том, что ружье это... сделал Мацка по заказу и расчетам С.А. Бутурлина... Из этого “парадокса” С.А. Бутурлин стрелял лосей на дистанциях до 300 м. К ружью имеются сменные гладкие стволы»¹⁷. Ружье получилось прекрасное. Мечтой С.А. Бутурлина была организация массового выпуска русского “парадокса” на Тульском оружейном заводе. И такие переговоры уже велись. Эту надежду уничтожила Первая мировая война. Производство охотничьих ружей было свернуто.

В 1901 г. вышла из печати уникальная книга С.А. Бутурлина, энциклопедический труд – “Охотничье пульное оружие”. Подобного исследования еще не знала Европа. В ней можно было найти исчерпывающие сведения об охотничьем нарезном оружии того времени, его наиболее распространенных моделях, их конструкционных и эксплуатационных особенностях.

Орнитологическая деятельность в 1902–1904 гг. Переезд в Везенберг

Этот период деятельности Сергея Александровича, начиная с 90-х годов XIX в., в области орнитологии связан с Зоологическим музеем Академии наук в Санкт-Петербурге и лично с В.Л. Бианки, хранителем орнитологического фонда музея. Подготовка многих публикаций требовала уточнений на основании крупных коллекций. С.А. Бутурлин делал это, изучая как орнитологические собрания Зоологического музея – крупнейшего научного центра, благодаря любезности и доброму отношению доктора В.Л. Бианки, так и солидные частные коллекции.

Правда, не обошлось без осложнений. В феврале 1902 г. С.А. Бутурлин выступил в “Русских ведомостях” со статьей “Зоологический музей Академии наук” по поводу открывшейся в 1901 г. новой экспозиции отдела млекопитающих, где обращал внимание на ряд ошибок и промахов, а также писал о положении музея. В университетских кругах статья была расценена как личный выпад автора против заведующего отделом млекопитающих академика В.В. Заленского, хотя критика была справедливой. Началась бурная полемика. “Выяснение отношений” продолжалось два года. В результате отдельным тиражом была издана небольшая брошюра – «Свод прений, происходивших на заседа-

¹⁷ Кречетов В. Знаменитые ружья. Мацка // Охота и охотничье хозяйство. 1962. № 1. С. 29.

ниях физико-математического отделения Императорской Академии наук по поводу статьи г. Бутурлина, напечатанной в “Русских ведомостях” в 1902 году». В частности, профессор М.А. Мензбир очень резко высказался по поводу личности С.А. Бутурлина и его научной деятельности. И тем не менее эти споры не сильно нарушали деловые отношения Сергея Александровича с Зоологическим музеем Академии наук. Ученый дарил ему свои коллекции, книги и отписки статей (все это до сих пор хранится в его фондах), получал от музея экспедиционное снаряжение.

В 1902 г. С.А. Бутурлин опубликовал несколько работ по зоологии и охотоведению – “Заметки о некоторых птицах Лифляндии”, “О лосях”, “О весенней охоте”, а также первую часть монографии “Кулики Российской империи”: О последней надо сказать особо. “...Руководство к познанию отличительных признаков, названий, распространения и краткой естественной истории бекасов, песочников, кроншнепов, пугал, ржанок, тиркушек и других куликов, обитающих берега вод, болота, степи и леса России”¹⁸, – так писал о ней в предисловии С.А. Бутурлин. Вероятно, идея написания этого труда возникла не без влияния капитальной монографии Зибомо о куликах (*Seebohm H. Geographical distribution of the Charadriidae. L., 1888*). Однако книга Сергея Александровича предназначалась не только специалистам, но и широкой публике, охотникам, поэтому здесь мы видим своеобразный сплав точных сведений и трогательной любви автора к природе, к птицам. Подобный стиль – отличительная черта всего того, что написано С.А. Бутурлиным. Потребность популяризировать науку, ставшая характерной особенностью XX в., была свойственна Сергею Александровичу в полной мере.

“С тем большим удовольствием я берусь за описание русских куликов, что они всегда оставались моими особенными любимцами при всех моих охотах и странствиях. В залитых солнцем роскошных долинах средней Волги и Суры и на туманных мерзлых тундрах Колгуева, на низменных берегах лифляндских озер и Ладоги и на черных скалах Новой Земли больше всего привлекали мое внимание эти живые, стройные птички с их чудным полетом и веселыми мелодичными голосами”. И тут же: “Моя задача – необходимо ограниченная крайней дешевизною издания – дать самое краткое и сжатое руководство к точному определению русских куликов и к ознакомлению с их распространением, нравами и образом жизни в важнейших чертах, а также заинтересовать охотников в пополнении... пробелов в наших познаниях”¹⁹.

В начале века С.А. Бутурлин принял участие в дискуссии об охоте на лосей. Тогда их численность сильно снизилась и предпринимались усилия, в том числе и законодательные, чтобы сохранить и увеличить их поголовье. Охотничий закон разрешал отстрел только быков, эту норму собирались перенести и в новое законодательство. С.А. Бутурлин доказывал, что в силу моногамности лося, подобный подход только

¹⁸ Бутурлин С.А. Кулики Российской империи. Тула, 1902. Титул.

¹⁹ Там же. С. 1–2.

вредит сохранению и воспроизводству вида, и ратовал за разрешение охоты как на лосей-самцов, так и на самок.

В 1903 г. публикации С.А. Бутурлина сравнительно немногочисленны – обзоры литературы в охотничьих журналах и небольшие статьи о птицах, например о линьке косача. Это связано с новым назначением – в Везенберг мировым судьей 5-го участка Везенберг-Вейсенштейнского округа. Об этом переводе С.А. Бутурлину пришлось похлопотать самому. Мариенбург был небольшим городком, расположенным далеко от столицы с ее научными учреждениями. Сергей Александрович, как видно из писем его сестры, скучал в нем и мечтал перебраться куда-нибудь поближе к Петербургу или Москве. В 1903 г. С.А. Бутурлин узнал об освободившемся месте мирового судьи в Везенберге и, чтобы занять его, обратился через знакомых за помощью к Н.С. Таганцеву, видному юристу, члену правительствующего Сената, преподававшему в Училище правоведения в годы учебы там С.А. Бутурлина. По словам сестры, Н.С. Таганцев не советовал ему брать это место, а рекомендовал добиваться продвижения по службе. Но Сергей Александрович предпочел скромную должность в провинции, дававшую свободное время для его исследований.

Деловые отношения связали С.А. Бутурлина в эти годы с Московским университетом и его Зоологическим музеем. Там работали его друзья – зоологи Г.А. Кожевников, С.И. Огнев, Б.М. Житков. Здесь он занимался с коллекциями, обрабатывал сборы различных экспедиций. В 1904 г. и сам прислал в подарок этому музею из Везенберга 2 ящика с коллекциями насекомых, амфибий, рыб, птиц и млекопитающих.

Визит Генри Дрессера

Весной 1904 г. к С.А. Бутурлину приехал один из популярных европейских орнитологов Генри Дрессер. Они давно переписывались, и теперь английский ученый решил навестить молодого русского коллегу. Дрессер был крупным специалистом по птицам многих стран Европы, Азии и Африки. Он издал монументальную “Историю европейских птиц” – девять огромных томов со множеством акварельных рисунков.

Сорок лет Дрессер был членом и секретарем Британского орнитологического союза, членом редакционного комитета авторитетного орнитологического журнала “Ибис”. Те несколько дней, что Дрессер провел у С.А. Бутурлина, были отданы орнитологии. Наблюдали за куличками-чернозобниками на островах Финского залива. Ездили в южную Лифляндию к другу Сергея Александровича, известному орнитологу-любителю Г.В. Лоудону, который уже в начале века первым в Российской империи занялся кольцеванием птиц и изучением их миграций. Материалами богатой коллекции Г.В. Лоудона часто пользовался С.А. Бутурлин, заинтересовала она и Г. Дрессера. Поездка получилась приятной. Охотились, от души хохотали над забавными историями, которые с удовольствием рассказывал Генри Дрессер.

Встреча Дрессера и Бутурлина породила дружбу и профессиональное сотрудничество. В последующие годы они будут обмениваться шкурками птиц, орнитологическими книгами и статьями, научной информацией. По просьбе Дрессера для одной из его книг С.А. Бутурлин напишет специальную главу о птицах северо-восточной Азии.

Внимание видного английского ученого к молодому орнитологу свидетельствовало о научном авторитете последнего. "...С.А. Бутурлин, не занимая никакого официального положения в академических кругах, да и не стремясь к этому, – уже в начале текущего века, будучи сравнительно молодым человеком – в возрасте около 30 лет, занял выдающееся место среди наших естествоиспытателей"²⁰, – писал в 1938 г. профессор Г.П. Дементьев, ведущий советский орнитолог, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, ученик и последователь С.А. Бутурлина.

Вскоре заслуги Бутурлина-орнитолога были признаны и за границей. В 1904 г. его избрали членом Британского орнитологического союза. Кроме него этой чести в России были удостоены трое ученых: доктор В.Л. Бианки, профессора М.А. Мензбир и П.П. Сушкин. Затем он стал одним из почетных членов Американского орнитологического общества, членом Немецкого орнитологического и Женевского зоологического общества. В 1905 г. С.А. Бутурлин вошел в состав оргкомитета IV Международного орнитологического конгресса, но принять в нем участие ему не пришлось – он уехал в длительную экспедицию.

Борьба против официального охотничьего законопроекта

В 1903 г. С.А. Бутурлин получил для официального отзыва экземпляр охотничьего законопроекта, составленный подготовительной правительственной комиссией. Он счел для себя нравственно необходимым выступить в печати с резкой критикой этого документа и добиваться его изменения.

«Я использовал канцелярную ошибку (забыли пометить “на правах рукописи” на присланном мне экземпляре проекта) – и подверг проект великокняжеской комиссии строгой критике, сначала в “Псовой и ружейной охоте” в 1904 году, затем в “Нашей охоте” в 1909 году и, наконец, в комиссиях Государственной Думы и, с поддержкой большинства Всероссийского съезда охотников в 1909 году добился того, что законопроект не стал законом»²¹, – отмечал он. В 1904 г. в журнале “Псовая и ружейная охота” вышла обстоятельная статья С.А. Бутурлина “Охотничий законопроект. Критические замечания”. Это был детальный анализ законопроекта, разбор его недостатков, который Бутурлин обнародовал. “...Проект еще не получил силы закона, а только будет рассмат-

²⁰ Дементьев Г.П. Памяти Сергея Александровича Бутурлина // Зоологический журнал. 1938. Т. 17, вып. 6. С. 963.

²¹ Бутурлин С.А. Охота и революция // Власть Советов. 1924. Оттиск статьи см.: УКМ БФ.

риваться Государственным Советом, и все недостатки еще могут быть исправлены”²².

И ему пришлось затратить немало энергии, чтобы доказать несостоятельность предлагаемого официального законопроекта. Он чувствовал за собой моральное право так поступать. Двадцать лет охотничьей жизни дали ему возможность хорошо узнать ее в условиях провинции Среднего Поволжья, Тульской губернии, Прибалтики, хорошо охраняемых угодий вблизи обеих столиц. Сотрудничество с иностранными и русскими охотничьими журналами, множество корреспондентов, в письмах рассказывающих о местных условиях, дополняли собственный опыт. Кроме того, судейская практика С.А. Бутурлина в Прибалтике, связанная с применением охотничьего закона и его нарушениями, выявила немало фактов, подчеркивающих важное значение редакционных недостатков его положений и формулировок.

Что же не устраивало С.А. Бутурлина в новом законопроекте?

Законопроект создавал преимущества для богатых любителей спортивной охоты, крупных владельцев земли и лишал права охотиться несостоятельных граждан по усмотрению местных властей. Для всей империи устанавливались единые сроки начала и завершения сезона охоты. Охота облагалась повышенным налогом – 5, 15 и 40 рублей, в зависимости от ее характера. Например, налог в 5 рублей давал право на все виды охоты, кроме весенней. 15-рублевый налог позволял стрелять вальдшнепа на тяге, тетеревов и глухарей на току и селезней весной. И лишь налог в 40 рублей давал возможность охотиться на лебедей и гусей на пролете весной. Такой же высокий налог надо было платить за право вести научную охоту.

На необходимости разработать разумный, полезный для охотничьего дела закон С.А. Бутурлин настаивал постоянно.

Экспедиция на Колыму в 1905 г.

Естественно, мечтой ученого было исследование авифауны неизученных северных районов во время длительной экспедиции. Такая возможность появилась неожиданно. И в этом случае С.А. Бутурлину помогла занимаемая им должность мирового судьи. Русско-японская война нарушила продовольственное снабжение северных окраин Сибири и Дальнего Востока из Владивостока. Правительство пыталось доставлять продукты и товары из Америки. Но не все корабли доходили до русских портов на Охотском побережье. А поскольку снабжение этих районов являлось обязанностью государства, то Министерство внутренних дел было вынуждено срочно налаживать подвоз продовольствия и предметов первой необходимости через Иркутск и Якутск по старым санным путям. Это было трудно и дорого. Вот тогда-то и решили в спешном порядке откомандировать в Восточную Сибирь представителя, который изучил бы положение на месте и дал свои ре-

²² Бутурлин С.А. Охотничий законопроект // Псовая и ружейная охота. 1904. Кн. 11. С. 148–149.

комендации. Им стал С.А. Бутурлин. Он наделялся большими полномочиями как представитель Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием Колымского и Охотского краев. Все государственные чиновники должны были всемерно содействовать его основной миссии.

От Императорского Русского географического общества он получил официальное удостоверение, что является главой экспедиции с научными и экономическими целями. Научные задачи в этой поездке ему помогали решать еще трое исследователей. В начале января 1905 г. вопрос о командировке Сергея Александровича был решен окончательно. Возложенная на него миссия была хлопотной. "...Мне было... предложено взять на себя организацию доставки провианта на Колыму и часть Охотского побережья... а также всесторонне исследовать положение продовольственного дела в крае, что по местным условиям... сводится к научно-промысловой рекогносцировке площади почти в 1 миллион квадратных верст"²³. Кроме этого С.А. Бутурлину надлежало выяснить целесообразность устройства потребительских складов, возможность организации снабжения через небольшие порты Ола и Охотск на Охотском море. И ответить на вопросы: в каких продуктах и в каком количестве население наиболее нуждается; учитывая, что главное занятие населения – охота и рыболовство, какой тип огнестрельного оружия здесь наиболее необходим; какое значение имеют для населения зерновые продукты; каковы экономическое положение населения в связи с промыслово-продовольственной нуждой и правовое, административное, врачебное устройство?

В январе 1905 г. небольшой отряд отправился в дорогу. В состав экспедиции вошли уже хорошо знакомые С.А. Бутурлину по экспедиции 1902 г. на остров Колгуев агроном, ботаник и почвовед И.А. Шульга и препаратор А.К. Цельмин, впоследствии один из наиболее известных таксидермистов России. В Якутии в экспедиции появился еще один человек – “интеллигентный охотник из Верхоянска” – административный ссыльный К.Ф. Рожновский. На путь до Колымы ушло два месяца. Только до Иркутска по железной дороге добирались две недели. А дальше начинался знаменитый санный почтовый путь: Иркутск–Якутск–Верхоянск–Среднеколымск. Сибирская железная дорога от Москвы до Иркутска сделала Восточную Сибирь более доступной. Но сообщения на ее огромной территории проходили все еще по гужевым трактам. Передвигались на санях, на оленьих нартах, на собачьих упряжках.

17 февраля прибыли в Иркутск. Из-за прекращения подвоза здесь чувствовалась нехватка продуктов и предметов первой необходимости. Цены на них были очень высоки. Благодаря содействию местной администрации в Иркутске удалось закупить экипажи, приобрести одежду, запастись провизией на путь до Якутска – в дороге нельзя было рассчитывать даже на приобретение черного хлеба.

²³ Бутурлин С.А. Мелкие известия // Известия Императорского Русского географического общества. 1905. Т. 41, вып. 1–5. С. 793.

Сибирские гужевые тракты таили немало опасностей даже для бывалых сибиряков. Это и суровый климат, и труднопроходимые горы, и бурные реки. Возвратясь с Колымы, С.А. Бутурлин писал: "...крошечные санки, влекомые собаками или оленями по пустынным ущельям горных хребтов при сорока-пятидесятиградусных морозах, гребные лодки при бесконечных дождях, метелях и бурях полярного лета на беспредельном буйном просторе низового разлива великой реки и взморья, — легкая палатка, промокающая и промерзающая насквозь под ледяным дыханием осенних режущих ветров необозримой тундры..."²⁴.

С.А. Бутурлин подробно описывал состояние трактов, отмечал недостатки. Не хватало кормов для лошадей и оленей. Приходилось сутками ждать замены или ехать на усталых. Чем дальше на северо-восток, тем тяжелее становилась дорога. Между Верхоянском и Среднеколымском почтовые станции отстояли друг от друга на 300 верст. Останавливаться для отдыха и корма оленей приходилось в "поварнях" — срубках с очагом, окнами из льда или рыбьей шкуры. Кроме провизии приходилось везти еще дрова и воду для чая. Дорога местами была занесена снегом, а местами — голый камень, наледи.

И длится наш путь бесконечный,	В ущельях глубоких метели,
Тихонько олени бредут,	Как волки, поют и поют.
И сухо стучат их копытца,	Сменяется все чередою.
И нарты скрипят и ползут.	И ночью, и утром, и днем,
И тянется лес беспредельный,	И кажется путь бесконечный
И горы зубцами встают,	Мечтою, иль бредом, иль сном ²⁵ .

Эти стихи С.А. Бутурлина точно передавали его впечатления от поездки по сибирскому санному тракту. Наконец, Якутск, куда 9 марта 1905 г. прибыли члены экспедиции. Работы было много: здесь находилась основная документация по снабжению края продовольствием. Отсюда предстояло везти значительный запас продуктов и товаров для населения Колымы. С.А. Бутурлин ознакомился с тем, что сделано для снабжения Колымского и Охотского краев в последнее время, выяснил, где и какие есть запасы продовольствия. Порядок в организации снабжения было мало, путаницы хватало. В Якутске отряд разделился. И.А. Шульга с частью груза и небольшим отрядом казаков отправился к побережью Охотского моря. Путь С.А. Бутурлина лежал на Верхоянск и Среднеколымск. 17 марта С.А. Бутурлин с большей частью багажа — до 16 оленьих нарт — выехал в Верхоянск. Его сопровождали помощник А.К. Цельмин, местные проводники и казаки. Рассчитывали быть в Верхоянске в конце марта, затем двинуться на северо-восток на Абый. Предстояло заниматься в Абые устройством продвижения продовольствия на Колыму при помощи "инородцев".

²⁴ Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского краев мирового судьи С.А. Бутурлина. СПб., 1907. С. CVIII.

²⁵ Бутурлин С.А. Что такое Север, кто там живет и будущее мировое значение его // Советский Север. М., 1929.

По дороге на Верхоянск и Абый Сергей Александрович видел ужасающую нужду. Поражал почти первобытный образ жизни, отсутствие у населения привычных в Европейской России трудовых навыков. “За 300 лет путем прямого грабежа, выжимания ясака, торгового обмана было выкачано с Севера огромное количество пушнины. Все хозяйственное равновесие Севера было потрясено. Лесные пожары, никогда не пускаемые туземцами, опустошали миллионы десятин. Тяжелая подводная повинность губила оленей и собак; завезенные эпидемии оспы, кори, гриппа косили людей. Взамен Север ничего не получил, и уже в двадцатом столетии можно было проехать тысячи верст по Северу и не встретить ни одной печи (русской или голландской), ни одной бани, ни одного человека, знающего, что такое колесо, парус, пила, оконное стекло”²⁶, – писал С.А. Бутурлин.

Экономическое притеснение “инородцев”, как и других неимущих слоев населения, было обычным делом. Это давало возможность представителям местной администрации спокойно жить, отгородившись от первейших нужд людей, и даже “греть руки” на неурядицах. С.А. Бутурлин неумоимо собирал и анализировал подобные факты, надеясь изменить к лучшему положение беднейшего населения.

5 апреля экспедиция прибыла в Среднеколымск. Здесь Сергей Александрович изучил документы полицейского управления, состояние продовольственных запасов и их хранилищ. Казалось бы, в Среднеколымске С.А. Бутурлин мог отдохнуть после тяжелого двухмесячного пути. Но поступающие из разных частей округа сведения о бедственном положении и голодовках коренного населения края не позволяли ему думать о передышке.

Бутурлин торопился до распутицы объехать все поселения Колымы и взморья – около 500 верст. И везде он встречал голод, нехватку орудий лова и промысла, нищету, полное бездействие местных представителей власти, граничащее с преступлением. “Если бы местная администрация сама не поленилась ознакомиться с положением бродячих инородцев, то легко увидела бы, что некоторый упадок в них энергии зависит лишь от плохого питания, невозможных жизненных условий и отсутствия, а не избытка разумной помощи”²⁷, – возражал С.А. Бутурлин против распространенного в то время мнения о естественной обреченности “инородцев” на вымирание. Речь шла о северных племенах, которых в России называли “инородцы”. Это – бродячие юкагиры и ламуты, оседлые и полuosедлые якуты, тунгусы, чукчи и другие народности Севера. Но эта группа была далеко не однородной. У якутов уже прослеживалось ярко выраженное экономическое неравенство и классовое расслоение, они эксплуатировали более бедные кочевые племена юкагиров и ламутов, которые попадали к ним в настоящую кабалу.

Весной на Колыме голод не был редкостью. В пищу шло все, вплоть до тюленьей кожи. Но особым бедствием был падеж собак. Это

²⁶ Бутурлин С.А. Возрождение народов Севера // Власть Советов. 1926. № 29/30. С. 20.

²⁷ Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского краев мирового судьи С.А. Бутурлина. С. 32.

подрывало главную основу существования местных племен – промысел и обрекало их на вымирание. Местная администрация считала такое положение дел в порядке вещей и никаких экстренных мер не принимала. Голодающим не давали муки, даже тем, у кого не было долгов.

Везде, где Сергей Александрович бывал, он выдавал для населения муку, а для прокорма собак распорядился закупить оленей и лошадей. Эта помощь лишь уменьшала нужду, но не изменяла положение коренным образом. С.А. Бутурлин это понимал. “Все благополучно” – такими словами нередко встречали его представители власти в селениях, буквально вымиравших от голода. Эти заверения и еще разговоры о естественном вымирании в столь суровых условиях особенно возмущали С.А. Бутурлина. “Приходится нередко слышать, что заботиться о нуждах населения этих далеких окраин совершенно бесполезно, так как ламуты, юкагиры, чукчи и другие бродячие инородцы все равно обречены неизбежному вымиранию... кто именно обрек бродячих инородцев или доказал бесспорно, что они обречены вымиранию, – я не знаю. На примере юкагиров низовьев Колымы мы видим даже полное обрушение и переход к оседлой жизни... В пустынных хребтах и тундрах Сибири есть еще довольно места для кочевания, и кочевой быт далеко не является здесь анахронизмом. Если исчезнут здесь бродячие ламуты или чукчи, то место их в общей экономике страны не будет занято населением с высшими формами быта, но останется надолго пустым... Если бродячие инородцы действительно вымирают, то причины этого очевидны, временны и устранимы... Поэтому и разумнее, и человечнее... постараться оказать посильную и в сущности несложную помощь племенам мирным, благородным и нередко выработавшим в себе до поразительной степени некоторые качества, могущие быть крайне полезными и высоко культурному государству”²⁸, – писал он.

Нерпичий промысел, способы рыболовства и охоты, удачный опыт земледелия в долине Колымы, медицинская помощь населению – все это было предметом пристального внимания С.А. Бутурлина и других членов экспедиции. На основе всех этих сведений и впечатлений созревало у С.А. Бутурлина представление о системе мероприятий для оживления жизненных сил низовьев Колымы, которую он предложил Министерству внутренних дел. Это была целая программа. В “Отчете” она занимала не один десяток страниц и затрагивала почти все стороны жизни местного населения – русского и “инородческого”. Во время экспедиции на Новую Землю Сергею Александровичу довелось подробно ознакомиться с жизнью новоземельских “самоедов”.

Промысловые колонии регулярно получали от казны все необходимое для жизни и промысла, а взамен отправляли на материк пушнину, рыбу и прочую добычу. Взаимовыгода таких отношений была заметна с первого взгляда. Но на Колыме это начинание оказалось неудачным, и главную причину этого С.А. Бутурлин видел в недобросовестности и

²⁸ Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского краев мирового судьи С.А. Бутурлина. С. 142–143.

бездеятельности местной администрации. В его отчете подробно перечислялось, что нужно для сносного существования местного населения: “облегчить бремя податей и повинностей”, “уничтожить платеж ясака за вымерших сородичей”, “упорядочить снабжение товарами и кредит”²⁹. Последнее было одной из важнейших мер, ибо перекупщики пушнины и рыбы буквально грабили население, взвинчивая цены на чай, табак, иголки, ружья, которые не причисляли к предметам первой необходимости и не запасали на казенных складах, находящихся в ведении государственных чиновников.

С.А. Бутурлин ратовал за исполнение на деле статьи закона, обязывающей принимать в обмен на товары казенного изготовления не только деньги, но и пушнину, и мамонтовую кость. Он считал, что цены на продукты следует устанавливать не по оценке местных скупщиков, а на более крупном Якутском рынке. Требовал уточнения, по мнению Сергея Александровича, и перечень необходимых товаров, в которых чувствовалась острая потребность. А не хватало котлов, топоров, пил, ситца, иголок и многого другого.

Сергей Александрович считал, что необходимо уравнивать в правах различные группы населения Колымского края, чтобы льготы, предоставляемые в разных случаях кочевым и бродячим “инородцам”, распространялись на всех. Многие могли дать, по его мнению, “и предоставление местным органам самоуправления участия в надзоре”³⁰ за запасами, ссудными капиталами, складами товаров.

Улучшить заботу о народе, улучшить пути сообщения, дать Колыме речной пароход, ремесленную школу, увеличить число общеобразовательных школ – такие меры С.А. Бутурлин считал неотложными.

Открытие гнездовой розовой чаек

Первое время при большой занятости экономической стороной экспедиции, у С.А. Бутурлина не оставалось ни сил, ни времени для зоологических исследований. Но он и его помощники собирали богатые коллекции: ботаническую, орнитологическую, этнографическую.

Самое главное: во время колымской экспедиции С.А. Бутурлину удалось сделать орнитологическое открытие – найти родину розовых чаек (*Rhodostethia rosea*). Это стало научной сенсацией.

Впервые эта птица стала известна ученым в 1824 г. Потом ее часто видели у островов Северного Ледовитого океана. Но в течение 80 лет исследователи не могли найти ни ее гнездовой, ни птенцов. В конце прошлого века исследователь Восточной Сибири, ссыльный поселенец И.Д. Черский, добыл в низовьях Колымы двух розовых чаек. В Среднеколымске Сергей Александрович уже не исключал возможности встретить этих птиц – старожилы рассказывали, что у моря гнездится какая-то маленькая чайка, сверху серая, снизу розовая, а шею ее опоясывает, словно ожерелье, узкая черная полоска. Ее здесь называли морской за

²⁹ Там же. С. 144–145.

³⁰ Там же. С. 146.

склонность придерживаться мокрой приморской тундры. Это и оказалась розовая чайка – *Rhodostethia rosea*.

“Эта чудесная птичка здесь совсем обыкновенна... Типичная птица пойменной долины дельты Колымы, гнездящаяся колониально с крачками, преимущественно на островах бесчисленных здесь озер, и непременно на траве. Добираться до гнезда трудно, так как по озерам теперь плавать нельзя, лед стоит, а ходьбы этот лед почти не выдерживает, да и от берегов... отделен... широкой... полосой воды. 31 мая добыл 16 яиц ее, слегка уже насиженных. Отличать ее яйца, несмотря на совместное гнездование с крачками, легко... Ни по величине, ни по форме, ни по цвету, ни по типу окраски не похожи они на яйца крачек. Эти яйца, до сих пор неизвестные, вполне достойны такой красивой птицы... Фон окраски прекрасного, густого и темного оливково-зеленого цвета, пятен немного, расположены они не часто... не резко выделяясь на густой окраске фона”³¹, – эти строки С.А. Бутурлина, адресованные секретарю Русского географического общества, явились настоящим откровением для орнитологов. Сергей Александрович впервые описал устройство гнезд, яйца, птенцов розовой чайки, особенности ее гнездования и брачного поведения, характер питания и многое другое. Собрал большую коллекцию шкурок этих птиц разного возраста. Эти наблюдения еще не одно десятилетие давали наиболее полное представление о биологии розовой чайки. Лишь исследования выдающихся орнитологов – заслуженного деятеля науки К.А. Воробьева и профессора В.Е. Флинта уже во второй половине XX в. внесут некоторые дополнения в сообщения С.А. Бутурлина. Его статья “Гнездовая розовой чайки”, напечатанная после возвращения из Колымской экспедиции в журнале “Псовая и ружейная охота” и в английском орнитологическом журнале “Ибис”, навсегда связала его имя в истории орнитологии с открытием родины розовой чайки.

Лето, которое Сергей Александрович провел на Колыме, было на редкость холодным. Не раз пурга и метели задерживали С.А. Бутурлина в пути, сильные штормы мешали плаванию по Колыме. Все это затрудняло работу экспедиции. И тем не менее сборы экспедиции были огромны: две тысячи экземпляров птиц, около 500 кладок яиц, четыре тысячи насекомых, коллекции млекопитающих, рыб и пресмыкающихся, две тысячи листов гербария, этнографические коллекции. Багаж, который членам экспедиции предстояло увезти в Петербург и в Москву, оказался громадным. Обратный путь был труден – наступала полярная ночь, крепчали морозы, сказывалось утомление долгих месяцев сибирских скитаний. На почтовых станциях не хватало оленей и лошадей. Уже в Верхоянске возникли трудности с багажом. В Якутске и Иркутске часть поклажи пришлось оставить на попечение местных отделений Русского географического общества. Их представители обещали при первой же возможности переправить все в столицу, но многое так и не было доставлено по назначению.

³¹ Бутурлин С.А. Мелкие известия // Известия Императорского Русского географического общества. 1905. Т. 41, вып. 3. С. 297–298.

Сергей Александрович возвращался в Москву в разгар декабрьских революционных событий 1905 г. С большим трудом, где с помощью “открытого листа” Министерства внутренних дел, где такого же документа Императорского географического общества, где своего билета корнета запаса, Бутурлин вместе со своими спутниками смог в ночь на 19 декабря 1905 г. доставить места в поезд, идущем в Москву. 2-го января 1906 г. после долгих остановок и разных историй добрались они до Москвы. “8-го я был в Петербурге и к 20 января 1906 г. – в Везенберге, закончив тяжелую годовую поездку в 26 с лишком тысяч верст со всего двумя обмороженными пальцами, но зато вполне вылеченным чистым и холодным полярным воздухом сильным бронхитом, с которым я уезжал год назад. Многое изменилось за этот год здесь – но не на дальнем Севере, где по-прежнему бедный и несложный строй жизни ожидает разумной и энергичной, в сущности, простой и недорогой помощи, которая дала бы населению стать, наконец, на ноги и прокармливать своим трудом, не нуждаясь в обременительных для дающего и для получающего подачках и не боясь голодной смерти”³², – написал он в отчете. И хотя С.А. Бутурлину тогда не удалось повлиять на положение беднейшего населения Колымы и в течение многих лет его рекомендации так и оставались благими пожеланиями, сданными в архив Министерства внутренних дел, эта экспедиция принесла большую пользу дальнейшей работе исследователя. Кроме того, многие публикации С.А. Бутурлина в охотничьих журналах давали правдивое представление об экономическом положении коренного северного населения северо-востока Российской империи.

Научная и общественная деятельность в 1906–1908 гг.

Возвратившись из колымской экспедиции, С.А. Бутурлин приступил к составлению отчета, который вышел из печати в виде небольшой книги в 1907 г. В 1906 г. он работал над статьями по различным группам птиц – белоспинным дятлам, мохноногим сычам, настоящим фазанам, гусям-гуменникам. Начал написание капитальной сводки по птицам Колымского края и Якутии. В процессе этой работы С.А. Бутурлин изучил ряд коллекций других исследователей, в частности Н.А. Зарудного, Г.В. Лоудона, С.Н. Алфераки. Уточнил кавказские сборы А.М. Кобылина. Написал главу о птицах северо-восточной Азии для книги Генри Дрессера о птицах Восточной Палеарктики.

В 1906 г. была издана подготовленная совместно с Б.М. Житковым и пролежавшая шесть лет в редакции большая фаунистическая работа С.А. Бутурлина по птицам Среднего Поволжья “Материалы для орнитофауны Симбирской губернии”. В эти годы он ведет в охотничьих журналах разделы “Интересные находки”, “Новые книги”, “Обзоры

³² Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского краев мирового судьи С.А. Бутурлина. С. 141.

Мировой судья С.А. Бутурлин за работой. Около 1906 г., Везенберг

русской и иностранной орнитологической литературы”. Активно сотрудничает с научными обществами. Делает на их заседаниях доклады о своей экспедиции на Колыму.

В 1908 г. С.А. Бутурлин описывает новый для России вид – бекасовидного веретенника.

В январе 1909 г. Сергей Александрович за безупречную службу мировым судьей получил орден Св. Станислава II степени.

Экспедиция в Кулундинскую степь в 1909 г.

В 1909 г. по заданию Императорского Русского географического общества и Общества любителей Естествознания, антропологии и этнографии Сергей Александрович отправляется в экспедицию в Приалтайскую и Кулундинскую степи – в пределы Семипалатинской и Томской губерний, в район верхнего течения Оби и Иртыша. Срок экспедиции опять очень ограничен – два месяца. С ним едут трое спутников – орнитолог Г.И. Поляков, агроном и почвовед А.И. Шульга и препаратор Г.Э. Кенгиз. Все участники экспедиции ехали вместе лишь до Семипалатинска, потом для проведения исследовательской работы отправлялись по разным маршрутам и встречались вновь в условленном пункте.

Об этой экспедиции мало известно. Во время пребывания в Семипалатинске С.А. Бутурлин познакомился с орнитологическими матери-

алами местного музея. В Томске, куда он тоже заехал по пути, он завязал деловые контакты с орнитологами местного университета – П.М. Залесским, В.Г. и Г. Хр. Иогансенами, К.А. Паршиным. Он изучил их коллекции и орнитологические материалы Томского музея, подарил часть своих орнитологических сборов, рассказал о результатах своей экспедиции. Эти хорошие отношения сохранились надолго.

“Бутурлин Сергей Александрович в 1909 году предпринял орнитологическую поездку вдоль западной окраины Алтая. Выехав из Семипалатинска около 1 июня, Бутурлин направился в сел. Локоть на р. Алей, а оттуда вниз по Алею к многочисленным степным озерам юго-восточной части Барнаульского уезда. Полного отчета об этой поездке не появилось. Отдельные интересные данные были опубликованы Бутурлиным в его совместной с Тугариновым работе об енисейских птицах; некоторые сведения приводятся в работе Дрессера об яйцах палеарктических птиц”³³.

С.А. Бутурлин – мировой судья
в Везенберге. Около 1906 г.,
Везенберг

Второй Всероссийский съезд охотников. С.А. Бутурлин против официального охотничьего законопроекта

Кульминацией борьбы Сергея Александровича против официального законопроекта об охоте стал II Всероссийский съезд охотников, который состоялся в Москве 17–25 ноября 1909 г. На нем собралось около 300 представителей охотничьих обществ и отдельных охотников-любителей. Им предстояло обсудить разработанный государственной комиссией проект новых “Правил об охоте” и вынести свое заключение. С.А. Бутурлин представил на съезд 11 докладов! Они касались всех сторон охоты, затронутых охотничьим законопроектом: “К вопросу о способах и орудиях лова”, “К вопросу об обложении охоты”, “О подразделении России на полосы с разными сроками охот”, «Желательные поправки к проекту “Правил об охоте”», “К вопросу о вредных животных”, “К вопросу о сроках охоты и лова”. В одном из своих докладов

³³ Сушкин П.П. Птицы Советского Алтая и прилежащих частей северо-западной Монголии. М., 1938. Т. 1. С. 26.

Сергей Александрович говорил: "... если мне удастся доказать, что проект Правил об охоте имеет огромное и притом отрицательное значение для широких слоев населения северо-восточной половины Империи, если мне удастся обратить на этот проект внимание местных интеллигентных сил, создать почву для обсуждения возможных к нему поправок и внести в это обсуждение свою долю труда и знания и, наконец, поверх всего, если мне этим удастся вызвать и какие-либо практические шаги к тому, чтобы при окончательном рассмотрении проекта законодательными учреждениями недостатки его сгладились, а законные права и жизненные интересы промысловых районов получили надлежащее признание и защиту, – то я буду считать свою нравственную обязанность исполненной, и ту цель, которую я поставил себе... вполне достигнутой"³⁴.

Доклады С.А. Бутурлина на съезде – свидетельство глубокой принципиальности и гражданственности их автора. В процессе пристального анализа и критики законопроекта С.А. Бутурлин фактически разработал свой вариант охотничьего закона. Он видел в правильной охоте необходимый регулятор численности диких животных в природе, когда выживают и плодятся наиболее сильные и здоровые. Считал, что разумнее по осени отстрелять часть молодежи, которая, как правило, становится добычей охотников, чем дать ей бесполезно погибнуть зимой от бескормицы. Его взгляды, впоследствии четко сформулированные С.С. Шварцем в учении об экологическом резерве популяции, легли в основу созданного С.А. Бутурлиным охотничьего законодательства.

Говоря об охране дичи, о соблюдении законов об охоте, С.А. Бутурлин никогда не сводил все к установлению запретов и наказаний. Он придавал огромное значение нравственному отношению к природе, поэтому считал первейшей необходимостью вести просветительскую и воспитательную работу с огромной аудиторией – всеми охотниками страны. Для этого он писал статьи в журналах, выступал на съездах и совещаниях, издавал популярные книги, отвечал на множество писем. Вместе с другими естествоиспытателями С.А. Бутурлин закладывал основу новой научной дисциплины – охотоведения.

Итогом его выступлений на съезде охотников стало не только отклонение официального законопроекта, но и принятие за основу варианта, предложенного Сергеем Александровичем. Это было столь значительно, что в 1910 г. С.А. Бутурлина включили в состав комиссии Государственной думы по выработке нового закона об охоте.

Научная деятельность в 1910–1915 гг.

В 1910 г. появилось несколько новых орнитологических публикаций С.А. Бутурлина: по птицам Дальнего Востока, в основном Уссурийского края, с описанием новых видов и подвидов авифауны России. В этом же году С.А. Бутурлин по заданию орнитологического отдела

³⁴ Бутурлин С.А. Проект новых "правил об охоте" и их значение для нашего Севера и Северо-Востока // Труды II Всероссийского съезда охотников. М., 1911. Т. 2. С. 263.

ния Русского общества акклиматизации животных и растений принял участие в опытном изучении перелетов путем кольцевания. Он разработал проект этих исследований на годы вперед. До этого в России кольцеванием почти не занимались. Исследования барона Г.В. Лоудона в 1908 г., которого называли энтузиастом кольцевания, были его личной инициативой. Но благодаря им и личному знакомству с этим талантливым и богатым орнитологом-любителем С.А. Бутурлин увлекся проблемой кольцевания птиц еще в начале века. Он мечтал объединить усилия всех ученых и любителей природы нашей страны и даже всего мира для изучения закономерностей перелетов птиц.

В 1910 г. состоялся V Международный орнитологический конгресс в Берлине. Распорядительный комитет заранее избрал в сопредседатели этого научного форума 10 человек – среди них были С.А. Бутурлин и Г. Дрессер. Но принять участие в его работе Сергей Александрович не смог и следил за событиями на конгрессе по сообщениям печати. На конгрессе он был введен в состав Международного орнитологического комитета, в котором состоял членом до 1913 г.

В 1910 г. в России создается первый и единственный орнитологический частный журнал “Орнитологический вестник”, ставший центром консолидации исследователей. Его издателем и редактором был орнитолог-любитель Г.И. Поляков. С.А. Бутурлин, состоявший с ним в дружеских отношениях, участвовал в организации этого издания, был одним из его активных авторов и внештатных сотрудников. За 7 лет существования журнала ни один номер не выходил без его материалов. В нем же Сергей Александрович постоянно публиковал обзоры русской и иностранной орнитологической литературы.

С 1912 г. Бутурлин начал преподавательскую деятельность – стал читать курс лекций по охотничьему оружию и охотоведению в Московской сельскохозяйственной академии (впоследствии Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева). Это закономерно. В том же году вышел из печати первый том главного сочинения Сергея Александровича по оружию – практического руководства “Стрельба пуль”, второй появился через год. С.А. Бутурлин стал бесспорным авторитетом в этих вопросах и среди специалистов. Обратили внимание на эту книгу и профессиональные военные. С.А. Бутурлин писал о плохой постановке стрелкового дела в России и в русской армии – вот что было причиной интереса военных к его труду.

“Легко понять, что может сделать рота превосходных стрелков! Преградить путь целой дивизии солдат, обученных строю и дисциплине, но едва умеющих стрелять. Боевые вопросы лишь отчасти относятся к настоящей работе, но такие вопросы, которые связаны со свободой и безопасностью родной страны, всегда следует иметь в виду. Как далеко мы отстаем от других стран в различных областях спорта, в частности в стрельбе из боевого оружия, выяснилось на Олимпийских играх 1912 года в Стокгольме... По шести стрелков от страны со своим национальным боевым оружием... Россия – девятая из десяти. Громадное подспорье войсковому обучению стрельбе – широкое распространение школьного обучения строю и стрельбе, как в других странах, распро-

странение стрелковых клубов, общественных состязаний, на что в большинстве культурных стран тратят огромные усилия и средства правительства... У нас – нет. В настоящее время нельзя и мечтать о развитии данного вопроса”³⁵, – писал С.А. Бутурлин в предисловии к своей книге в 1912 г.

С этого же времени он стал членом комиссии Департамента земледелия по обследованию соболиных промыслов. В 1912 г. за свою экспедиционную и исследовательскую работу С.А. Бутурлин получает Большую золотую медаль имени А.П. Семенова-Тян-Шанского Императорского Русского географического общества. В 1913 г. его избрали членом Русского орнитологического комитета.

С начала века Сергей Александрович занимался фотографированием. Особенно много снимков привозил он из экспедиций. Это тоже был важный научный материал. В 1913 г. совместно с А.П. Ивашенцовым он подготовил к печати и издал книгу “Охота с камерой. Фотографирование живой природы”. По мнению современников, это было лучшее на то время в России руководство по “фотоохоте”.

Годы первой мировой войны

Суть жизни С.А. Бутурлина в 1914–1917 гг. составляли научная работа и общественная деятельность. Он достиг общественного и научно-го признания, авторитет его как специалиста и исследователя был весьма высок. В 1915 г. в “Технической энциклопедии” опубликовали несколько статей С.А. Бутурлина об охотничьем оружии. Он готовил к изданию сводку по птицам Якутии. Хорошо шли дела и по службе. Судью Бутурлина уважали не только в Везенберге. В январе 1914 г. он получил очередной чин – статского советника и очередную награду за службу – орден Св. Анны II степени.

Повзрослел сын Александр, через несколько лет он должен был закончить Училище правоождения. Но надежды Сергея Александровича найти покой и счастье в семейной жизни не оправдались. Вера Владимировна не стала другом, помощницей и единомышленницей. С тех пор как Александр уехал учиться в Петербург, отношения супругов осложнились. К 1912 г. они разошлись. У каждого была теперь своя жизнь. Переписка касалась в основном воспитания сына.

В 1914 г. у Сергея Александровича появилась новая семья, родился сын Константин. Он считался незаконнорожденным и не имел равных прав со своим старшим братом. И это мучило С.А. Бутурлина.

Началась первая мировая война. В конце 1915 г., закончив Училище правоождения в ускоренном выпуске, ушел на фронт Саша.

Был призван в действующую армию и сам Сергей Александрович. Перед отъездом на фронт он составил завещание, по которому все имущество разделил поровну между своими сыновьями Сашей и Костей, и просил сестру Варю в случае его смерти позаботиться о Косте. Но Сер-

³⁵ Бутурлин С.А. Стрельба пуль. СПб., 1913. Т. 1. С. 10.

гей Александрович быстро вернулся с фронта. А Александр погиб буквально через несколько месяцев. Это был первый удар. Затем весной того же года умер отец С.А. Бутурлина. Он тяжело переживал потерю и даже стал серьезно подумывать о возвращении на родину, в Симбирск, ездил в Симбирскую губернию, в родной Белый Ключ.

Однако дела требовали, чтобы С.А. Бутурлин жил недалеко от столицы. Поэтому он оставался в Везенберге. Но опасаясь за судьбу своей коллекции, научного архива, библиотеки и рукописей, Сергей Александрович решил отправить их подальше от линии фронта, в глубь страны – в имение своих друзей Кротковых. Они жили в Усть-Урене, Карсунского уезда, Симбирской губернии.

В 1917 г. Бутурлин завершает рукопись полного определителя птиц Российской империи. Существовала договоренность с издательством о начале публикации в 1918 г. Это был главный итог его научных поисков – уникальная обобщающая работа, давшая новый взгляд на орнитофауну нашей страны, описавшая ее многообразие до подвидового уровня, первая полная сводка по птицам всей территории Российского государства. Ключевые таблицы определителя тоже были первыми для птиц всей страны.

Годы октябрьского переворота и гражданской войны

Октябрьский переворот 1917 г. С.А. Бутурлин встретил в Везенберге. В городе некоторое время существовало двоевластие: буржуазное уездное управление и исполком Совета рабочих и крестьянских депутатов. 13 декабря 1917 г. в Эстонии была установлена советская власть. Но продержалась она недолго. В феврале 1918 г. немецкие войска начали стремительное наступление под Нарвой и Псковом и вскоре захватили всю Эстонию.

Жизнь людей в странах, где совершается революция, обычно делится на этапы, которые они называют “до революции” и “после революции”. Революция меняет не только жизнь общества, она проходит через судьбу каждого человека, заставляя решать – с кем он?

Судьбы русской интеллигенции в связи с Октябрем были сложны. Одни, не приняв перемен, уезжали из страны, боролись с новой властью. Другие впадали в апатию – и нужно было время, чтобы разобраться в себе, решиться на что-то. Но были и третьи – сразу, безоговорочно принявшие перемены. А.Ф. Кони и А.Е. Ферсман, И.П. Павлов и К.А. Тимирязев сразу определили свое место в новой жизни. Среди них был и С.А. Бутурлин. Его политические взгляды, пожалуй, сегодня можно назвать “революционным романтизмом”, что тогда было свойственно части демократически настроенной интеллигенции. И за них Сергею Александровичу, как и другим, пришлось заплатить сполна. Большевикскую революцию Сергей Александрович принял без колебаний. В его жизни в те годы было много огорчений и утрат. Пожалуй, лучше всего об этом сказал сам С.А. Бутурлин: «Все мы знаем, что “лес

рубят – щепки летят”, что трехсотлетнее громадное здание старого строя не могло рухнуть, не подняв столбов пыли и грязи, не задев и правых, и виноватых своими обломками. Я знаю это особенно хорошо, так как, полагаю, редко кто потерял так много при революции: потеряли состояние все, у кого что-либо было, меньшее число потеряло свой “домашний очаг”, еще меньше – часть семьи, и совсем немногие потеряли плоды ценой жизни научного труда – библиотеку, коллекции, дневники путешествий, незаконченные и законченные рукописи научных работ...»³⁶.

Среди этих “немногих” был и сам Сергей Александрович. В 1918 г. С.А. Бутурлин спешно уехал из Везенберга в Москву, бросив все, кроме самого необходимого. В Эстонии осталась часть орнитологической коллекции, книг и рукописей. Впоследствии разыскать их С.А. Бутурлину не удалось, так как Эстония на основании заключенного в феврале 1920 г. Тартуского мирного договора была отделена от Советской России. Кстати сказать, кое-что из этих материалов все-таки сохранилось. В Тартуском университете есть орнитологическая коллекция, собранная Сергеем Александровичем, та самая, что оставалась в Везенберге. Она и сейчас служит науке.

Уже в Москве С.А. Бутурлин узнал, что пропала и основная часть его коллекции, весь архив, научная библиотека и рукописи, которые он отослал в Симбирскую губернию. И среди всего этого – готовая к изданию рукопись полного определителя птиц страны, а также монография по птицам Якутии. Итог 30-летнего труда! Кротковы сообщали, что при национализации их имущества в 1918 г. ящики с научными материалами и книгами были изъяты и затем отправлены в распоряжение Карсунского уездного отдела народного образования. Дальнейшая их судьба Кротковым была неизвестна.

Это был не просто удар, это был крах! Таковы, по крайней мере, на первых порах были ощущения самого Сергея Александровича. Ехать искать коллекцию в Симбирск не представлялось возможным – гражданская война в самом разгаре. Всюду голод, тиф. А на руках у С.А. Бутурлина – семья, маленький сын. Надо было жить и работать.

Горестные события множилось. Умерла мать Сергея Александровича – Елизавета Михайловна. Пришло известие о гибели (расстреле в качестве заложника) брата Валериана. От всех бед спасала работа. С мая 1918 г. Сергей Александрович стал работать в советских учреждениях. Сначала делопроизводителем в отделе химпродуктов Наркомата продовольствия, затем контролером государственного контроля Управления ирригационных работ Туркестана. Одновременно он принимал все возможное, чтобы отыскать и вернуть свои научные материалы. Конечно, первое время должности, которые занимал С.А. Бутурлин, не соответствовали его знаниям и опыту. Но так случалось со многими в те годы. Бутурлина одолевали сомнения. Сохранились письма Сергея Александровича, где он подробно обсуждал с П.П. Сушки-

³⁶ Бутурлин С.А. Охота и революция // Власть Советов. 1924; отгиск статьи см.: УКМ БФ.

ным, профессором-орнитологом из Харькова, возможность своего переезда в Минусинский или Урянхайский край для углубленного занятия орнитологией. Затем С.А. Бутурлина увлекла возможность занять должность заведующего отделом орнитологии в музее Академии наук, если на нее не будет претендовать П.П. Сушкин.

Работа в Комитете по охране природы

В 1918 г. был создан специальный Государственный комитет по охране природы при Наркомпросе РСФСР, и С.А. Бутурлин стал активным членом этого ведомства. У него в этой сфере был немалый опыт. В 1912 г. при Русском географическом обществе была создана Постоянная природоохранительная комиссия, с которой С.А. Бутурлин деятельно сотрудничал. В 1916 г. по проекту Русского географического общества был принят закон о государственном праве организовывать заповедники в научных и культурных целях в наиболее примечательных участках русской природы. Тогда же Обществом совместно с Российской академией наук была завершена разработка карты будущих заповедников и заказников на всей территории страны. С.А. Бутурлин принимал самое активное участие в этой работе. На карту были нанесены места обитания редких и исчезающих животных: пойма реки Волги, где сохранилась выхухоль; реки Воронежской губернии, где обитали многочисленные бобры; белорусские леса около Белой Вежи, где встречались последние зубры; пустыни Туркестана около Бадхыза, где сохранились куланы, и ряд других территорий. Предполагалось оберегать районы зимовок птиц – дельту Волги, побережье Каспия, места гнездования гаг и зоны обитания соболя. В 1917 г. Русское географическое общество намеревалось представить карту заповедников на утверждение в Государственную думу.

Тогда это начинание ученых-энтузиастов не было осуществлено. Теперь же территории, обозначенные на этой карте, стали превращаться в природные резерваты, хотя трудности гражданской войны не позволили комитету развернуть свою деятельность в первые годы советской власти: удалось организовать лишь несколько заповедников, и среди них – Астраханский. Много было реализовано годы спустя.

В 1919 г. С.А. Бутурлин перешел на службу в Наркомат просвещения и поехал в Алатырь, Симбирской губернии, – в экспедицию на Суру. И поехал не один. Его спутниками были Б.М. Житков и А.К. Цельмин, с которыми он уже бывал в экспедициях. Конечно, он надеялся отыскать в Симбирске свою коллекцию и научный архив.

Сурская экспедиция 1919–1921 гг. Институт природоведения

На этот раз у экспедиции была конкретная практическая задача – обеспечение материалами мастерских наглядных пособий Центросоюза и Средне-Сурского союза кооперативов, а также помощь в преподавании на учительских курсах. И вот здесь, в Алатыре, С.А. Бутурлин по-

лучил возможность работать в полную меру сил и знаний, с энтузиазмом и инициативой. В 1919 г. с его участием в Алатыре был создан Институт природоведения, единственный в России. Это любопытная страница истории не только Симбирского края, но и развития народного образования в первые годы советской власти.

Все началось с небольших мастерских наглядных пособий и учительских курсов при них. Они были созданы в начале 1919 г. по заданию Главпрофобра командированным сюда В.И. Петяевым, уроженцем Симбирского края. Несмотря на молодость – 27 лет, он успел зарекомендовать себя способным специалистом, занимался птицеводством, служил в Московском зоопарке, в 1918 г. заведовал им.

В мастерских изготавливали чучела, гербарии, наглядные пособия по физике и химии. Нужны были знающие люди для обеспечения мастерских сырьем. По запросу В.И. Петяева Наркомпрос и направил С.А. Бутурлина, профессора Московского университета Б.М. Житкова, одного из лучших препаратов зоологического музея Московского университета А.К. Цельмина из Москвы в Алатырь.

Природа Суры не случайно привлекала Б.М. Житкова и С.А. Бутурлина. Это были их родные места и давний объект изучения. Еще в 1906 г. они опубликовали первый том совместного труда по птицам – “Материалы для орнитофауны Симбирской губернии”. Исследования не были закончены, и теперь они намеревались их завершить.

Летом 1919 г. экспедиция была в Алатыре: полевые исследования, охота, знакомство с мастерскими и учительскими курсами. Б.М. Житков и С.А. Бутурлин всегда являлись сторонниками широкого распространения природоведческих знаний. Удивительно ли, что у них возникла идея преобразования мастерских и учительских курсов в Институт природоведения и фабрики наглядных пособий?

В Москве предложение одобрили. И 13 ноября 1919 г. по приказу Главпрофобра в Алатыре появилось новое учебное заведение, детище своего времени – производственное, педагогическое и научное – институт природоведения: в результате четырехлетнего обучения он выпускал специалистов широкого профиля; изготавливал продукцию – наглядные пособия; вел научные исследования. По учебным планам, разработанным С.А. Бутурлиным и Б.М. Житковым, половину учебного времени студенты проводили в экспедициях.

Высоко оценила замысел Института коллегия Наркомпроса, утверждавшая в 1920 г. его программы, планы и сметы: “Институт природоведения – весьма оригинальный, единственный в России, может быть и в мире, опыт своеобразного учебного заведения. Его название хорошо выражает его сущность”³⁷. Организационная сторона дела решалась быстро: из сотрудников мастерских, преподавателей курсов, специалистов, прикомандированных из Москвы, формировался совет преподавателей; разрабатывались программы и учебные планы, устав института. Проводился дополнительный набор слушателей, и, несмотря на недос-

³⁷ Официальное заключение В.Ф. Ленгника, члена коллегии Наркомпроса, ноябрь 1920 г. // Алатырский архив. Ф. 21. Оп. 1.

таточность оборудования, уже в ноябре 1919 г. начались занятия. Преподавание велось в четырех лабораториях: геологической, зоологической, ботанической и физической. С.А. Бутурлин заведовал зоологической. Обязательными были занятия в мастерских наглядных пособий. Слушателей обучали различным наукам и ремеслам: наряду с высшей математикой, химией, физикой, географией, биологическими и сельскохозяйственными науками, политехнической проводились занятия по фотографии, таксидермии, рисованию, столярному и слесарному делу. Необычным был и режим работы. Занятия предполагалось вести круглый год в утренние и вечерние часы, без летних каникул: с сентября по март – в мастерских и аудиториях, с марта по сентябрь – под открытым небом, на экскурсионных базах. “Активное усвоение знаний по природоведению... и полное овладение техникой производства наглядных пособий”³⁸ – вот цель преподавания.

Была намечена обширная научная программа, в которой участвовали студенты. В 1920 г. в институте насчитывалось 28 преподавателей и 150 студентов, а в 1921 г. число обучающихся превысило 500 человек. К этому времени были организованы общешкольные, столовая, парикмахерская, при институте работали драматический и спортивные кружки. Начались работы по созданию учебных и научных подразделений института: зоологический и ботанический сады, ферма, научно-показательный питомник, Музей родиноведения. Предполагалось создать научное общество животноводства и птицеводства, а также наладить издание конспектов лекций и работ сотрудников, и в первую очередь – С.А. Бутурлина.

Во время работы в Институте природоведения С.А. Бутурлин был очень занят. На поиски коллекции и научного архива времени удавалось выкроить немного. Он смог выяснить, что после передачи всех научных материалов в Карсунский отдел народного образования было решено устроить сначала выставку коллекции птиц в местном клубе, а затем передать ее в школу в качестве наглядного пособия. Естественно, никто из работников района не представлял огромной научной ценности этой уникальной коллекции, за которую один из иностранных музеев (Трингский) предлагал С.А. Бутурлину миллион долларов. Для школы коллекция была велика. Что с ней делать – никто толком не представлял. Часть ее вместе с рукописями отправили в музей Симбирска. Часть разобрали любопытные по домам. Этого никто не запрещал. Книжки на русском языке передали в библиотеку, а иностранные книжки оставили в ящиках и убрали подальше с глаз. И об этой истории вскоре забыли. Удивительно ли, что собрать и вернуть то, что осталось от коллекции, библиотеки и рукописей, было делом нелегким! Самому С.А. Бутурлину это не удалось. Потребовалось вмешательство наркома просвещения А.В. Луначарского, благодаря которому С.А. Бутурлину все-таки удалось разыскать часть научных материалов – главным образом коллекции. К 1925 г. было найдено кое-что из дневников и рукопи-

³⁸ Устав Института природоведения // Алатырский архив. Ф. 21. Оп. 1. № 1. С. 39.

сей. Однако значительная часть рукописей безвозвратно пропала, среди них и текст полного определителя, и сводка по птицам Якутии. После этого Сергей Александрович начал работу над восстановлением определителя.

Между тем развитию института в Алатыре препятствовали нехватка средств, разногласия между сотрудниками фабрики наглядных пособий и преподавателями института; в Москву посыпались жалобы. В конце 1920 г. в институте начались проверки: приезжали комиссии из Симбирска и из Москвы. Они предложили упростить учебный процесс, уменьшить срок обучения, сделать Институт природоведения обычным техникумом. В Главпрофобре пытались отстоять институт в том виде, в каком он был задуман, но это не удалось. В 1921 г. институт преобразовали в Алатырский техникум природоведения и передали его в ведение губернского отдела народного образования. В значительной степени была свернута программа научных исследований, однако принципы преподавания старались сохранить. Ректором техникума был назначен Б.М. Житков, и пробыл в этой должности еще несколько лет. С.А. Бутурлин вскоре уехал в Москву.

А техникум природоведения в 1937 г. был преобразован в Учительский институт; в 1941 г. переведен из Алатыря в Чебоксары.

Работа в Наркомате земледелия РСФСР

Возвратясь в Москву осенью 1921 г., С.А. Бутурлин сразу приступил к работе в Наркомате земледелия РСФСР, в Центральном управлении по делам охоты. Этот высший государственный орган руководил постановкой охотничьего дела в Советской республике. Здесь Сергей Александрович проработал три года.

В Наркомземе он составил программу деятельности этого ведомства на многие годы. В соответствии с ней разрабатывалось охотничье законодательство; определялись принципы деятельности охотничьих хозяйств; рассматривались вопросы о восстановлении производства отечественного охотничьего оружия и боеприпасов, о снабжении охотников предметами первой необходимости, об охотничьей кооперации, об охране дичи в стране.

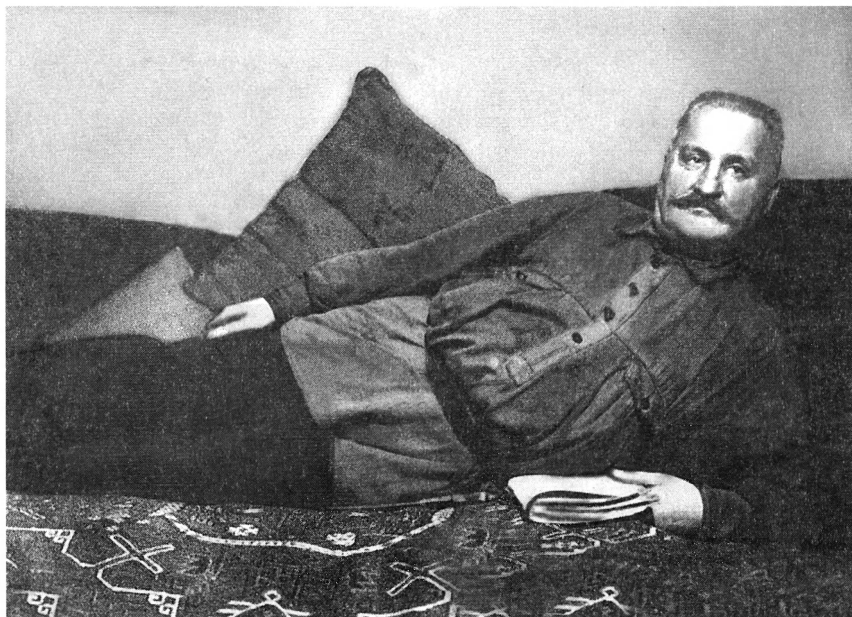
Больших усилий и экономических затрат требовала повсеместная организация правильных охотничьих хозяйств на территории страны. С.А. Бутурлин понимал, что сразу это сделать невозможно, и поэтому предлагал те мероприятия, которые могли быстро окупиться и не требовали больших затрат. Организация подкормки животных, контроль за соблюдением сроков охоты, правильная организация промысла – вот о чем шла речь в первые годы советской власти. С.А. Бутурлин обращал внимание на факты неразумного подхода к использованию природы: на Севере гагу били на мясо, как обыкновенную утку. При правильной постановке дела, при организации гагачьего хозяйства можно извлекать миллионные прибыли из продажи ценнейшего гагачьего пуха, который выбирают из гнезд после выведения птенцов. Это прекрасный товар. Сергей Александрович отвергал такое ведение охотничьего хо-

“Мой последний медведь”. С.А. Бутурлин с В.В. Шмидтом и группой егерей на охоте у станции Нелидово. Январь 1923 г.

зайства, при котором используется только пушнина, – он ратовал за комплексное использование всех продуктов охоты.

В эти годы С.А. Бутурлин участвовал в работе Всеармейского военно-охотничьего общества, стал членом его Центрального совета. В 1923–1925 гг. он возглавил рабочую комиссию по оружию Высшего совета народного хозяйства, вошел в состав президиума стрелковой секции Осоавиахима (предшественника ДОСААФ) и был членом ученого совета его испытательной станции. Он участвовал в конференциях по стрелковому спорту, входил в состав многих охотничьих и стрелковых обществ. Много времени он уделял подготовке к повторным изданиям своих книг по охотничьему оружию. Семь раз переиздавалась его монография “Дробовое ружье и стрельба из него”. А “Настольная книга охотника” – и сейчас ценное охотничье пособие. До последних дней С.А. Бутурлин редактировал все научные матери-

С.А. Бутурлин дома. Около 1926 г., Москва

алы в журнале “Боец-охотник”, сотрудничал в других периодических изданиях. Вероятно, было бы легче перечислить те научные, спортивные и охотничьи общества, в состав которых он не входил, чем назвать те, где он был избран почетным, неперменным или действительным членом.

Малую серебряную медаль вручили в 1925 г. Сергею Александровичу участники Первой охотничьей выставки в Краснодаре, члены Кубанского окружного кооперативно-промышленного союза охоты. “За справочник для охотника и выдающуюся деятельность в общественном подъеме культурного уровня охотников своими ценными трудами” – так было сказано в дипломе.

Жизнь у С.А. Бутурлина в те годы, как и у многих людей, была трудной и неустроенной. Отсутствие жилья, разлука с семьей, бытовые неудобства, общий разлад жизни... Но он был полон энергии, творческих планов и замыслов.

Все постепенно налаживалось. В 1924 г. С.А. Бутурлину выделили две комнаты в общей квартире в третьем доме ЦИК по Садово-Каретной улице. Тогда же Сергей Александрович заключил официальный брак с Амалией Ивановной Зарин (Зарс), которая уже многие годы фактически была его женой. В семье родился еще один сын – Саша. После тревог и разлук семья Бутурлиных, наконец, объединилась.

Сотрудничество с Зоологическим музеем МГУ

В 1922 г. С.А. Бутурлин подарил свою орнитологическую коллекцию, точнее сохранившуюся ее часть, Зоологическому музею МГУ, но оставил за собой право собственности на нее. Кроме того, оговорил еще одно условие: "... она может быть использована для работ по орнитологии как персонала музея, так и студентов-зоологов под руководством С.И. Огнева и Б.М. Житкова", – (отчет МГУ за 1922 г.)³⁹. Причина этого была самая прозаическая – коллекцию негде было хранить и негде с ней работать: две комнаты для четверых совсем немного, хотя по тем временам – почти роскошно. А с Зоологическим музеем МГУ у Сергея Александровича были давние деловые и дружеские отношения. Он любил работать здесь с коллекциями, был близок интересам и принципам музея и связан многолетней дружбой с его деятелями. Он участвовал в научных заседаниях музея, радовался его приобретениям и сам способствовал обогащению его коллекций как личными сборами, так и организацией поступлений в музей. С этого времени С.А. Бутурлин начал постоянно работать в музее, хотя и не входил в его штат. Из-за ограниченности музейных помещений приходилось довольствоваться комнатами, где занимались студенты. Но никакой шум, по свидетельству очевидцев, не мог отвлечь или смутить его – он ни на что, кроме коллекции, не обращал внимания.

В музее Сергей Александрович познакомился с молодым поколением зоологов и орнитологов, в том числе Г.П. Дементьевым, В.Г. Гептнером, К.А. Воробьевым, которые считали большой удачей возможность поговорить с опытным специалистом, автором книг, на которых учились многие из них. В процессе этого многолетнего общения С.А. Бутурлин передавал им свой опыт и знания.

Орнитологическое общество имени С.А. Бутурлина в Томске

В середине 20-х годов С.А. Бутурлин узнал, что в Томске уже несколько лет активно работает сибирское орнитологическое общество его имени. Для Сергея Александровича это было полной неожиданностью. Понятно, что такая весть растрогала немолодого ученого. Однако он не сразу поверил сообщению. Может быть, какая-то ошибка? Но ошибки не было. Это подтвердил присланный сборник "Вестник Томского орнитологического общества имени С.А. Бутурлина". Он был издан в 1921 г.: "История возникновения...", "Итоги деятельности общества...", устав, описание экспедиций и других работ томских орнитологов. Оказывается, еще в 1918 г. по инициативе нескольких любителей-орнитологов был создан орнитологический кружок в Томске. Ему единодушно решили присвоить имя С.А. Бутурлина. "Как дань глубокого уважения талантливому русскому орнитологу, с именем которого нераз-

³⁹ Судиловская А.М. Памяти Сергея Александровича Бутурлина // Бюллетень МОИП. Отделение биологии. 1973. Т. 78, вып. 2.

рывно связан период интенсивной разработки в России орнитологических вопросов”⁴⁰, – объясняли свой выбор создатели кружка. В состав нового научного союза вошли специалисты-орнитологи и любители природы: П.М. Залесский, В.Г. и Г.Х. Иоганzeny, К.А. Паршин. Весной 1918 г. по проекту членов кружка губисполкомом было принято постановление об охране птиц в Томской губернии. В том же 1918 г. для сбора орнитологической коллекции на Алтай и в Енисейскую губернию отправились несколько исследователей. Кружковцы продолжали работу по изучению местной орнитофауны. Кружок объединял около 30 человек – преподавателей и студентов высших учебных заведений, охотников. Согласно уставу членом кружка мог стать любой желающий изучать фауну птиц Сибири. Главной целью этой организации орнитологов стало планомерное исследование орнитофауны Сибири, а также приобщение любителей к научным методам изучения пернатых.

В 1919 г. кружок был реорганизован в орнитологическое общество. В его состав влились ведущие орнитологи Сибири. В 1921 г. по первым итогам работы издан и послан Бутурлину сборник. Что же было сделано за два года? Собрана коллекция птиц в три тысячи экземпляров – сборы Томской, Алтайской, Тобольской, Енисейской губерний, Семипалатинской и Амурской областей, Урала, Туркестана и Иркутской губернии. Организовано кальцевание: заказано десять тысяч алюминиевых колец. В Минусинский край и на Обско-Тазовскую губу направлены исследователи, которые собрали интересный орнитологический материал. Именно о такой подвижнической работе мечтал всегда Сергей Александрович. Живые контакты, обмен информацией, научными материалами, совместное обсуждение проектов – такой представлял он деятельность новых научных обществ. В этом он видел проявление патриотизма. В середине 20-х годов С.А. Бутурлин, по просьбе членов Томского орнитологического общества, вошел в его состав в качестве почетного председателя.

Создание Всероссийского общества охраны природы

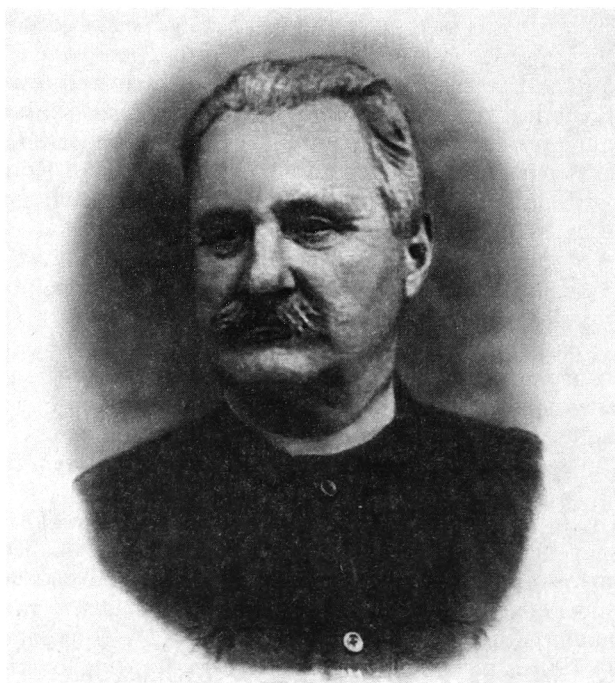
Создание Всероссийского общества охраны природы (ВООП) – особая страница природоохранительной деятельности С.А. Бутурлина. В учреждении этой добровольной общественной организации он видел воплощение своей мечты об участии всех людей, обеспокоенных судьбой природных богатств страны, в благородном деле. В 1924 г. по поручению советского правительства специальная комиссия, в которую входили видные ученые-природоведы С.А. Бутурлин, Б.М. Житков, В.И. Талиев и другие, разработала организационные принципы и устав Всероссийского общества охраны природы. Эта работа проходила под руководством народного комиссара просвещения А.В. Луначарского и при участии руководителя Главнауки Наркомпроса РСФСР Ф.Н. Петрова. Осенью 1924 г. общество получило право гражданства. Естествен-

⁴⁰ Залесский П.М. История возникновения орнитологического общества имени С.А. Бутурлина // Вестник Томского орнитологического общества. 1921. Вып. 1.

но, что в охране природы Сергея Александровича в первую очередь волновали птицы. Но долгое время дело охраны пернатых затруднялось разьединенностью заинтересованных лиц. С созданием Всероссийского общества охраны природы появилась возможность объединения всех орнитологов под его началом. Через десять лет, в 1934 г., в составе ВООП удастся организовать, по инициативе С.А. Бутурлина, профессоров Б.М. Житкова и Г.П. Дементьева, орнитологическую секцию имени М.А. Мензбира, которая объединит всех орнитологов страны. В состав президиума этой секции войдут ведущие ученые: А.Н. Формозов, И.А. Гладков, С.С. Туров, В.С. Птушенко и другие. С первых дней своего существования секция станет активно разрабатывать два основных направления в работе: выработку и реализацию практических мероприятий по охране и изучению птиц СССР.

Работа в Комитете Севера при ВЦИК

В 1924 г. по приглашению П.Г. Смидовича, заместителя председателя Президиума ВЦИК, С.А. Бутурлин вошел в состав Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. Социально направленные публикации С.А. Бутурлина об экономическом положении северных народов и его экспедиционный опыт сыграли в этом главную роль. Здесь он надеялся реализовать свои идеи об улучшении жизни кочевых народов Севера.

С.А. Бутурлин. Около 1924 г., Москва

Это наиболее неизученная сфера деятельности С.А. Бутурлина. Дело в том, что о комитете постарались побыстрее забыть после 1935 г., когда он был распущен, а члены его репрессированы. С.А. Бутурлин оказался одним из немногих, кто не пострадал от репрессий. Скорее всего, это было связано с его болезнью и уходом на пенсию в 1930 г. Работу ученого секретаря Комитета Севера он выполнял потом на общественных началах.

Уже в первые годы своего существования Комитету Севера удалось сплотить вокруг себя знатоков и любителей Севера в Москве, образовать десять местных филиалов – республиканских, краевых губернских и областных комитетов Севера, положить начало практической работе на местах.

Вопрос о судьбе народностей Севера, о роли полярных областей государства в общенародном хозяйстве встал после Октября 1917 г. с особой остротой. С одной стороны, годы революции и гражданской войны, принесшие бедствия и лишения в центральные районы страны, отрицательно сказались и на Севере. Если раньше государство недостаточно заботилось о жителях этого края, то в первые годы советской власти о них и вовсе забыли. Голод, болезни, нужда привели местное население в ужасающее состояние, поставившее его на грань выживания. С другой стороны, северные районы всегда давали стране немало пушнины и других ценных продуктов охотничьего промысла, которые в начале 20-х можно было рассматривать как “стратегический” товар, способный вырвать страну из разрухи и голода, дать возможность начать индустриализацию. Отсюда и чрезвычайные, столь обычные в те времена, меры помощи Северу. Для практического решения многих проблем населения северных территорий в 1924 г. и был создан Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, или, как его называли сокращенно, Комитет Севера. Возглавил Комитет видный государственный и партийный работник, заместитель председателя Президиума ВЦИК П.Г. Смидович.

Главной задачей Комитета Севера являлось надлежащее устройство северных окраин страны. “Функции Комитета Севера состояли в изучении экономики, культуры и современного положения северных народностей, в разработке и проведении мероприятий, необходимых для экономического подъема народов Севера и в наблюдении за выполнением этих мероприятий на местах”⁴¹. В состав Комитета Севера вошли большевики, ученые и общественные деятели, знающие проблемы Севера и преданные советской власти. Среди них – Сергей Александрович Бутурлин.

В 1925 г. он в качестве особоуполномоченного Комитета Севера поехал в длительную командировку на Дальний Восток. Конкретная помощь, знакомство с реальными условиями жизни, выявление первоочередных потребностей народов Чукотки и Камчатки – такова была цель экспедиции. Картина, которую увидел там С.А. Бутурлин, была не лучше, чем в 1905 г. на Колыме. Ненцы, чукчи, коряки, юкагиры и дру-

⁴¹ Большая советская энциклопедия. М., 1938. Т. 33. С. 631–633.

гие кочевые народности, многие годы жившие на грани голодной смерти, еще не были способны к самоуправлению, к самостоятельной организации своей жизни на новый лад. Им требовалась разносторонняя помощь – экономическая, культурная, просветительская.

За несколько лет невозможно было изменить жизнь края, разоряемого веками. И тем не менее, перемены уже наметились. Поэтому С.А. Бутурлин писал в 1926 г.: “После сотен лет разрухи и эксплуатации приступлено к созидательной работе на Севере, обращено на это внимание и местных работников, и ведомственных центров. Для народностей Севера действительно наступила поворотная эпоха, заложены те начала, которые в дальнейшем развитии непременно скажутся всесторонним прогрессом их и приобщением к благам общественной культуры”⁴².

Важным поручением комитета, которое выполнял Сергей Александрович на Севере, являлся выбор мест для строительства культбаз для обслуживания кочевых народов. Сначала там должны были поселиться специалисты, направляемые для работы среди местного населения, а со временем культбазы, по замыслам членов Комитета Севера, должны были превращаться в административные центры новых районов и национальных округов. Здесь планировались больница, школа-интернат, ветеринарный пункт, клуб, библиотека, торговый пункт.

Места для культбаз должны были отвечать целому ряду требований: иметь удобную морскую стоянку для судов, традиционно посещаться местными кочевыми жителями, располагаться на доступном расстоянии от границ района. С.А. Бутурлин рекомендовал Комитету Севера три наиболее удобные точки для строительства культурных баз Чукотского, Корякского и Тунгусского округов: залив Лаврентия на Чукотке, бухта Корфа на Камчатке и окрестности старинного поселения Ола на побережье Охотского моря.

С.А. Бутурлин сообщал Комитету Севера о недостаточном развитии государственной торговли, плохой доставке и распределении товаров, непродуманном их подборе. Велики были накладные расходы по доставке грузов. Их везли на маленьких пароходах. По мнению С.А. Бутурлина, рациональнее было бы завозить годовой запас продовольствия и товаров крупными пароходами в несколько мест с удобными стоянками, а дальше развозить небольшими шхунами. Улучшению торгового дела способствовала бы и четкая маркировка грузов.

Вредило торговле неправильное распределение товаров: одни поселки были завалены мукой, другие – вовсе без нее. “Необходимо принять скорейшие меры к упорядочению торговли на Камчатке. Торговые организации должны иметь свои, подходящие для северных условий шхуны, не накладывать сто и более процентов на себестоимость товаров, наоборот, заботиться о понижении накладных расходов, происходящих отчасти от неумелого и неряшливого ведения дела. Возможно, практично было бы сосредоточить всю промыслово-коммерческую деятельность и снабжение на Камчатке в руках одной крупной организа-

⁴² Бутурлин С.А. Возрождение народов Севера. С. 19–21.

ции с участием местного Совета”⁴³, – считал Сергей Александрович. И обращал внимание членов Комитета Севера еще на один момент. Дальторг в середине 20-х годов заключал договоры с иностранцами о снабжении продовольствием и предметами первой необходимости, в частности с американцем Свенсоном. “Но он торговал товарами лучшего качества, а покупал пушнину по высшей лимитной цене, поэтому туземцы продавали вдвое дороже, чем обычно Дальторгу. В политическом смысле впечатление от этой операции подавляющее”⁴⁴, – писал С.А. Бутурлин. Важным резервом развития хозяйства Камчатки и Чукотки, по мнению С.А. Бутурлина, была разработка ископаемых богатств – золота и платины. Многие могли дать населению совершенствование местных промыслов – рыболовного, охотничьего, морского, а также кустарных промыслов. Сергей Александрович предлагал наладить сбыт за границу изделий из мамонтовой и моржовой кости, клыка, поделок из кожи, шкур и птичьих перьев. Эти товары охотно покупали американские перекупщики, а госторги в середине 20-х годов отказывались их брать как невыгодные.

“Охотничий промысел является преобладающим в бюджете местного населения. Это единственный промысел Севера, который действительно можно назвать товарным. Если мы возьмем... сезон 1924–25 годов, то мы увидим, что в СССР в год заготовлено было товарной пушнины дикого зверя 23,6 миллиона штук по заготовительной цене на 34,7 миллиона рублей. Около 90 процентов вывезено за границу. Вот в чем товарность северного хозяйства”⁴⁵.

По возвращении с Дальнего Востока на одном из пленумов Комитета Севера С.А. Бутурлин сделал доклад “Положение туземцев Чукотско-Анадырского края”, в котором охарактеризовал основные стороны экономической жизни населения и дал свои рекомендации по ее улучшению. Со временем они были претворены в жизнь.

В 30-е годы заработали кинопередвижки, в красных уголках приезжающие чукчи, эвены могли слушать радио, читать книги. Тут же они знакомились с основами животноводства и земледелия, впервые увидели свиней и кур, опытные посевы зерновых культур, примеры огородничества, т.е. получили те знания, которые необходимы при переходе к оседлой жизни. Сейчас принято неоднозначно оценивать результаты преобразований, произведенных на Севере в те годы. Конечно, не все нововведения безоговорочно улучшали жизнь северян. Но одно неоспоримо: угроза смерти людей от голода была устранена, хозяйственная жизнь края оживилась. Было образовано 9 национальных округов и 15 национальных районов, созданы органы советской власти. Проведена первая перепись населения народностей Севера.

В сущности, члены Комитета Севера формировали новый жизненный уклад малых северных народностей. Введение родового самоупра-

⁴³ Бутурлин С.А. Положение туземцев Чукотско-Анадырского края Северная Азия. 1926. № 2. С. 88. С. 95.

⁴⁴ Там же. С. 94.

⁴⁵ Бутурлин С.А. Север и охотничья кооперация // Охотник. 1926. № 10. С. 3.

вления и собственного туземного суда с достаточно широкими полномочиями, подъем национального самосознания, организация сети так называемых культбаз и строительство постоянных поселков, налаживание оседлого быта кочевых племен, создание школ-интернатов, врачебных, ветеринарных и зоотехнических пунктов, посылка подвижных отрядов Красного Креста – вот в чем состояла эта работа.

Внедрялись новые принципы экономической жизни, северные народности освобождались от налогов, налаживалась государственная торговля, снабжение необходимыми товарами и продовольствием, организовывался сбыт предметов промысла. Благодаря деятельности Комитета Севера было налажено снабжение населения необходимыми орудиями промысла. Частную торговлю вытеснила государственная кооперация. Большая работа была проделана по подъему охотничьего и рыбного промыслов, проведено земельно-водное устройство населения, т.е. земельные и водные угодья были закреплены за конкретными племенами охотников или рыболовов.

К 1935 г., когда Комитет Севера был ликвидирован, на Севере уже работало 466 начальных школ, 7 техникумов; была создана сеть медицинских учреждений. Особый Институт народов Севера появился в Ленинграде. Благодаря деятельности комитета и в культурной жизни северных народностей произошли большие перемены: у них появились своя письменность, литература и искусство.

С.А. Бутурлин все 11 лет существования комитета был членом бюро, особоуполномоченным, ученым секретарем. С его участием рождались и претворялись в жизнь многие программы по социальному переустройству жизни малых народностей Севера.

Последние годы жизни

В последние годы жизни Сергей Александрович тяжело болел, но работал даже прикованный к больничной койке. Квартира С.А. Бутурлина в доме по Садово-Каретной улице оставалась всегда открыта для коллег-зоологов, студентов, охотников. Приходили они, как правило, по делу: кто показывал свои вновь собранные материалы, кто просил помощи в определении отдельных экземпляров птиц, кто приносил статьи на рецензию, кто хотел посоветоваться.

В 1928 г. С.А. Бутурлин выпустил первый из задуманной им большой серии “Определитель видов птиц СССР, их подвидов, распространение, польза и вред для хозяйства, вып. 1. Дневные хищники и совы СССР”. Так он надеялся заново подготовить к печати полный определитель птиц СССР. Но работа шла медленно, мешала болезнь.

Чаще других у С.А. Бутурлина бывал Георгий Петрович Дементьев. Они вместе работали над рукописью полного определителя птиц СССР – главного труда жизни С.А. Бутурлина. Первый том был издан в 1933 г. Именно Г.П. Дементьеву после смерти Сергея Александровича пришлось одному доводить эту работу до конца. Последний том увидел свет через три года после его кончины. Издание “Полного опреде-

С.А. Бутурлин в своем кабинете в квартире в 3-м ДOME Советов на Садово-Каретной улице. 1928 или 1929 г., Москва

лителя птиц СССР" С.А. Бутурлина и Г.П. Дементьева стало вехой в истории советской зоологической науки. На основе этого определителя буквально через несколько лет зоологами была издана целая серия научных монографий и популярных книг по систематике и диагностике птиц.

В 1936 г. как свидетельство официального научного признания Сергею Александровичу была присуждена ученая степень доктора биологических наук без защиты докторской диссертации. Основанием для этого послужили его огромные заслуги перед отечественной орнитологией и охотоведением.

Умер С.А. Бутурлин в ночь на 22 января 1938 г. "За несколько дней до последней болезни, когда признаки ее уже давали себя знать, Сергей Александрович все же посетил заседание Ученого совета Зоологического музея Московского университета и принял оживленное участие в обсуждении интересовавшего его доклада о случаях параллелизма индивидуальной и географической изменчивости у птиц. И потом, когда болезнь развивалась и когда врачи предписали Сергею Александровичу полный покой, он все время порывался работать, говоря, что непривычная бездеятельность для него вреднее всякого утомления", – писал Г.П. Дементьев в некрологе. И продолжал: "Советская наука в течение немногих лет после смерти П.П. Сушкина и М.А. Мензбира теряет в его лице третьего крупнейшего орнитолога старшего поколения. ...С С.А. Бутурлиным в прошлое ушел последний из тех ученых, рабо-

С.А. Бутурлин в палисаднике перед флигелем 3-го Дома Советов.
Лето 1937 г., Москва

ты которых определяли развитие у нас орнитологии в начале текущего столетия и подготовили поле для исследований советских орнитологов и развития орнитологии в послереволюционные годы. Деятельность С.А. Бутурлина не прекращалась до самого последнего времени, так что он являлся живым связующим звеном между старшим, средним и младшим поколением наших орнитологов”⁴⁶.

Штрихи к портрету

С.А. Бутурлину удавалось плодотворно работать сразу в нескольких областях знаний. Конечно, незаурядные способности, удивительное трудолюбие... Но когда пытаешься понять, как он успевал сделать так много, то хочется сказать: помогала научная организация труда – хотя в те времена такого понятия еще не было. Увлеченный человек, он интуитивно находил способы подстегнуть работоспособность, возможности до предела уплотнить свой день. Сергей Александрович работал по 15 часов в сутки. Засиживался допоздна за письменным столом, чередовал умственный и физический труд. Испытания ружей, натурные наблюдения, охота, экспедиции не только давали ему материал для книг, но позволяли отдохнуть от кабинетной работы. Неумная страсть есте-

⁴⁶ Дементьев Г.П. Памяти Сергея Александровича Бутурлина // Зоологический журнал. 1938. Т. 17, вып. 6. С. 963.

ствоиспытателя всегда облегчала его труд, делала невозможное возможным, множила силы, позволяла видеть то, что не заметишь равнодушным глазом. От природы С.А. Бутурлину были даны удивительная сила и выносливость. “...Он ухитрялся один выследить и убить лося, уложить его на розвальни и привезти домой”⁴⁷, – вспоминал один из его коллег. В экспедициях он мог по несколько суток не спать, подолгу бродить по горам или болотам с ружьем.

Сергей Александрович обладал неистощимой энергией. Она толкала его в неведомые края, на Крайний Север. С.А. Бутурлин верил, что мир может стать лучше, если каждый будет действовать по справедливости, если будут утверждены разумные законы, если доброжелательность станет общечеловеческим свойством, а просвещение принесет людям знания.

Секрет плодотворности работы С.А. Бутурлина заключался в его поистине энциклопедических знаниях, широкой образованности, умении наблюдать и анализировать. Об этом свидетельствовали многочисленные публикации в охотничьей прессе. Все интересное и необычное не оставалось без его внимания. Впоследствии С.А. Бутурлин написал книгу “Что и как наблюдать в жизни птиц?”, в которой так сформулировал главное требование к наблюдателю: “...не предаваться никаким заранее установленным взглядам, не допускать при наблюдениях никаких натяжек, не стараться найти в фактах непременно подтверждение или опровержение каких-нибудь мнений, но все старание направлять на то, чтобы видеть, как в действительности происходят вещи в природе”⁴⁸. Этому принципу Сергей Александрович был верен всегда.

По воспоминаниям современников, С.А. Бутурлин работал с утра до поздней ночи. “Заходите, когда угодно, хоть в час ночи”⁴⁹, – эти слова Сергея Александровича доводилось слышать многим. И они не были ни вежливой фразой, ни шуткой. Каждый знавший С.А. Бутурлина более или менее хорошо мог убедиться, что лампа на его рабочем столе горела далеко за полночь. Каждый, кто обращался к Бутурлину за советом или помощью, мог быть уверен: он получит их.

Сергей Александрович был очень неприспособлен, мог работать почти в любой обстановке. Трудился он с поразительной настойчивостью и увлеченностью. Никому из знакомых и коллег не удавалось увидеть его без дела. Вероятно, поэтому результаты трудов С.А. Бутурлина по праву называют огромными. Две тысячи публикаций – крупные статьи, мелкие заметки, консультации, ответы в журналах на вопросы читателей, книги по орнитологии и охотоведению – таков итог его просветительской и научной деятельности.

“Всякий, кто имел какое-нибудь личное отношение к Сергею Александровичу, всегда сохранял глубокое впечатление от его личного обаяния. И при первой встрече с ним, и при близком знакомстве основные черты характера Сергея Александровича оставались всегда неиз-

⁴⁷ Гентнер В.Г. Замечательный орнитолог и охотовед. С. 13–14.

⁴⁸ Бутурлин С.А. Что и как наблюдать в жизни птиц? М., 1934. С. 16.

⁴⁹ Дементьев Г.П. Памяти Сергея Александровича Бутурлина. С. 963.

менными. Это были замечательная простота и спокойствие в соединении с искренней отзывчивостью и любезностью. Эти свойства в соединении с тонким чувством юмора придавали особую приятность всякого рода общению с Сергеем Александровичем. Спокойствия и присутствия духа Сергей Александрович не терял ни при каких обстоятельствах. При всем том он не был флегматиком и твердо стремился к намеченным целям. Не будет ошибкой сказать, что главным его увлечением являлась научная работа. Ей он отдавал все свои силы и все свое время... Такая напряженная работа в течение десятилетий, быть может, ускорила приближение конца жизни С.А. Бутурлина, но если для своей научной работы Сергей Александрович не жалел своих сил, то зато результаты его трудов далеко выводят за пределы того, что удается обычно сделать ученому⁵⁰, – это мнение Г.П. Дементьева трудно не разделить.

⁵⁰ Там же. С. 969–970.

Анализ творческого наследия С.А. Бутурлина

Основные направления научного творчества С.А. Бутурлина

Особенность научного и социокультурного наследия С.А. Бутурлина определяется многообразием научных и общественных интересов ученого, одновременной работой в столь различных сферах, как юриспруденция, орнитология, охотоведение, социальная этнография, баллистика. Такой диапазон исследований давал плодотворное взаимодействие идей, новаторский подход к решению проблем, позволял делать широкие обобщения. Взаимопроникновение результатов его исследований способствовало появлению качественно новых знаний, формированию уже в начале века особого – экологического – типа мышления, определившего успешное решение многих научно-практических задач. Пониманием сложности взаимосвязей в природе, непредсказуемости последствий их нарушения, убеждением, что взаимоотношения человека и природы должны строиться на основе разумного компромисса научных знаний и конкретных экономических условий жизни всех слоев населения, проникнуты все работы С.А. Бутурлина.

Тематический анализ трудов Бутурлина показывает, что основным предметом его орнитологических исследований были виды и их структура, роль изменчивости в видообразовании и ее экологическая обусловленность, теоретические и практические принципы диагностики видов в орнитологии, а также видовое многообразие и географическое распространение орнитофауны Российской империи и Советского Союза и динамика ареалов. Основные идеи, содержащиеся в его работах, и сами работы стали принципиально важными ступенями развития орнитологии и получили блестящее развитие в трудах Г.П. Дементьева, А.М. Судиловской, Е.С. Птушенко, Е.П. Спангенберга и других видных советских орнитологов.

Знание математики, в том числе высшей, наряду с диалектико-материалистическим и дарвинистским подходом к орнитологической систематике позволили С.А. Бутурлину планомерно и плодотворно применить метод анализа и синтеза при изучении внутривидовой изменчивости видов, их подвидовой структуры, а также при попытке отразить филогенетические отношения видов внутри таксонов более высокого ранга – родов, семейств, отрядов. Изучение работ американских и английских орнитологов убедило С.А. Бутурлина в необходимости подвидового изучения орнитофауны. Критическое осмысление двух противоположных тенденций в орнитологии – “дробительства” и объединительного отношения к формированию надвидовых таксонов – привело к убеждению использовать для отражения филогенетических отношений видов подродовые таксоны. За свою научную деятельность он описал 15 новых родов и подродов.

Проведенное историко-научное исследование убедительно свидетельствует, что в дореволюционных работах С.А. Бутурлина в области охотоведения содержится принципиально новый для его времени эколого-экономический подход к организации и регулированию охотничьего промысла, который в советское время стал основополагающим принципом теории и практики охотоведения страны. Плодотворными были и высказанные в начале века идеи зоогеографического районирования охотничьих угодий и дифференцированного подхода к установлению в них законодательных ограничений охоты. Позднее они были детально разработаны советскими зоологами и охотоведами (Д.Н. Данилов, В.В. Дежкин, Н.П. Наумов и другие) и использованы при организации охотничьего хозяйства Советского Союза.

Наибольшее значение для развития теоретических основ современного охотоведения имели исследования С.А. Бутурлина по структуре и динамике стад (популяций, по современной терминологии) охотничье-промысловых животных. Продолженные С.С. Шварцем, П.Б. Юргенсоном и другими зоологами, эти исследования позволили сформулировать теорию об экологическом резерве популяций и поставить планирование и управление охотничьим промыслом на научную основу.

Анализ научного и социокультурного наследия С.А. Бутурлина дает право говорить об исключительной важности как для современного охотоведения, так и для практики ведения сегодняшнего охотничьего хозяйства страны разработанной им научно-практической концепции организации и совершенствования охотничьего хозяйства. Принципиально значимым был и подход С.А. Бутурлина к охотоведению как форме охраны природы и рационального природопользования. Этот методологический принцип определил направление развития советской школы охотоведения вплоть до сегодняшних дней. Проведенное исследование убеждает, что взгляды ученого на меры охраны и методы изучения охотничье-промысловой фауны были близки к принятым в современном охотоведении представлениям. Его идеи актуальны и сегодня. Особенно в сфере функционирования заповедников и заказников, проведении охотоустроительных работ, “биологической съемки”.

Особое место в трудах ученого занимает проблема динамики экологических условий обитания видов и роли в этом процессе антропогенного фактора. Признание С.А. Бутурлиным противоречивого влияния хозяйственной деятельности человека (не только отрицательного) на охотничью фауну стало теоретическим обоснованием проводившейся в 30–40-е годы интенсификации охотничьей отрасли. Однако необоснованная переоценка возможностей благоприятного воздействия человека на природу привела С.А. Бутурлина к формулированию экономической зависимости роста продуктивности охотугодий от общей интенсификации и индустриализации хозяйственной жизни. Он, как и другие советские зоологи и охотоведы в 20–30-е годы, отдал дань теории “реконструкции природы”, отвергнутой современной наукой.

Изучение творческого наследия ученого позволяет говорить о важной роли С.А. Бутурлина в формировании и практической реализации государственной политики в области охраны природы и рационального природопользования в первые десятилетия советской власти, в выработке юридических основ их регулирования. Историко-научное исследование выявляет первостепенное значение юридических работ С.А. Бутурлина в области создания и совершенствования охотничьего законодательства как в дореволюционное время, так и в советское. Заложенные в нем принципы государственного управления и эколого-экономического регулирования охотничьего хозяйства действуют до сих пор. Ряд сформулированных С.А. Бутурлиным и законодательно закрепленных охотоведческих понятий (охота, государственный охотничий фонд, охотничьи угодья, заказники, заповедники и т.д.) и сегодня не утратили юридической значимости. Легко проследить и преемственную связь современной системы управления, ведения и контроля охотничьего хозяйства страны (в центре и на местах) с рекомендациями С.А. Бутурлина, содержащимися в неопубликованной части наследия ученого, в частности в документах, составленных им для представления и представленных в правительство.

Анализ трудов С.А. Бутурлина показывает, что его работы по социальной этнографии являлись составной частью охотоведческих исследований и разработок. В них нашел отражение экономический аспект ведения и регулирования охотничьего промысла, а также поиск путей уменьшения доли продуктов охоты в общем бюджете коренных народов Севера. Высказанные Бутурлиным в дореволюционных работах идеи по социальному переустройству их быта и хозяйства, переходу к оседлой жизни впоследствии получили развитие и практическое воплощение как в деятельности многих советских исследователей, в том числе и самого С.А. Бутурлина, так и правительственных учреждений — прежде всего Комитета Севера при ВЦИК. Они оказали значительное влияние на формирование политики Советского государства по интенсификации хозяйства Крайнего Севера и предопределили важнейшие перемены в жизни кочевых народов в 20–40-е годы.

Существенное место в научном и социокультурном наследии С.А. Бутурлина занимают работы по баллистике и охотничьему оружию. Сам ученый рассматривал их как вклад в разработку технического аспекта охотоведения и практического ведения охотничьего хозяйства. И сегодня его труды в этой области имеют значение не только для изучения истории охотничьего оружия и развития конструкторской мысли в этой области. Они могут рассматриваться как основополагающие учебные и методические пособия для охотников и специалистов, содержащие практические и технические сведения, воспитывающие обладателей ружей в духе бережного отношения к природе. Кроме того, высказанные в этих работах идеи (организация независимой экспертизы качества охотничьего оружия, создание массовой организации по развитию стрелковых видов спорта, методика обучения стендовой стрельбе, обязательное обучение молодых охотников основам охотоведческих знаний и обращению с оружием и т.д.) повлияли на постановку

охотничьего дела в советское время. В 20–30-е годы они были развиты и реализованы на практике.

Таким образом, целостный анализ творческого наследия С.А. Бутурлина позволяет сделать вывод о существенном вкладе ученого в развитие орнитологии, а также теории и практики охотоведения.

Научные взгляды С.А. Бутурлина в области зоологии

В биологической науке конца XIX в. эволюционная теория Ч. Дарвина стала основой для диалектического отражения сложных и противоречивых процессов материального мира.

Дарвинизм дал ответы на многие вопросы, обобщил известные факты, стал той теорией, которая позволила биологической науке двигаться вперед. С его появлением идея всеобщей взаимосвязи, развития и детерминирования в биологии получила новое наполнение: не количественное развертывание скрытой неизменной сущности, господствовавшей в естествознании с античности, а качественные изменения организмов как в процессе онтогенеза, так и филогенеза. Если раньше, во времена К. Линнея (1707–1778), раскрытие “естественной системы” биологических существ считалось конечной целью науки, и под этим подразумевалась “расшифровка” божественного замысла творения природы, то уже после исследований Ж. Кювье (1769–1832) стало ясно, что животный мир Земли видоизменялся во времени и в пространстве, что на смену одним организмам приходили другие.

Появление эволюционной теории Ч. Дарвина (1859) обусловило утверждение диалектико-материалистических взглядов в биологии, а сама теория стала важнейшим методологическим принципом естествознания. Она наполнила новым смыслом конечную цель исследователей, определив содержание термина “естественная система” как отражение наукой объективно существующего в природе многообразия организмов, их иерархии и взаимосвязей. Теория наследственности, изменчивости, естественного отбора позволила по-новому увидеть взаимоотношения видов в процессе борьбы за существование как между собой, так и с системой в целом. Сформировавшиеся, молодые, зарождающиеся виды, существующие одновременно, переходные формы между ними рисовали более сложную картину всеобщей взаимосвязи и развития в природе.

С.А. Бутурлин с начала своей творческой деятельности был среди убежденных сторонников дарвинизма. Его мировоззрение отличало четкое понимание сложности взаимосвязей в живой природе, нарушение которых грозит непредсказуемыми последствиями. Взаимоотношения человека и природы, с его точки зрения, должны строиться на основе разумного компромисса научных знаний и конкретных экономических условий жизни всех слоев населения различных территорий страны.

Исследования в области орнитологии

Деятельность С.А. Бутурлина пришлась на конец XIX – начало XX в., на переломное для зоологии время, когда заканчивался период, называемый систематико-фаунистическим и начинался эколого-эволюционный. Зоологи, в частности орнитологи, в основном завершали на рубеже веков изучение строения и классификации птиц, они накопили немало данных об их расселении по разным территориям и переходили к исследованиям их поведения, а также выявлению места и роли в сложном природном комплексе. Однако в России еще слабо была изучена фауна птиц многих регионов страны – не только труднодоступных и отдаленных районов, но и территории европейской средней полосы.

Эволюционная теория придала особое направление этим исследованиям. Зоологи стали искать факты, подтверждающие или опровергающие положения теории Дарвина. Начался всесторонний анализ природных объектов и их систем. Противоречия между новым и прежним знанием стали внутренним стимулом исследований в систематике, фаунистике, зоогеографии, экологии. Именно такой – эволюционный – подход был характерен для работ С.А. Бутурлина в этих областях орнитологии. Он считал: “Орнитофауна СССР служит превосходной иллюстрацией к учению о происхождении видов. В ней мы находим множество зачинающихся, едва наметившихся и постепенно расходящихся подвидов, свойственных различным местностям, и соединяющихся еще в пограничных полосах промежуточными особями...”¹

В этот период зоогеография вела поиск закономерностей нынешнего и прошлого расселения видов животных, изучала их ареалы, формировала представление о фаунах определенных зоогеографических зон и выявляла центры их распространения. Ей помогала фаунистика – на основе новых взглядов вновь описывались и критически переосмысливались уже известные сведения по видовому составу фаун различных территорий.

Зоологическая систематика занялась внутривидовой, особенно географической изменчивостью, поиском переходных форм от одних видов к другим, межвидовых гибридов, а также выяснением справедливости тезиса о реальности существования вида. Начало формироваться представление о виде как сложной структуре – политипе, состоящем из ряда монотипов, – морфологически однородных подвидов или географических рас. Поиск филогенетических связей между различными группами животных выразился в сравнительно-анатомических, сравнительно-морфологических и эмбриологических исследованиях.

Синтез всех новых данных привел к пересмотру существующей классификации и созданию новых систем типов, классов, отрядов живых организмов. Получила большое распространение разработка удобной и надежной диагностики видов. Но все это было завершением, уг-

¹ Бутурлин С.А. Птицы Тазовской экспедиции Всероссийского географического общества 1926–1927 // Сборник трудов Зоологического музея МГУ. 1934. Т. 1. С. 69.

лублинием, уточнением или систематизацией на новом уровне как прежних знаний, так и вновь обретенных.

Изучение экологии на рубеже веков – науки о взаимосвязях организма и среды обитания, а также этологии – науки о поведении животных стало новым словом в науке XX в. и основным содержанием зоологических исследований первых его десятилетий.

Работы по фаунистике и зоогеографии

“Инвентаризация” птиц Российской империи – первичная научная задача, сформулированная С.А. Бутурлиным еще в гимназические годы и вызванная потребностью орнитологии в общей сводке птиц страны (ни М.Н. Богданову, ни L. Taczanowski, ни М.А. Мензбиру не удалось решить ее до конца), реализовывалась им в русле систематики, зоогеографии, фаунистики и экологии. Причем замысел был шире, чем просто составление систематического перечня авифауны страны. Он включал разработку диагностических – синоптических – таблиц, позволяющих быстро и точно определить любой экземпляр птиц, встречающихся в пределах России. Его стремление выявить, зафиксировать и систематизировать реальное многообразие видов и подвидов птиц на конкретных территориях и в стране в целом, поддерживалось убеждением, что подобная работа, уже проделанная орнитологами большинства стран Европы и Америки, позволит и российским исследователям перейти к детальному анализу орнитофаун различных зон и изучению биологии и зоогеографии отдельных видов. Решение этих задач предопределило характер орнитологических работ С.А. Бутурлина – его фаунистические и зоогеографические исследования, “будучи тесно связанными с систематическими задачами, вместе с тем всегда были богаты экологическим содержанием”².

Зоогеографические воззрения С.А. Бутурлина формировались на основе дарвинизма под влиянием работ А. Уоллеса, Н.А. Северцова, М.Н. Богданова, М.А. Мензбира, В.В. Докучаева. В отличие от А. Уоллеса, С.А. Бутурлин, следуя традициям русской зоогеографии, не удовлетворялся лишь историческим подходом к объяснению формирования тех или иных фаун на определенных территориях, но предполагал важную роль современных экологических факторов в этом процессе. Вслед за Н.А. Северцовым он подчеркивал взаимосвязь физико-географических условий и существующего состава фаун; разделял точку зрения М.А. Мензбира о необходимости выявления качественного состава фаунистического комплекса, определения условий и причин современного и прошлого расселения животных, а не простой классификации территорий по списку их фаун. Для него был характерен комплексный подход, в котором сочетались исторические и экологические принципы трактовки результатов зоогеографических и фаунистических исследований. Но, пожалуй, ближе всего С.А. Бутурлину было мнение

² Дементьев Г.П. Памяти Сергея Александровича Бутурлина // Зоологический журнал. 1938. Т. 17, вып. 6. С. 963.

М.Н. Богданова о необходимости изучить в первую очередь комплексы животных, “привязанных” к небольшим участкам местности, показать их взаимосвязь с этими станциями, проследить изменение качественного состава фауны под влиянием условий среды. Такой экологический подход в фаунистике, свойственный русской зоологии второй половины XIX в., присущ С.А. Бутурлину с первых его шагов в науке. Поэтому все его орнитологические работы, что было традиционно со времен Н.А. Северцова, начинались с обширного физико-географического очерка местности, зоогеографического районирования исследуемой территории, подробного описания станций, в которых обитают описываемые виды и подвиды.

Основные фаунистические исследования С.А. Бутурлина касаются птиц Поволжья, Прибалтики, северо-восточной Азии, Сибири, Дальнего Востока, Русского Севера.

Исследования орнитофауны Симбирской губернии стали началом его научной деятельности. Опубликованию их результатов в печати предшествовали более десяти лет работы – наблюдения, составление орнитологической коллекции, обработка материалов.

Первая крупная орнитологическая публикация С.А. Бутурлина – “О птицах Европейской России. Краткие замечания по поводу книги проф. М.А. Мензбира” (1896) – показала детальное знакомство ее автора с биологическими, морфологическими, экологическими и зоогеографическими особенностями птиц фауны Поволжья и окрестностей двух столиц. В ней нашли отражение собственные полевые наблюдения, подкрепленные изучением орнитологической литературы и коллекционных материалов и свидетельствовавшие о профессиональном подходе молодого исследователя к изучению авифауны средней полосы России. Он называл ряд видов птиц, несправедливо не отнесенных к российской фауне, писал о неупомянутых отличительных признаках разновидности обыкновенной овсянки *Emberiza citrinella*, о географических формах сойки и глухаря, их ареалах и преждевременности выделения уральской разновидности в особый вид, о возможности гнездования турухтанов на севере Симбирской губернии, о диагностических признаках таксонов различного уровня и принципах составления определительных таблиц. Впервые в специальной литературе он приводил данные о перелетах куропаток, о зимнем токовании тетерева, о различиях в строении клювов у бекасов, проявлениях хищности в питании коростеля. Это была “проба пера” в процессе работы над двумя книгами – “Материалы для орнитофауны Симбирской губернии” (совместно с Б.М. Житковым) и “Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи”. Первая должна была бы открывать список фаунистических работ С.А. Бутурлина, ибо рукопись была закончена в 1899 г., но шесть лет пролежала в редакции в ожидании опубликования.

Это была сводка наблюдений, проводимая обоими авторами в течение 15 лет преимущественно в Ардатовском, Алатырском, Карсунском и Курмышском уездах Симбирской и в прилежащих уездах Нижегородской и Пензенской губерний. Причем она показывала стремление авторов не просто дать перечень птиц исследуемого района, как часто дела-

ли многие орнитологи в то время. Здесь уже видно понимание значения географического распространения форм как важного систематического критерия вида, роли экологических факторов в детерминировании как индивидуальной, так и географической изменчивости.

Особое внимание в первой главе уделяется описанию природных условий, в частности флористической характеристике как всего района, так и отдельных стадий. Подчеркивается изменение экологических условий в связи с засухой 90-х годов XIX в. и хозяйственной деятельностью человека. Дается общая картина расселения животных с акцентом на значение экологических факторов, показываются зоогеографическая “мозаика” территории и видовой состав ее фауны.

Авторы пишут об изменении состава орнитофауны и уменьшении численности птиц, населяющих речные долины, из-за засухи 90-х годов XIX в., приведшей к резкому иссушению территории. Приводят данные колебания численности отдельных видов. Опубликованная сводка касается 114 видов поволжской авифауны, относящихся к 9 группам и 10 семействам. Она строится как систематический список встречающихся на территории губернии птиц, снабженный перечнем русской литературы по каждому виду. Сопоставляются результаты собственных наблюдений с данными исследований предшественников – Н.А. Северцова, М. Рузского, М.Н. Богданова, М.А. Мензбира, Э. Эверсмманна, П.П. Сушкина. Некоторые виды описаны очень подробно, когда авторам есть что прибавить к биологическим очеркам, данным Э. Эверсманном, М.Н. Богдановым и М.А. Мензбиром: сезонные и возрастные отличия окраски, миграции, особенности поведения, характер питания, закономерности расселения и гнездования. Особое внимание уделяется вопросам гнездования. Если это вызывает сомнение или, наоборот, из литературы вытекает, что вид не гнездится, проблема освещается со всеми деталями. То же делается и при расхождении литературных и собственных данных исследователей относительно окраски или выделения разновидностей внутри вида, границ распространения или гнездования.

С.А. Бутурлин впервые описал появление в поволжской фауне плосконого плавунчика *Phalaropus fulcarius*, а затем два случая залета саджи *Syrtartes paradoxus*, и они были включены в список птиц Симбирской губернии. Предположительно к нему был отнесен и еще один кулик – *Tringa maritima*, а также полярная чайка *Larus glaucus*, турпан *Fuligula fusca*, морская чернеть *Fuligula marila*. Авторы впервые зафиксировали гнездование хохлатой чернети *Fuligula fuligula*, “высыпки” молодых турпанов в пойме Суры и предположили спорадическое гнездование последних в южных районах Казанской губернии или в северных лесах Присурья, что свидетельствовало, по их мнению, о расширении на север гнездовой области. (Последнее утверждение базировалось на общепринятом представлении, что обнаружение осенью или в конце лета птенцов какого-то вида говорит о гнездовании вида неподалеку на севере. Но лишь результаты кольцевания показали, что это не всегда так. С.А. Бутурлин писал в 1911 г. в статье “Опытное изучение перелетов”, что отмеченные в июле кольцами молодые цапли в гнездах были обна-

ружены не только в конце августа и в сентябре, но и в конце июля за сотни верст к северу или северо-востоку от мест гнездований.) Б.М. Житков и С.А. Бутурлин высказались за распространение на запад и юг России сибирского вида куликов – мородунки *Terekia cinerea*, а также продвижение на север зоны кочевков (западный степной район) и спорадическое гнездование (восточный степной район, восточнее сурских лесов) дрофы *Otis tarda*. Доказали гнездование гаршнепа в долинах Суры и Алатыря. Высказались за возможность гнездования здесь курочки-крошки *Porzana bailloni*. На основании ими же установленного факта летней откочевки местных бекасов на юг и прилета им на смену севернее гнездящихся птиц авторы считали известной натянутостью признанный в орнитологии закон, что чем севернее обитает птица, тем дальше на юг летит на зимовки. Подтвердили мнение ряда орнитологов, что у некоторых видов птиц (полосатые гагары *Columbus arcticus*, чибисы *Vanellus vanellus*) особи, гнездящиеся в данной местности, улетают на зиму на юг, а другие особи того же вида, гнездящиеся севернее, прилетают в эту местность зимовать.

Уже здесь показана внутривидовая изменчивость птиц на примере двух вариантов журавля *Grus grus* – западноевропейского и восточного, бекаса *Scolopax gallinago* – европейского и американского, двух форм глухаря *Tetrao urogallus* – типичной и уральской, куропатки *Perdix perdix* – европейской и алтайской.

Коснулись авторы и вопроса точности описания в орнитологической литературе видовых, половых и возрастных морфологических признаков ряда птиц, в том числе куропатки, чибиса, турухтана, бекаса, камышницы, глухаря, предложили выявленные ими отличительные признаки для диагнозов. Показали непостоянство ряда общепризнанных диагностических признаков для этих видов. Выявленные ими диагностические отличия самца и самки куропаток – различная окраска плечевых перьев – были точными и до сих пор приводятся в орнитологических определителях.

Важное значение как видовому признаку С.А. Бутурлин придавал голосу птиц – доказательство тому подробное описание в сводке малоизвестных криков коростеля, гаршнепа, камышницы, выпи.

Но особый интерес вызывали у авторов перелеты и кочевки птиц, традиционно считавшихся оседлыми – перепелов, дроф. Пытаясь найти причину кочевков и продвижения зоны гнездования дрофы на север, они указывают, что это не связано с недостатком кормов. Бутурлин и Житков уделяют внимание поведению птиц, в частности ржанок *Caradrius pluvialis*, в стае и стаи по отношению к отдельным птицам. Пишут о наличии взаимосвязи между членами стаи у ржанок. Основываясь на факте частого наблюдения стай пролетных ржанок в Симбирской губернии, а также на литературных данных, опровергают представление ряда авторов (в частности Ч. Диксона) об огромной скорости полета этих птиц и безостановочности перелетов к месту зимовок.

Две главы книги специально касаются теоретических вопросов орнитологии. В одной на примере анализа явления осеннего и весеннего токования рассматривается основополагающая для дарвинизма теория

полового подбора, в которой С.А. Бутурлин (эта часть написана именно им, известен ряд более ранних и поздних публикаций на эту тему) высказывает несогласие с представлениями Ч. Дарвина о приоритете сильных и красивых самцов при спаривании полигамных птиц.

В другой главе С.А. Бутурлин развивает теорию полета стаи крупных птиц правильным строем и относительно направлению ветра.

Эта подробная сводка в течение многих десятилетий была почти единственным справочником по орнитофауне данной территории. Следующая крупная работа по птицам Ульяновской области – “Птицы Волжско-Камского края” – вышла лишь через 71 год после книги Б.М. Житкова и С.А. Бутурлина. Но опубликованный в 1994 г. “Конспект фауны птиц Ульяновской области” утверждает, что в ней немного современных сведений, собранных на территории этой области, – авторы преимущественно ссылаются на работы Б.М. Житкова и С.А. Бутурлина.

Кроме того, в начале века С.А. Бутурлин описал орнитофауну некоторых малоисследованных территорий: островов Колгуев и Новая Земля Архангельской губернии – в книге “По Северу России”, написанной в соавторстве с Б.М. Житковым, и в “Предварительном кратком отчете о поездке на остров Колгуев летом 1902 года”, а также Колымского края. Опубликовал ряд статей и книг, в которых нашли отражение вопросы фаунистики и зоогеографии: “Птицы Приморской области” (1910–1911, 1913, 1915), “Птицы Дальнего Востока” (1909–1913, 1915–1917), “Птицы острова Медного (из группы Командорских островов)” (1913), “Охотничьи птицы низовьев Колымы” (1906), “Птицы Закавказья” (1906), “Материалы по птицам Енисейской губернии”, в соавторстве с А.Я. Тугариновым (1911), и, наконец, “Полный определитель птиц СССР”, изданный совместно с Г.П. Деметьевым (1934–1941).

Книга “По Северу России” – это подробный отчет об экспедиции 1900 г. в Архангельскую губернию, на острова Колгуев и Новая Земля. В ней, в частности, дается подробная флористическая и фаунистическая сводка по насекомым (некоторые виды насекомых были обнаружены в этих местах впервые), рыбам, птицам и млекопитающим дельты Северной Двины, островов Колгуев и Новая Земля, основанная на собственных данных и исследованиях предшественников, в частности К.Э. Бэра и английского путешественника Тревор-Бетти.

С.А. Бутурлин и Б.М. Житков дали полный список птиц, когда-либо замеченных исследователями на Колгуеве, – 56 видов и подтвердили обитание 25, описали их повадки, места обитания, характер пребывания в них. При этом распределили птиц по нескольким стациям – побережью моря, озерам или болотам, сухой тундре. Даны были сведения об обитании 12 видов млекопитающих в дельте Северной Двины, 10 видов – на Колгуеве, 9 – на Новой Земле, в основном охотничье-промысловых, их численности, способах добычи, объеме промысла и доходах от него.

В этой работе, а затем в монографии “Кулики Российской империи” и написанной совместно с А.Я. Тугариновым сводке по енисейским птицам С.А. Бутурлин первым из орнитологов выявил, что бека-

сы во время гнездования держатся парами, тем самым подтвердив мнение С.Т. Аксакова и вступив в противоречие со взглядами М.Н. Богданова и М.А. Мензбира. И оказался прав. Это подтверждается шеститомной коллективной монографией “Птицы Советского Союза” (1951–1954).

Фаунистические и систематические сведения о птицах и млекопитающих Колымы опубликованы в ряде статей. С.А. Бутурлин первым доказал гнездование в низовьях Колымы розовой чайки *Rhodosterthia rosea* и лапландского подорожника *Calcarius lapponcus*.

Другой крупной фаунистической и зоогеографической работой С.А. Бутурлина были изданные в соавторстве с А.Я. Тугариновым “Материалы по птицам Енисейской губернии”. В них перу Сергея Александровича принадлежат систематические и номенклатурные замечания, а также часть обзоров распространения. В этой работе, помимо выяснения состава фауны региона, авторы предпринимают опыт разделения ее по орнитологическим стадиям с указанием характерных для них пернатых, а также дают обзор местной фауны по характеру ее пребывания в различных географических зонах. С.А. Бутурлин продолжает исследования внутривидовой изменчивости птиц, описывает все известные разновидности и географические расы 285 видов и подвидов, попавших в сводку, и, давая диагностические признаки каждой из географических рас, обосновывает принадлежность особей изучаемой территории к той или другой из них. Автор приводит весь спектр известных номенклатурных синонимов. Нередко выявляет обитание в регионе нескольких рас и их переходных форм, иногда выделяет их в особую местную расу. Фактически он ведет описание авифауны на подвидовом уровне, анализируя все имеющиеся систематические и зоогеографические литературные данные, начиная с К. Линнея и П. Палласа, сверяет эти описания с изучаемыми им материалами – а это около 4 тысяч экземпляров птиц Енисейской губернии. Работа с большими сериями птиц одного вида – это важнейший принцип исследований С.А. Бутурлина, позволявший отделить проявления индивидуальной изменчивости от географической.

Ко времени написания этой сводки С.А. Бутурлин уже осуществил детальную систематическую проработку отдельных групп птиц, например мохноногих сычей, сов, дятлов, куликов, гусей, кукушек, поползней, фазанов. Им были описаны многочисленные новые географические формы птиц различных видов. Поэтому его систематический обзор весьма подробен и фиксирует внимание на мельчайших отличиях морфологии и окраски птиц, в нем даются подробные описания и размеры изученных экземпляров. Это связано со стремлением ученого отбросить необоснованно применяемые диагностические признаки анализируемых форм, также сами выделенные, но малоразличимые или непостоянные географические формы, упростить пользование литературными сведениями, а также желанием упорядочить номенклатуру видов и подвидов. В каждом описании видов он дает перечень номенклатурных синонимов и использует названия по общепринятому принципу приоритета. При сравнении используемой в этой и более ранних рабо-

тах номенклатуры с более поздними орнитологическими справочниками, в том числе написанными С.А. Бутурлиным и его учеником Г.П. Дементьевым, видно, какая значительная работа была ими проделана в этой области.

Вообще С.А. Бутурлин в этой сводке, следуя взглядам английских орнитологов, в частности R.B. Sharpe, H. Seebohm и других авторов многотомного каталога птиц Британского музея, а также В.Л. Бианки, придерживается более дробного, чем в поздних работах, деления птиц как на видовом, так и на родовом уровнях. Когда у него нет причин не соглашаться с литературными данными или когда нет достаточного собственного материала, он описывает как самостоятельные виды даже те, представленные другими авторами, формы, которым впоследствии придаст лишь значение подвидов. Или выделяет родственные виды, отнесенные в последующих работах к одному роду, в отдельные. Правда, он внимательно относится к идеям E. Hartert о более укрупненном представлении о таксонах разного ранга. В книге о птицах Симбирской губернии и в монографии “Кулики Российской империи” он относит вальдшнепов, бекасов и дупелей к одному подсемейству и роду бекасов *Scolorax*, разделяя его на три подрода. Затем в материалах по Енисейским птицам выделяет вальдшнепов в самостоятельный род *Scolorax*, а гаршнепов, бекасов и дупелей относит к другому роду – *Gallinago*. Впоследствии, в “Полном определителе птиц СССР”, разделит *Gallinago* на два рода – *Capella* и *Limnocryptes* и получит три рода в одном подсемействе, что соответствует и современным воззрениям. Противоположный процесс можно проследить на примере систематики рода соловьев *Luscinæa* – деление соловьев на несколько родов сменяется в работах С.А. Бутурлина их объединением в одном укрупненном роде, включая варакушек. Подобные систематические взгляды сохранились в монографиях и руководствах, подготовленных с участием Г.П. Дементьева.

Поиску объективных морфологических признаков вида и рода С.А. Бутурлин уделял немало внимания: “Иногда говорят, что видовые различия могут быть лишь цветовыми, а структурные или пластические являются уже родовыми. Это, однако, никем не доказано. Как раз у птиц самая окраска нередко является структурной, завися от формы строения частей пера. Да и меньшего значения химического состава пигментов по сравнению с многими особенностями пластики никто не доказал. И о том, что у многих групп птиц тип или рисунок окраски иногда бывает более устойчивым, генетически более древним, чем некоторые пластические признаки, высказывались издавна многие исследователи. Например, белое основание хвоста у обширной группы пеголозиц и их родственников явно устойчивее, чем наличие или отсутствие первого пальца ноги или форма покрывающих плюсну щитков. Желтая полоса в оперении не менее характерна для рода *Budytes*, чем длина и форма когтя заднего пальца. Нежные тона и постепенные переходы разноокрашенных участков тела у голубей и резкие, контрастные участки и пятна у дятлов столь же характерны для них, как формы клювов и лап. (...) Утверждение, что даже мелкие особенности атомического

строения несравненно постоянное (...) чем особенности окраски, также неубедительны”³.

Таким образом, систематические взгляды С.А. Бутурлина – это поиск золотой середины между максимально подробным анализом структуры вида, их родственных отношений и стремлением выявить естественные группы на уровне более высоких таксонов – родов и семейств.

Экологический подход, характерный для русской зоогеографии этого времени, хорошо проявляется и в сводке по енисейским птицам. Целый раздел посвящают авторы анализу распределения авифауны по “орнитологическим станциям” рассматриваемой территории.

В работе приводятся таблицы, показывающие характер пребывания внесенных в сводку птиц в каждой из трех флористических полос описываемой территории. В них выделены гнездящиеся или негнездящиеся, а среди них оседлые, кочующие, улетающие на зиму, пролетные, зимующие, летующие, случайно залетные. Анализируя эти таблицы, А.Я. Тугаринов и С.А. Бутурлин доказывают не только широтное, но и долготное распространение известных видов и связанные с этим распространением пути пролетов, причем Енисей является естественной границей, за которую “представители Восточной и Западной Сибири идут сравнительно недалеко к западу и востоку”⁴. Причем авторы не берутся определить эти пути, но считают, что важную роль здесь играют система правых крупных притоков Енисея (Тунгусок) и низменный, богатый мелкими речными системами Обь-Енисейский водораздел.

В сводке дается немало биологических сведений о птицах, в том числе о характере линьки, о сроках и особенностях миграций и гнездования – например гнездовое поведение самца перепела, когда он, как и самка, отводит от гнезда. Подробно описывается факт гнездования воробьев и различных видов уток в непосредственной близости от гнезд хищных птиц, и связывается это с вероятным стремлением хищников иметь гарантированный резерв питания в трудный период выкармливания птенцов. Этот факт и до публикации данной работы А.Я. Тугаринова и С.А. Бутурлина был известен орнитологам, но не находил рационального объяснения. Не смогли дать его и они, но привлекли внимание специалистов к интересному явлению.

Наиболее интересными для изучения С.А. Бутурлин считал территории, расположенные на стыке фаун, – они особенно богаты видами. Орнитофауну Кулундинской степи Сергей Александрович исследовал в 1909 г. во время летней экспедиции. Он отмечал, что здесь на сравнительно небольшом пространстве встречаются южные виды – утка-пеганка, кречетка, тиркушка; северные – белая куропатка, белохвостый песочник; восточные – большая горлица, бекасовидный улит, белокрылый жаворонок; западные – утка-савка, дергач, шилок-лювка.

³ Бутурлин С.А. Птицы Тазовской экспедиции Всероссийского географического общества. 1926–1927. С. 61–100.

⁴ Бутурлин С.А., Тугаринов А.Я. Материалы по птицам Енисейской губернии. Красноярск, 1911.

Во взглядах на зоогеографическое деление Кавказа С.А. Бутурлин сходится с К.А. Сатуниным, выделявшим здесь 9 фаунистических участков, имеющих различное происхождение, но считает, что зоогеографическое значение Кавказского хребта в формировании фауны региона преувеличено. И подтверждает это на орнитологическом материале.

Специальных зоогеографических работ у С.А. Бутурлина нет, но в 1916 г. для издательства “Природа” Сергей Александрович делает перевод книги Р. Шарффа “Европейские животные, их геологическая история и географическое распространение”. Он считает ее удачным опытом популярного и одновременно научного изложения проблемы, из которой даже “неподготовленный читатель может получить отчетливое представление о сущности и современном положении этих важных и интересных вопросов”⁵. Это была первая крупная популярная работа на русском языке, рассказывающая о распространении и происхождении животных с подобной точки зрения. Понятно, что переводчик разделял научные воззрения ее автора. Они базируются на мнении Уоллеса, что при точном знакомстве с какой-либо группой птиц и ее географическом распространении можно вычертить карту островов и континентов предшествующих эпох. Этот метод Шарфф использовал применительно к Европе. Он исходил из представления о наличии видовых центров расселения растений и животных и стремления вида расширять зону обитания во всех направлениях, пока он не встретит каких-либо непреодолимых препятствий. Метод, который автор использовал для выяснения геологической истории британской фауны, прост – выявить характерных для данной фауны животных различных групп и проследить их первоначальную родину на основе сведений об их общем распространении, с тем чтобы понять, с какой стороны они появились на данной территории. Например, факт отсутствия в Ирландии ряда обычных для Англии животных являлся доказательством того, что она стала островом раньше, чем Британские острова отделились от материка.

Говоря о генезисе фауны Западной и Центральной Европы, Р. Шарфф подчеркивал азиатское, точнее сибирское влияние на ее формирование, объясняемое, по его мнению, наличием в плейстоценовое время прямой связи между Европой и Сибирью. Степные животные, проникшие тогда на европейскую территорию, остались здесь в качестве реликтов. То же касалось животных тундры (лемминга, песца, беляка, северного оленя), которые тоже в свое время обитали почти по всей Европе, природные условия которой были подобны тундряным. Затем все они вымерли, кроме беляка, который остался как реликт в Ирландии и в горных местностях Европы. Шарфф приводил зоогеографические данные, подтверждающие факт соединения Арало-Каспийского бассейна с Белым морем, и доказывал это сходством фауны упомянутых морей, в частности считал каспийского тюленя подвидом северного тюленя.

Эволюционный подход С.А. Бутурлина в зоогеографии и фаунистике проявлялся в убеждении, что формирование современной фауны

⁵ Бутурлин С.А. // Шарфф Р. Европейские животные, их геологическая история и географическое распространение. СПб., 1918.

есть результат длительной эволюции, в процессе которой одни виды исчезали, другие нарождались, ареалы их видоизменялись вслед за изменением климатических и других условий. Понимал он и роль антропогенного воздействия на ту часть природы, которая включена человеком в его производственную и хозяйственную деятельность, и прежде всего на охотничье-промысловую фауну. Поэтому он активно разрабатывал систему охранных мероприятий для поддержания численности животных, а также рационального их использования.

Систематика птиц

Главной заслугой Бутурлина-орнитолога было создание первого в стране полного определителя птиц СССР – “Птицы СССР” в пяти томах (1934–1941). Он должен был увидеть свет в 1918 г., но готовая к изданию рукопись была потеряна в перипетиях революции и гражданской войны, а затем ценой больших усилий фактически написана заново и подготовлена к печати в соавторстве с молодым еще тогда орнитологом Г.П. Дементьевым. Это главный итог научной деятельности С.А. Бутурлина в области орнитологии, “революционный, новаторский труд”, для которого им были составлены уникальные, “исключительные по оригинальности и совершенству определительные ключи для фауны птиц страны, позволяющие вести определение до подвидового уровня, разработаны новые принципы расположения, группировки материала, выполнена гигантская работа по упорядочению подвидовой номенклатуры”⁶. Он стал ступенью в развитии орнитологии и основой ее бурного развития в последующие десятилетия. Эта сводка наряду с другими определителями и фаунистическими монографиями завершила инвентаризацию видов и подвидов птиц, их географического распространения, что имело важнейшее значение для дальнейшего изучения авифауны страны, и позволила более детально продолжить исследования по географической изменчивости птиц.

Одновременно это был итоговый труд С.А. Бутурлина в области систематики. “Полный определитель птиц СССР” содержал исчерпывающую по тем временам информацию в области систематики, зоогеографии и диагностики птиц, был написан на основе “всей имеющейся фаунистической русской и иностранной литературы”, на самостоятельных многолетних полевых экспедициях и наблюдениях авторов и обработке огромного коллекционного материала, собранного в наших крупных музеях”⁷. Помещенный в пятом томе список птиц содержал 672 вида и более 1500 подвидов страны и 200 встречающихся около границ. Они были распределены по 16 отрядам. Таблицы для определения родовых групп и видов включали оседло живущих, пролетных, зимующих, летующих и залетающих в пределы России птиц. Для каждого рода, вида и подвида приводились научные и народные названия, давалось пол-

⁶ Симкин Г.Н. О биологическом значении пения птиц // Вестник Московского университета. 1972. № 1. С. 35.

⁷ Бутурлин С.А. Птицы СССР. Проспект книги. М., 1934. С. 2.

ное описание оперения с перечислением сезонных, половых и возрастных отличий. Указывалось распространение, в СССР – более подробно – с указанием области гнездований и зимовок. Фактически это был ответ делом на призыв, прозвучавший в 1932 г. на созванной Зоологическим институтом Академии наук СССР фаунистической конференции, о необходимости издания полных определителей по фауне птиц СССР, содержащих в себе критический список зарегистрированных форм, краткое их описание, данные по распространению и определительные таблицы.

Первый том открывался кратким введением, состоящим из описания названий частей тела и оперения птиц, методики измерений, определения пола. Описание отрядов было составлено по общему плану: морфолого-биологическая характеристика отряда и таблицы определения видов. В особом отделе – “Примечания к видам” – разбирались семейства и подсемейства птиц с короткими диагнозами видов и подвидов, с кратким указанием географического распространения. В определителе впервые в России наиболее полно реализована идея подвидового таксономического описания орнитофауны и осуществлена полная ревизия птиц СССР по этому принципу. Позже эта работа была продолжена учеником С.А. Бутурлина Г.П. Дементьевым в шеститомной монографии “Птицы Советского Союза” (1951–1954).

Классическая систематика всегда ставила перед собой три основные взаимосвязанные задачи: дискриминацию (разграничение соседних таксонов), идентификацию (возможность определения каждого экземпляра вида на любой стадии развития) и систематизацию (приведение всех таксонов в систему). Диагностика (идентификация) зоологических объектов по мере накопления систематикой информации о видовом разнообразии в начале XX в. стала выделяться в особую – прикладную ветвь систематики. На первых порах диагностике отводилась чисто утилитарная роль, и ее развитию уделяли немного внимания. С.А. Бутурлин же считал диагностику инструментом развития как систематики, так и орнитологии в целом и потому не жалел сил на ее совершенствование, стараясь в каждой своей систематической работе по любой группе птиц давать диагностические ключи (“определятельные таблицы”, как он их называл). Его итоговый определитель – полноценное систематическое сочинение, в котором автор стремится решить все задачи систематики: дать четкий диагноз для разграничения таксонов, составить текстовые ключи, учитывающие подвидовые вариации признаков, также сезонные и возрастные.

Целостный подход к систематике, стремление к отражению естественной системы в любых определителях – таких позиций придерживался Сергей Александрович в своих орнитологических работах. Он не признавал “упрощений” классификации в определителях: «Классификация животных – естественный результат систематического их изучения, квинт-эссенция нашего знания систематики, и если в ней выражена полнота нашего зоологического познания, то она научна и, насколько позволяет современное положение науки, – верна. Если же нет, то она ошибочна и ложна. Никакой “упрощенной” классификации быть не мо-

жет. Задача популяризаторов и составителей определителей не в том, чтобы существующее разнообразие живой природы... подгонять под какие-то упрощенные схемы, не в том, чтобы найти простые и понятные для начинающего пути и диагнозы для ознакомления с современной научной классификацией»⁸.

Система, которую С.А. Бутурлин использует в определителе при делении класса птиц на крупные таксоны – отряды и подотряды, очень близка к системе Уэтмора, ставшей общепринятой в 1930 г., но в ней еще заметны следы широкоупотребляемой до этого классификации Г. Гадова. Здесь находит отражение традиционный подход того времени к формированию крупных таксонов по филогенетическому принципу. Однако у С.А. Бутурлина мы уже видим сомнение в справедливости такого подхода, он склоняется к мысли об обоснованности более дробного подхода к выделению отрядов, как предлагал Э. Хартерт, затем Э. Штреземанн, а вслед за ними Г.П. Дементьев. В своем полном определителе “Птицы СССР” С.А. Бутурлин толкует отряды в достаточно широком смысле, но в текстах-характеристиках отдельных отрядов уже оговаривает необходимость их разделения по ряду признаков на несколько самостоятельных таксонов, а не просто на подотряды, как делается в определителе. Это касается отрядов веслоногих *Steganopodes*, гагаровых *Pugorodes*, дятловых птиц *Coraciiformes*. В сущности, это предпосылки более дробного подхода, хотя многие обширные отряды С.А. Бутурлин оставлял неразделенными, следуя традиции предшественников и подчеркивая филогенетические связи входящих в них таксонов. При делении отрядов на более мелкие таксоны С.А. Бутурлин не разделял точку зрения систематиков-“дробителей”, а был сторонником систематически обоснованного разделения или объединения родов, но довольно широко пользовался не имеющими таксономического значения категориями подродов, подсемейств, подотрядов, групп родственных форм для подчеркивания филогенетических взаимоотношений отдельных таксонов и их групп. Это видно уже в ранних работах С.А. Бутурлина, и особенно в итоговом труде.

Безусловно, первая сводка птиц СССР с определительными таблицами опиралась на труды предшественников. Прежде всего на выдающиеся работы М.А. Мензбира, а также на популярные в России капитальные иностранные орнитологические сводки. При составлении определителя С.А. Бутурлин учел и использовал их наработки. Ведь он сам по ним учился и работал, знал досконально их сильные и слабые стороны. К последним он относил использование в определительных ключах этих изданий малозаметных и трудноразличимых, доступных для распознавания лишь специалистам, а иногда и сезонных признаков в качестве диагностических и одновременное игнорирование хорошо выраженных внешних особенностей окраски и строения, в том числе и общего облика птицы. Бутурлин еще в 1901 г. первым среди орнитологов России поставил перед собой задачу при составлении диагностических

⁸ Бутурлин С.А. Обзор русской орнитологической литературы //Орнитологический вестник. 1917. № 2. С. 135.

ключей “дать чисто наружные, краткие, но резкие и наглядные признаки разных групп и видов птиц, при том признаки, по возможности, постоянные, не изменяющиеся по полу, возрасту и времени года или... не требующие предварительного знания пола птиц; я хотел дать такой определитель, чтобы каждый сколько-нибудь грамотный человек без предварительной подготовки мог точно и быстро, в несколько минут определить заинтересовавшую его птицу”⁹. И справился с этой задачей, издав в 1901 г. “Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи”, первый свой определитель, в течение ряда лет служивший практическим пособием не только охотникам, но и студентам-естественникам Московского университета. С тех пор таких принципов он придерживался при составлении определителей.

Определительные ключи С.А. Бутурлина

Определительные таблицы С.А. Бутурлина в “Полном определителе птиц СССР” существенно отличались от того, что мы видим в его ранних работах – “Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи” (1901), “Дикие гуси Российской империи” (1901), “Кулики Российской империи” (1902, 1905). Это различие отражает процесс совершенствования ключей в зоологии, в который С.А. Бутурлин внес заметный вклад, разработав собственный новаторский подход к их созданию.

Диагностические текстовые ключи, или, как их раньше называли, определительные или синоптические таблицы, в привычном нам виде появились в XVII–XVIII вв. Два типа ключей были наиболее употребительны – скобочные (или “шведские”) и ступенчатые (или “английские”). Ступенчатые, наряду с древовидными ключами, считаются наиболее архаичными. Создателем скобочного типа ключей считается Ж.Б. Ламарк, который разработал их в своей книге “Флора Франции”. Теза и антитеза объединялись слева скобкой – отсюда и название. Все дальнейшие модификации этого ключа и дали современное разнообразие.

Первые ступенчатые ключи появились в XVII в. благодаря работам английского ученого Джона Уилкинса. Они были наиболее популярны. Российские орнитологи – С.А. Бутурлин, М.А. Мензбир – начали разработку ключей для орнитофауны России со ступенчатой версии. Эти ключи пришли в российскую орнитологию с наиболее авторитетными орнитологическими изданиями – 27-томным “Catalogue of the Birds of The British Museum” (1874–1898) и “Faune Ornitologique de la Sibirie Orientale” Л. Тачановского (1893) – и оставались весьма популярными вплоть до первого десятилетия XX в.

Однако ступенчатые определительные текстовые ключи были неудобны в обращении из-за сложной графической структуры, когда тезы и антитезы одного порядка могли далеко отстоять друг от друга, что

⁹ Бутурлин С.А. Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи. СПб., 1901.

усложняло их поиск. Кроме того, узлы разного порядка имели сходные буквенные обозначения и при большом объеме ключа это вело к невольным ошибкам. Эти ключи не были строго дихотомическими, использование полимодальных признаков вело к появлению политомических узлов. Во избежание ошибки надо было просматривать весь ключ каждый раз при поисках всех тез и антитез в диагностических узлах.

Определительные ключи С.А. Бутурлина были оригинальной разработкой их автора. Опубликованные в разных изданиях определительные таблицы показывают путь их совершенствования. Они становятся более надежными, удобными, более полными и точными по содержанию и форме. Ступенчатые, политомические ключи, в которых конечные узлы одних и тех же таксонов находились на нескольких уровнях, – в первом определителе “Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи” (1901), в монографиях “Дикие гуси Российской империи” (1901), “Кулики Российской империи” (1902, 1905) – уступают место более удобным скобочным дихотомическим монополитетическим ключам – в “Определителе видов птиц СССР, их подвигов... Дневные хищники и совы СССР” (1928), “Определителе промысловых птиц” (1933), “Полном определителе птиц СССР”.

Помещенные в “Полном определителе птиц СССР” диагностические ключи С.А. Бутурлина – строго дихотомические, усовершенствованные скобочно-серийные, уилльямсоновские, одноходовые, в них используются преимущественно сложные узлы, следовательно, политетические.

С.А. Бутурлин стремился заложить в определительные таблицы исчерпывающие диагностические признаки таксонов. Давая в тезах и антитезах заметные особенности окраски и строения пальцев, крыльев, клювов, ног, он руководствовался представлением о коррелирующих признаках и ставил целью надежное определение объектов. Лишь для обширных отрядов, таких как чайки или пластинчатоклювые, С.А. Бутурлин составлял отдельные ключи для определения родов. Если следовать по ступеням ключей в обратном направлении – от видов и подвигов к вершине ключа, то можно получить полный диагноз таксона.

“(…) Положительными сторонами вышедшего в свет первого тома служат оригинальность и свежесть проработки материала, ясность и отчетливость определительных таблиц, дифференциация определения видов и подвигов. Крайне ценно включение в определитель подвигов. (...) многие из новейших систематиков недооценивают их географического и систематического интереса”¹⁰, – писал в рецензии на определитель в 1935 г. С.И. Огнев.

Желая показать целостную систему каждого из отрядов птиц, С.А. Бутурлин составлял в основном единые таблицы для определения видов и подвигов всего отряда (некоторые таблицы содержат более 250 узлов, большей частью политетических), но они включали в себя

¹⁰ Огнев С.И. [Рецензия] // Боец-охотник. 1935. № 3. С. 62. – Рец. на кн.: Бутурлин С.А., Дементьев Г.П. Птицы СССР: Полный определитель птиц СССР. Т. 1. – М.; Л., 1934–1941.

тезы и антитезы, дающие возможность деления этого крупного таксона на семейства, подсемейства, роды, затем на виды и подвиды. Поэтому, в принципе, они легко чисто механически могут быть разделены на отдельные ключи для всех уровней таксонов. Так они и были затем усовершенствованы и преобразованы создателями “Руководства по определению птиц СССР” (1948) – Н.А. Гладковым, Г.П. Дементьевым, Е.С. Птушенко, А.М. Судиловской. Сравнение этих ключей позволяет увидеть, что они фактически являются видоизмененной, сокращенной и упрощенной редакцией определительных таблиц С.А. Бутурлина.

Если вычертить дендрограмму этих ключей, то бросается в глаза значительная равномерность деления таксонов по ветвям “древа”. Даже по современным представлениям о надежности, скорости определения, оптимальности и степени совершенства ключей – это большое достоинство. При математическом анализе ряда ключей “Полного определителя птиц СССР” с помощью предложенной А.А. Лобановым формулы определения степени их совершенства для сравнения различных по объему и строению ключей, оказывается, что составленные С.А. Бутурлиным определительные таблицы следует отнести к весьма совершенным. Самый совершенный гипотетический ключ имеет индекс совершенства, равный 10. Чем меньше значение этого показателя для реального ключа, тем менее он совершенен, тем больше ошибок можно совершить, пользуясь им. Конечно, трудно с помощью любых формул оценить плоды научного творчества эрудированного специалиста, но некоторый смысл это имеет. Показатели совершенства для ключей С.А. Бутурлина имеют высокие значения – 6, 7, 8 и даже больше 8.

Значение “Полного определителя птиц СССР”

Появление в свет “Полного определителя птиц СССР” (1934–1941) – первой сводки и диагностических ключей по всем птицам страны – явилось своеобразным катализатором процесса систематизации в орнитологии: за полтора десятилетия был создан ряд капитальных монографий по орнитологии, содержащих диагностические ключи, и определителей. “Полный определитель птиц СССР” считался высшим достижением отечественной орнитологии. Выход из печати первой сводной работы по авифауне СССР привлек к себе внимание не только отечественных зоологов, но и иностранных исследователей. Французское орнитологическое общество приступило в 1934 г. к подготовке критического списка птиц Восточной Палеарктики на базе первого тома определителя. В 1935 г. в Париже на основе “Полного определителя птиц СССР” С.А. Бутурлина и Г.П. Дементьева была издана монография “Systema avium” Г.П. Дементьева. Для западной науки она послужила уникальным источником сведений об орнитофауне Советского Союза.

“Сводка вместе с другими определителями и фаунистическими монографиями в первом приближении завершила инвентаризацию видов и подвидов, что имеет для изучения авифауны СССР огромное значение. Создается основа для детального изучения географической изменчиво-

сти видов авифауны СССР, в том числе и на основе региональных фаун”, – так оценивает пятитомник-определитель С.А. Бутурлина и Г.П. Дементьева капитальный исторический труд “Птицы СССР: История изучения”, вышедший в 1982 г.

Виды и подвиды. Географическая изменчивость

Необходимость выявления реальной структуры вида для класса птиц, соотношения географической, возрастной, половой и индивидуальной изменчивости политипических видов, а также изучения механизма процесса видообразования стала одной из важнейших задач в начале века, в решение которой С.А. Бутурлин внес значительный вклад. Это было время, когда формировалась широкая биологическая концепция вида, которая рассматривала его как репродуктивное сообщество свободно скрещивающихся популяций, физиологически изолированных от других сообществ, впоследствии сформулированная Э. Майром и Т. Добржанским. Работы С.А. Бутурлина способствовали утверждению и становлению в России такого подхода, хотя он сам был критиком этой точки зрения, ибо считал “вид” и “подвид” в своей основе чисто морфологическими понятиями, а географическое распространение – лишь дополнителным критерием их выделения. В “Определителе видов птиц СССР... Дневные хищники и совы СССР”, изданном в 1928 г., С.А. Бутурлин давал такое определение видам и подвидам: “часто часть особей, принадлежащих к определенному виду, определенным образом отличается от остальных особей вида: большей или меньшей величиной, несколько иной формой крыла или клюва, некоторыми оттенками оперения. Если отличие не случайно, но наследственно, и притом связано с определенной областью распространения, так что все или значительная часть особей данного вида, водящихся в определенном районе, обладают этими признаками, то мы имеем дело с подвидом (географическая раса). Все же общность происхождения подвидов одного вида выказывается тем, что совершенное разделение еще не произошло и что в некотором числе, по окраинам области распространения подвидов, имеются промежуточные или переходные особи, которые нельзя с уверенностью отнести ни к тому, ни к другому из подвидов.

Если же подвиды разделились настолько, что таких переходных особей уже не находится, то мы имеем дело с двумя уже обособившимися.. самостоятельными видами, которые, если они по признакам все-таки очень близки и явно заменяют друг друга в разных областях, носят название... викарирующих видов... не всегда легко доказать, что между двумя слегка различными формами животных действительно имеются промежуточные особи. Нередко об этом приходится лишь догадываться по незначительности размаха и небольшому числу отличий”¹¹. Фактически С.А. Бутурлин придерживался в систематике политипического морфолого-географического стандарта, подкрепленного критерием

¹¹ Бутурлин С.А. Определитель видов птиц СССР, их подвидов, распространение, польза и вред для хозяйства. М., 1928. Вып. 1: Дневные хищники и совы СССР. С. 20.

скрещиваемости, из которого и развилась позднее биологическая концепция вида. И хотя С.А. Бутурлин недооценивал значение физиологической изоляции как критерия вида и допускал возможность широкой гибридизации “хороших видов” в зоне совместного обитания, он не всегда был категоричен в этих утверждениях: “...если сравнительно близкие формы сколько-нибудь широко гнездятся ... в одной области, то это уже разделившиеся виды, иначе они скрещивались бы и различия их сгладились бы”¹². Важным моментом в процессе видообразования С.А. Бутурлин считал появление физиологической изоляции: “По мере дальнейшего расхождения признаков количественное различие становится качественным: исчезает возможность или склонность к широким скрещиваниям, особи промежуточного характера исчезают и подвиды становятся самостоятельными видами. И при этом ничто не мешает им во многих случаях продолжать занимать соседние, но не перекрывающиеся территории”¹³.

Поискам надежного критерия выделения подвидов Сергей Александрович придавал большое значение. “Относительно подвидов, пожалуй, больше всего разногласий у ученых-систематиков. Одни признают только такие подвиды, которые резко бросаются в глаза своими отличиями. Другие склонны отделять подвиды даже тогда, когда подметить различия можно только при сравнении очень большого материала и притом приучивши глаз к оттенкам окрасок в данной группе. Одни, как покойный Шарфф, почти всякое заметное отличие признавал видовым, другие, как Эрнст Хартерт, даже все близкие, викарирующие виды, считал за подвиды. Все это уже преувеличенная односторонность. Но самое изучение подвидов как зарождающихся видов в процессе их возникновения представляет огромный интерес и для понимания хода и причин происхождения видов, и для изучения путей расселения животных”¹⁴. Поэтому он не считал возможным, как R.B. Sharpe в “Catalogue of the Birds in the British Museum” (1874–1898), а затем В.Л. Бианки, выделять в отдельные виды многие незначительно различающиеся разновидности, объединять каждые 2–3 вида в отдельный род.

Подобных взглядов он придерживался буквально с первых шагов научной деятельности. Тогда же занялся и разработкой вопросов внутривидовой географической изменчивости птиц. Уже в ранней работе (рукопись была закончена в 1899 г.) по орнитофауне Симбирской губернии, опираясь на литературные данные и собственные исследования, он стремился определить не только видовую принадлежность птиц поволжской фауны, но и выявить, к каким географическим расам или разновидностям они относятся. В процессе работы обнаружил у разных авторов противоречия и неточности в диагнозах географических внутривидовых форм, а также необоснованное придание разновидностям более высокого – видového – статуса.

¹² Там же. С. 19–20.

¹³ Бутурлин С.А. Птицы Тазовской экспедиции Всероссийского географического общества. 1926–1927. С. 69.

¹⁴ Бутурлин С.А. Определитель видов птиц СССР... С. 20–21.

Уже в этой работе С.А. Бутурлин говорил о наличии переходных форм между двумя разновидностями, что впоследствии, после опубликования работ А.П. Семенова-Тян-Шанского (1910) о внутренней структуре вида (отсутствие hiatus), стало общепризнанным критерием подвида. Эта точка зрения продержалась в науке вплоть до второй трети XX в. Но Бутурлин же опубликовал свое определение разновидностей, которые потом называл подвидами, раньше, в 1902, в монографии “Кулики Российской империи”, а затем – в 1906 г. в статье “Скворцы”: различные формы он считал разновидностями, когда находил между ними переходные внутривидовые формы. В этой работе С.А. Бутурлин доказывал, что ясно подразделившихся форм скворцов значительно больше, чем принято думать. Возможно, не все они имели таксономическое значение, но выяснить это – дело будущих исследований. Свою же задачу он видел в том, чтобы поставить вопрос о значении самих выявленных форм. Он полагал, что лучше разделить и описать все сколько-нибудь отличные внутривидовые формы, изучив большие серии птиц одного вида и исключив индивидуальные, сезонные и возрастные отличия, ибо объединить их потом легче, чем путаться в неточных диагнозах неразделенных подвигов. Более того, он считал, что изучение не только географических, но и стационарных изменений окраски потребует схематизирования, подобного классификации А.П. Семенова-Тян-Шанского. Фактически он говорил о выявлении локальных популяций. Но, по его мнению, триарная номенклатура должна иметь дело только с географическими расами (подвидами).

Примером первой обработки целой группы птиц на подвиговом уровне может служить монография С.А. Бутурлина “Дикие гуси Российской империи”, опубликованная в 1902 г. В ней при составлении определительных таблиц автор даже отказался от выявления видовой принадлежности, давая сразу название и характеристику географической расы гусей. Это была крайность, к которой С.А. Бутурлин не возвращался; и когда его ученик Г.П. Дементьев, самостоятельно обрабатывая материал о хищных птицах для четвертого тома “Полного определителя птиц СССР”, построил свою часть работы, взяв за основу описания также географические расы, а не виды (виды лишь назывались, а диагностика, характеристика распространения и биологии давались отдельно по каждому из подвигов), Бутурлин не возражал, но из комментариев в предисловии к третьему тому видно, что сам он не разделял эту точку зрения. Вид он всегда считал основной таксономической единицей.

Изучение географической изменчивости вида позволяло Сергею Александровичу делать немаловажные выводы в области систематики, устанавливать естественные родственные группы видов, отметить искусственно созданные роды и подроды. Например, формы сорокопужулана *Lanius collurio* из западных областей Азии, северного Туркестана и южной и юго-западной Сибири обнаруживали не только крайнюю неустойчивость окраски, но и давали полные переходы изменчивости как в направлении серых, так и рыжехвостых сорокопутов. И это, по мнению С.А. Бутурлина, неопровержимо доказывало, что роды

Otomela и Enneostonus ошибочно считать не только родами, но и удерживать в качестве подродовых групп. Род Tarsiger (синехвостка) он считал переходным между соловьями и горихвостками.

К 1917 г., когда С.А. Бутурлин завершил рукопись, впоследствии утраченную, определителя птиц Российской империи, он опубликовал 166 диагнозов и описаний новых видовых и подвидовых форм птиц, 15 родовых и подродовых и 2 – для подсемейств. Это огромная работа. Достаточно сказать для сравнения, что за 20 лет деятельности всех московских орнитологов (с 1917 по 1936 г.) ими было описано 280 новых подвидов птиц. Именно тогда, в первой трети XX в., как считает Г.П. Деметьев, и была завершена работа, начатая С.А. Бутурлиным и Н.А. Зарудным, по изучению географической изменчивости птиц, по установлению видового и подвидового состава нашей фауны. Эти работы советских орнитологов, по его мнению, подтвердили правильность широкой концепции вида и позволили сделать практический вывод о правильности применения триноминатной номенклатуры. Таким образом, С.А. Бутурлин был одним из основателей целого направления научных исследований в орнитологии – изучения фауны птиц страны на подвидовом уровне. Его идеи, подытоженные в пятитомном определителе, были реализованы в фундаментальных монографиях, изданных Г.П. Деметьевым и другими орнитологами в 50–60-х годах.

Подвидовой подход в изучении авифауны в России не был однозначно признанным. Не все орнитологи считали, что скрупулезное описание внутривидовых форм так уж необходимо. Ряд из них, в том числе и М.А. Мензбир, полагали, что это лишь засоряет систематику и создает путаницу при диагностике. Но процесс был закономерный – нельзя обобщить, не проанализировав. И этот процесс продолжался до середины XX в. – вслед за С.А. Бутурлиным и Н.А. Зарудным большинство советских орнитологов описывали авифауну различных территорий именно на подвидовом уровне. Завершился он, когда была достигнута относительная ясность внутривидовой структуры птиц, были изданы обобщающие орнитологические сводки Советского Союза.

Подвидовой принцип описания фауны сохранился в систематике и до сих пор, хотя стал строиться на основе популяционного представления о структуре вида. Созданное во второй половине XX в. учение о популяции, ставшее основой дальнейшего развития теории систематики и таксономической практики, учения о микроэволюционных процессах и пусковых механизмах эволюции, а также давнее ключ к пониманию динамики численности вида и колебаний занятой им территории, было не только углублением ранее существовавших представлений, но и естественной трансформацией и переосмыслением накопленных за полвека практических и теоретических данных о внутривидовой изменчивости. С.А. Бутурлин одним из первых начал планомерный анализ этого явления как систематик, а затем обобщил результаты своих исследований в капитальной сводке по птицам СССР. Его представления о подвиде содержат важнейшие критерии, по которым затем было сформулировано определение популяции – элементарной эволюционной единицы.

Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.В. Яблоков, Н.В. Глотов под популяцией понимают “совокупность особей определенного вида, в течение длительного времени (большого числа поколений) населяющих определенное пространство, внутри которого осуществляется та или иная степень панмиксии и нет заметных изоляционных барьеров, которая отделена от соседних таких же совокупностей особей данного вида той или иной степенью давления тех или иных форм изоляции”¹⁵. Если сравнить данное определение с приведенной в начале этого раздела формулировкой подвида, данной С.А. Бутурлиным, то видно, что, несмотря на оперирование фенотипическими (морфологическими) признаками групп особей, во внимание берутся наследственно закрепленные; особое значение в ней придается заселению группой определенной области пространства; подразумевается свободное скрещивание внутри заселенной подвидом зоны.

Хотя С.А. Бутурлин не говорил о подвиде как совокупности популяций, он фактически оперировал этим представлением, писал о “местных расах” птиц. Диагностические, морфологические признаки видов и подвигов С.А. Бутурлин считал возможным выявлять не по единичным экземплярам, а большим сериям образцов птиц одного и того же вида или подвида. Этот статистически достоверный подход позволял учитывать лишь наследственно закрепленные признаки популяции.

Г.П. Дементьев ставил в упрек С.А. Бутурлину, что тот при выделении видов прежде всего обращал внимание на наличие “хиатуса” – отсутствия переходных форм, а при определении подвигов – на их наличие. Тем не менее, в этом было рациональное зерно. Прежде всего С.А. Бутурлин решал задачи поиска наиболее наглядных критериев различения видов и подвигов при диагностике и систематике птиц. Но именно в таком взгляде проявился его эволюционный подход к толкованию вида и подвида. Подтверждением правоты С.А. Бутурлина служит определение вида, который дали Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.В. Яблоков, Н.В. Глотов: “Вид... совокупность особей, образующих географически или экологически викарирующие популяции, обладающие общими основными морфо-физиологическими признаками, способных в природных условиях к скрещиванию друг с другом и образующих поэтому переходные популяции между отличающимися друг от друга соседними... от других таких же видов его отделяет в природных условиях практически полная биологическая изоляция...”¹⁶. Современное учение о популяциях признает наличие подвигов – более или менее хорошо отличимых групп популяций. Согласно ему, смежные подвиды обычно связаны переходными популяциями. Подвиду свойственны три признака – определенные морфо-физиологические отличия, проявляющиеся у большинства особей, ареал и скрещиваемость с другими подвидами. Так что воззрения С.А. Бутурлина на виды и подвиды способствовали формированию современных взглядов на их природу и суть.

¹⁵ Тимофеев-Ресовский Н.В., Яблоков А.В., Глотов Н.В. Очерк учения о популяции. М., 1973. С. 40–41.

¹⁶ Там же. С. 203.

Полет птиц правильным строем

По поводу причин полета стай крупных птиц косяком, клином или прямой линией – т.е. выстраивание стаи в определенном порядке – писали А. Брэм, К. Корнелиус, Ф. Арнольд. Последний считал, что лет углом помогает птицам преодолевать сопротивление воздуха и режет воздух, как нос корабля воду. Такую аналогию закономерностей движения снаряда С.А. Бутурлин считал неправомочной, ибо воображаемый клин не может производить механическую работу. И решил опровергнуть этот ошибочный взгляд. Казалось бы, что наиболее выгодный угол для разрезания воздуха – острый, а на деле, при наблюдении перелетных стай, углы бывают самые разнообразные, в основном тупые. Причем изменения угла клина могут быть весьма значительны у стай птиц одного и того же вида, следующих одна за другой. Эти изменения нельзя объяснить разницей погодных условий, силой ветра. Но и игрою случая упорядоченное построение стаи считать нельзя. И поскольку птицы пользуются строем главным образом при дальних, трудных путешествиях, то это приводит к мысли, что строй облегчает перелет, является выгодным. В каждой стае есть птицы более и менее сильные и выносливые, а “присущее общественным птицам несомненное чувство товарищества не позволяет стае разбиться на отдельные, удаленные части, сообразно с различием в физических силах”. Выход – в поддержании определенного – наивыгоднейшего для всех – такта полета. Использование строя – организованного построения стаи – лучший вариант для достижения этой цели. “Это выгода строя в физиологическом отношении”¹⁷.

Затем расположение птиц в определенном порядке позволяет им иметь вожака, видимого всем особям стаи. Значение такого предводителя велико и для молодых и неопытных птиц, и для старых. Наблюдения показывают, что летящая во главе стаи птица часто меняется. С.А. Бутурлин считает, что это связано с утомлением вожака из-за затраты “душевной энергии” – усиленного напряжения внимания и памяти для того, чтобы находить верное направление полета, не забывать о возможных опасностях и не сбиваться с выбранного наивыгоднейшего такта перелета. Наличие вожака позволяло остальным членам стаи лишь следовать за ним и поддерживать заданный такт. Это же позволяет всем птицам равномерно двигаться, не налетать друг на друга, не отставать и не догонять и экономит их мускульную энергию. Но главная причина – аэродинамическая. При полете клином или косой линией “каждая птица строя летит, рассекая воздух... самостоятельно... на известном расстоянии от товарищей, но... не попадает в след ни одного из них, так что каждая птица строя при взмахе упирается крыльями в еще не взволнованные массы воздуха. Этим именно и можно охарактеризовать строй вообще, будет ли это острый или тупой угол, косой или по-

¹⁷ Житков Б.М., Бутурлин С.А. Материалы для орнитофауны Симбирской губернии // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. СПб., 1906. Т. 41, № 2. С. 128.

перечный ряд или дуга”¹⁸. Подтверждение С.А. Бутурлин находил в опытах французского физиолога Магеу, который выпускал птиц на привязи и наблюдал, как они не могли поддерживать постоянное положение в полете и даже падали, когда шнурок ограничивал их продвижение вперед.

Крупным птицам особенно важно учитывать эти аэродинамические условия при полете, их крылья сильнее волнуют воздух, причем не только пропорционально площади крыльев и силе их грудных мышц, но и в зависимости от их массы. С.А. Бутурлин не берется судить, какие особенности физиологии полета птиц вызывают тот или иной характер построения стаи. Но эмпирически прослеживает связь между устройством крыла и манерой полета с фигурой строя, что, вероятно, связано с тем, что струя взволнованного крылом воздуха распространяется у разных видов различно – по силе и направлению. Изменения же формы строя у одного и того же вида С.А. Бутурлин объясняет направлением и силой ветра, которые заставляют птиц подстраиваться под них в поиске наиболее выгодного расположения при полете.

В связи с последним положением своей теории С.А. Бутурлин подробно рассматривает значение направления ветра для полета птиц. Этому он посвятил специальную статью и ряд небольших публикаций. Он утверждает, опираясь на опыт “авиатики”, что попутный ветер помогает перелетным стаям преодолевать пространство, ускоряет их движение, а встречный – наоборот, препятствует. Тем самым исследователь опровергает бытовавшее среди части орнитологов и охотников представление о способствовании полету встречного ветра. Но С.А. Бутурлин справедливо отмечал, что встречный ветер мог помочь стае при взлете или посадке, увеличивая подъемную силу крыла, но были известны случаи, когда стаи летели, набрав высоту при разных направлениях ветра. Сегодня доказано, что птица всегда садится против ветра.

Таким образом, С.А. Бутурлин внес вклад в понимание аэродинамики полета стаи, а также сложной адаптивной природы использования стаями крупных птиц определенного, а не беспорядочного построения.

Перелеты куропаток

Значительное внимание С.А. Бутурлин уделял интересному и почти не затронутому в специальной орнитологической литературе вопросу о перелетах серых куропаток *Perdix perdix* в юго-восточной России. Серая куропатка традиционно считалась оседлой птицей, лишь иногда совершающей кочевки из-за недостатка пищи. Европейские орнитологи (Naumann, Ogilvie Grant) сообщали о появлении в разных районах Центральной и Южной Европы стай куропаток не местного происхождения. Но С.А. Бутурлин и Б.М. Житков считали, что это результат кочевок западноевропейских куропаток, а не правильных перелетов русских, ибо последние крупнее западноевропейских, а авторы этих сооб-

¹⁸ Там же. С. 135.

щений говорили о форме меньшей величины, чем местные. К. Корнеиус, Н.А. Северцов, Г. Зибом писали о серых куропатках, прилетающих на зиму к Астрахани, в северный Туркестан. Литературные данные убеждали, что в юго-восточной части России биологический характер серой куропатки менялся и она становилась перелетной. Основанные на 10–15-летних наблюдениях статьи говорили о перелетах куропаток как о правильном ежегодно повторяющемся явлении под Саратовом, Царицыном, в Ставропольской губернии, на нижнем Дону.

Бутурлин и Житков затруднились определить северную границу распространения перелетных куропаток, но для Симбирской губернии указали, что перед наступлением зимы количество куропаток уменьшается. Они предположили возможность обитания в этой зоне перелетных куропаток. Исследователи отмечали в последние годы XIX в. значительное увеличение численности гнездящихся в долине р. Алатырь куропаток, что, по их мнению, могло быть связано с переселением на север с юга отдельных пар или стай куропаток. Они и “принесли с собою и готовую привычку к перелету и отлетали на зиму, между тем как... местные куропатки продолжали... зимовать на местах”¹⁹.

По мнению Бутурлина, причины “своеобразного явления частично перелета серых куропаток кроются... в особенностях почвенных и климатических условий обитаемой этими птицами местности... куропатки оседлы везде, где влияние моря, распространение лесов или орографические условия предохраняют их от слишком резких климатических перемен и недостатка осенней и зимней пищи; перелетными же они становятся на тех обширных равнинах юго-восточной России, куда достигает уже дыхание среднеазиатских пустынь”²⁰. С.А. Бутурлин и Б.М. Житков на основании личных впечатлений за два десятка лет охоты в Симбирской губернии, проверенных в беседах со старожилами, склонялись к мнению, что 100–150 лет назад влияние прикаспийских пустынь на территории волжского и донского бассейнов было меньшим, лесов было больше и они росли южнее, уровень грунтовых вод был выше, чем в середине и конце XIX в. Тогда куропатки, возможно, были оседлы и в этой области. «Если это предположение справедливо, то в данном случае мы имеем прекрасный пример быстрой биологической приспособляемости и быстрого развития так называемого “инстинкта” в зависимости от изменения условий жизни»²¹. И это суждение оказалось правильным. В шеститомной монографии “Птицы Советского Союза”, под редакцией Г.П. Деметьева и Н.А. Гладкова, о серой куропатке написано: “Оседлая птица: однако куропатки из открытых степных районов с суровыми зимами (между Средней Волгой и Иртышом) отлетают на зимовку в близлежащие малоснежные районы с более мягким климатом (в пустыни Средней Азии, степи Предкавказья и Приазовья и т.п.), в других районах предпринимают местные кочевки, приближаясь к населенным пунктам”²².

¹⁹ Там же. С. 188.

²⁰ Там же. С. 188–189.

²¹ Там же. С. 189.

²² Птицы Советского Союза. М., 1951–1954. Т. 4. С. 226.

Изучение перелетов птиц

Изучение перелетов орнитологи традиционно связывали с решением общих вопросов происхождения и географического расселения животных. Сторонники арктической теории расселения птиц (в частности Диксон) считали, что ледник вытеснил их из исконных центров обитания – полярных областей, куда они затем возвращались как на историческую родину. Сторонники теории пролетных путей полагали, что они закреплялись в наследственности как исторические пути проникновения вида на новые территории, и считали это свойство достаточно консервативным. Среди орнитологов было немало противников арктической теории расселения птиц и сторонников экваториальной, которая отрицала возможность отступления животных под действием неблагоприятных условий. Животные должны просто вымирать под их натиском. Так же объяснялось и сокращение существующей области распространения – за счет полного истребления местных особей, а не за счет вытеснения их в соседние места. К примеру, Ч. Диксон в 1897 г. вывел закон географического распространения животной жизни на земном шаре, основываясь на теории экваториального, а не арктического распространения животных. Закон гласил: “Животные северного полушария никогда не увеличивают области своего обитания по направлению к югу, но только к северу, северо-западу или северо-востоку, иногда даже почти прямо к западу или востоку, но только отнюдь не к югу; следовательно, жизнь распространяется от экватора по направлению к полюсам”²³. Диксон полагал, что ледниковый период пережили только те виды, область распространения которых лежала за пределами действия ледников; остальные вымерли. По его мнению, перелеты возникли “от постепенного, вследствие размножения происхождения, увеличения области гнездования, причем по выводе птенцов птицы, под влиянием стремления к обществу и любви к родине, направлялись неизменно “домой”, в свою коренную область обитания, центр распространения – каковым и является всегда первоначальная гнездовая область, хотя бы эти птицы этого вида там и перестали гнездиться”²⁴. Бутурлин и Житков были не согласны с этой позицией. Они подтвердили уже доказанное в орнитологии движение некоторых гнездящихся птиц к югу – мородунки (*Terekia cinerea*) для Поволжья и овсянки-крошки (*Emberiza pusilla*). Не приводящее к перелетам расширение области распространения воробья *Passer domesticus* в Сибири, а также расширение на север зоны гнездования куропаток, не делающее их перелетными, доказывают, по их мнению, несостоятельность этих взглядов Ч. Диксона. Бутурлин и Житков сделали вывод, что резко выраженный перелет серых куропаток на юго-восток России доказывает, что миграции – адаптивное явление, что изменения климатических и других жизненных условий способны вызвать перелет птиц. И это впоследствии подтвердилось.

²³ Цит. по: Бутурлин С.А. Что и как наблюдать в жизни птиц? М., 1934. С. 20.

²⁴ Там же. С. 17.

Сегодня работами В.Р. Дольника доказано, что у различных групп и видов птиц миграции возникают как адаптивное приспособление к сезонности климата, увеличению численности и расселению, что птицы как класс преадаптированы к миграциям и это координируется и синхронизируется отбором, что современные популяции ряда видов в порядке индивидуальной изменчивости продуцируют весь диапазон от оседлых особей до развитых мигрантов, благодаря чему могут быстро менять свой миграционный статус при усилении давления отбора.

Пути миграций

Уже в ранних работах С.А. Бутурлин отмечал, что ряд птиц, в частности гуси *Anser anser*, летят на пролете не только речными долинами, т.е. четко зафиксированными пролетными путями, но и степями Симбирской губернии, т.е. широким фронтом. Впоследствии это нашло подтверждение в работах П.П. Сушкина (1908), Э. Майра и В. Мейзе (1930), А.Н. Промптова (1941), В.Р. Дольника (1976).

В 1934 г. С.А. Бутурлин отмечал сложный характер миграций птиц. Пути перелетов весьма извилисты. И это не кратчайшие расстояния от мест гнездовий до зимовок. В 1925 г. он наблюдал на мысе Дежнева, как белые гуси Чукотки, зобатые песочники Колымы, канадские гуси Анадыря стая за стаей летели на восток через Берингов пролив, а им навстречу тоже стая за стаей – острохвостые песочники (близкие родственники зобатых), рыжегорлые варакушки, пючки-таловки. И давал этому явлению такое объяснение: широко расселившись путем постепенного расширения своей гнездовой области, птицы из поколения в поколение прбдельывают один и тот же путь, возвращаясь на зиму на старые зимние квартиры вида. Только с таких позиций, по его мнению, можно понять, почему полярные крачки из Северной Америки летят сначала на восток и на юг вдоль Атлантического океана, а азиатские – на запад вдоль всего северного побережья Азии и Европы, а затем на юг вдоль Атлантического побережья. Выписывают громадные дуги, когда короче лететь другим путем.

Орнитологи первой трети XX в. уделяли немало внимания и выяснению того, летят ли птицы определенными путями или “широким фронтом”, так что ширина этого фронта равна ширине гнездовой области. С.А. Бутурлин считал, что в пределах гнездовой области не может быть особых различий между перелетом “широким фронтом” и определенной дорогой – каждая птица направляется в свою местность. Но так как птицы собираются в стаи, то пути отдельных выводков и особей сливаются в одно русло. Чем крупнее стая, тем более эти русла сходны с большими дорогами. Утки, кулики требуют для кормежки реже встречающихся условий, поэтому они привязаны в перелетах к рекам, цепям озер, морским побережьям. Но и тут часть птиц летит не вдоль речных путей. Он не считал пути миграций жестко детерминированными и связанными строго с историей расселения вида.

Высота, скорость полета и перелетов птиц – также были предметом исследования С.А. Бутурлина. Он утверждал, что высота полета птиц зависит от погоды, что обычно над равниной перелетные птицы летят на высоте 1–3 тысяч метров, и тогда их не видно (они исчезают из видимости на высоте 250–300 метров), но в бурю или шторм могут продвигаться почти у поверхности.

Доказав факт перелетов куропаток и объяснив это приспособлением части особей к изменению климатических условий, Бутурлин предвосхитил результаты более поздних исследований, приведших к пересмотру взгляда на миграции как на исторически сложившуюся систему и не корректируемую современными экологическими условиями.

Скорее всего, С.А. Бутурлин был сторонником арктической теории распространения птиц, ибо считал, что не все птицы летят зимовать на юг. Горный дупель с Саян на зиму спускается не только по южному склону, но и по северному, доходя до Иркутска и Красноярска. Розовые чайки вместе с пуховыми птенцами из мест гнездований в июле улетают на север, осенью двигаются к берегу океана и на зиму разлетаются к северо-западу и северо-востоку по полынням Северного Ледовитого океана. Эта точка зрения сегодня не подтверждается.

Многие наблюдения С.А. Бутурлина позволили уточнить характер и географию миграций ряда видов птиц. К примеру, в 1905 г. в Якутии Сергей Александрович, препарировав гусей, собрал из их тушек пригоршню железной дробы и 2 кованых, железных, ручной работы, крючка. Это помогло установить, что гуси колымской дельты зимуют в Западном Китае, у притоков Голубой реки, ибо таким способом, как выяснил С.А. Бутурлин, местные охотники добывают гусей на зимовках.

Работы по кольцеванию птиц

Изучение миграций птиц Сергей Александрович считал общей задачей мировой науки и мечтал о должной постановке этих исследований в России. И в этом вопросе был космополитом. Он возражал против выпуска колец нового образца и создания российского центра кольцевания, что вредило бы делу, ибо усложняло и уменьшало бы вероятность возврата колец. Он ратовал за использование колец Росситтенской станции в Германии. В 1910 г. Русский орнитологический комитет поручил ему разработать программу по развитию кольцевания птиц в России. С 1910 г. члены этого комитета, а позже студенты Лесного института в Петербурге под руководством А. Силантьева и Г. Доппельмайера приступили к кольцеванию.

В 1911 г. в журнале “Орнитологический вестник” появилась статья С.А. Бутурлина “Опытное изучение перелетов”, в которой высказывалось пожелание в адрес учреждений (Лесного института), научных обществ (Орнитологического общества в Киеве, Императорского общества испытателей природы в Москве, Орнитологического отделения Императорского Русского общества акклиматизации) и отдельных орнитологов (И.О. Кайгородова, профессора М.А. Мензбира) стать “цен-

тральным органом по организации изучения движения птиц кольцеванием”²⁵.

Пропагандируя в орнитологическом журнале кольцевание, С.А. Бутурлин уделяет внимание не только показу возможностей метода опытного изучения перелетов и уже полученным результатам, но и условиям, при которых он будет эффективен. Приводит данные, полученные при анализе возврата колец, снятых с аистов и других европейских птиц, доказывающие, что они летят зимовать за экватор, что аисты в Южную Африку летят не через Средиземное море, а через Босфор, Сирию, Палестину и вверх по Нилу²⁶. Приводит два пролетных пути для обыкновенной чайки *Larus ridibundus*: один – от Росситтена на юг по Висле, через Вену и Триест, на Адриатическое море; другой – вдоль Балтийского побережья к западу, через Северное море, вверх по Рейну, через Женевское озеро и долину Роны, на Средиземное море. Кольцевание уже тогда показало, что многие оседлые птицы не так оседлы, как было принято считать, что их оседлость не индивидуальная, а видовая. В пределах ареала оседлые птицы активно кочуют. Например, вороны Петербургской губернии, южной Финляндии и прибалтийских губерний отправляются на зиму в северную Германию, а зимние прибалтийские птицы, предположительно, гнездятся в Лапландии. Кольцевание же показало, что молодые птицы выводят птенцов вблизи мест, где вывелись сами, и что подросшие птенцы уже в конце лета улетают из гнезд на многие версты на север или северо-восток.

Бутурлин подчеркивал, что многие биологические и систематические вопросы могут быть разрешены при использовании кольцевания. Но видел в России много препятствий для распространения этого метода исследования, ибо здесь приходилось рассчитывать на добровольную помощь неспециалистов – охотников, промысловиков, птицеловов, просто любителей птиц, жителей отдаленных мест; на их желание и возможность послать кольца по почте, на их способность прочесть и понять надписи на кольцах. Поэтому выход видел в просвещении неспециалистов и постоянной пропаганде кольцевания в печати, особенно в популярной, в том числе и охотничьей. Регулярно в 20-е годы XX в. он писал статьи и инструкции о кольцевании, рассчитанные на широкую аудиторию. Особо волновало его использование в России при письме кириллицы, никому, кроме русских, не понятной, а не латинского шрифта, что затруднит возврат колец с латинскими надписями при поимке птиц в России, и наоборот. В 1926 г. С.А. Бутурлин, когда он занимался организацией кольцевания на биологической станции юннатов в Москве, обратился с письмом к сотруднику ВЦИК, в котором обосновывал необходимость и своевременность перевода русского языка на латинский алфавит.

Правила кольцевания птиц алюминиевыми кольцами, пропагандой и разработкой которых в России Бутурлин активно занимался с 1911 г.,

²⁵ Бутурлин С.А. Опытное изучение перелетов // Орнитологический вестник. 1911. № 3. С. 21.

²⁶ Бутурлин С.А. Что и как наблюдать в жизни птиц? С. 213.

принципиально не менялись на протяжении многих десятилетий. Они были просты и точны: не метить больных, подстрелянных и содержащихся в неволе птиц, а также тех, в определении вида которых нет уверенности; при кольцевании точно записать время, место, вид и возраст птицы, номер кольца, сколько птиц из гнезда, выводка или колонии было отмечено, и как можно скорее сообщить эти сведения, а также свой адрес лицу или учреждению, которое ведет учет этой работы; вести учет сломанных колец, не пускать их в ход второй раз; как и при кольцевании, фиксировать точные сведения о птице при каждом случае поимки птиц с кольцами.

«Успех кольцевания птиц, как серьезного научного средства, лежит в безусловной точности и аккуратности записей и сообщений – еще в наивозможно большей централизации заведования этим делом. Чем шире по свету расходится... слух о том, что где-то в Германии есть такое место “Росситтен”, где метят птиц, тем более будет шансов, что даже кольца мелких видов, с сокращениями и даже вовсе отсутствующим адресом, будут доставляться по принадлежности»²⁷. Он болезненно воспринимал, что в России в советское время увеличивается количество учреждений, которые выпускают свои собственные кольца, – к Биостанции юных натуралистов, работающей по согласованию с Русским орнитологическим комитетом при Обществе акклиматизации, прибавились Лесной институт в Ленинграде и Общество мироведения. С.А. Бутурлин считал более целесообразным тратить имеющиеся деньги на развитие единого центра кольцевания. И эта его идея была правильной, хотя преждевременной. Лишь в 1962 г. возникла первая международная организация по кольцеванию “Интерринг”, которая унифицировала методы сбора, хранения и обработки информации, ибо различия в правилах кольцевания различных национальных центров мешали ее обобщению. Был создан единый банк данных. В 1971 г. унификация методов кольцевания обсуждалась на конференции в Тринге. В 1973 г. начала осуществляться международная программа по общей обработке результатов кольцевания в рамках стран СЭВ.

Таким образом, С.А. Бутурлин был вдохновителем, одним из зачинателей движения кольцевания в России, его пропагандистом и теоретиком с первого десятилетия XX в. до последних дней своей жизни. Но его имя несправедливо не называют в соответствующем разделе истории изучения миграций учебника общей орнитологии.

Изучение токования

В конце XIX в. в охотничьей периодической печати появился ряд публикаций об осеннем и зимнем токовании тетеревов. В орнитологической литературе этому явлению не уделялось должного внимания. С.А. Бутурлин занимался изучением обычного весеннего токования, наблюдал не раз осеннее и считал важным понимание его причин:

²⁷ Там же. С. 218.

“... явления эти представляют большой биологический и философский интерес, а изучение их во всех мельчайших подробностях может в известной мере способствовать правильному пониманию одного из основных вопросов биологии и философии естествознания – вопроса о половом подборе”²⁸. И ввел эти факты в научный оборот, опубликовав в фаунистической сводке по птицам Симбирской губернии. В ней С.А. Бутурлин и Б.М. Житков тщательно обосновывали свою точку зрения на значение токования, фактически противоположную дарвиновской. Они считали, что степень активности самца при токовании, его внешняя красота и сила не определяют его преимуществ при спаривании. Они не видели в токовании одной из форм проявления полового подбора, которая позволяла бы сильнейшему или красивейшему самцу оставить больше потомства, а полагали, что это одна из естественных форм проявления жизненной энергии полигамных птиц, связанная с просыпающимся половым чувством, заметно усиливающимся весной, в период наибольшего полового возбуждения, но обычно им присущая во всякое время года, кроме полосы болезни и нужды. И подчеркивали, что их цель состоит в изложении своих наблюдений над тетеревиными токами, а также фактов, которые, по их мнению, противоречат теории полового подбора, как она была сформулирована Ч. Дарвином. «Если не подгонять фактов к предвзятой мысли, все явление можно схематизировать так: чем здоровее и сильнее косач, тем азартнее он токует (...). Но чем больше косач увлекается самим процессом токования, тем меньше обращает он внимания на самок (...). Во время токования самки обыкновенно держатся у краин токовища в кустах или зарослях. Ближе к окраинам токовища имеют свои места и молодые или более слабые косачи, вытесняемые из центральных частей более сильными. Они токуют менее горячо, с большими промежутками... и нужно думать, что нередко именно на их долю выпадает внимание возбужденных самок, на “квоkanie” и даже появление коих азартные токовики нередко не обращают ни малейшего внимания. (...) так что о драках или соревновании во время тока *из-за самок*, по нашему мнению, не может быть и речи. (...) бросается в глаза строгая, раз навсегда определенная размеренность и последовательность всех движений и звуков токования (...). Токовики обычно усердно выполняют до определенного часа все свои обычные прыжки, жесты и “пение”. Точно так же и одинокие косачи в неволе очень строго продельывают все эти движения и крики, из которых состоит токование»²⁹.

Подтверждение своей теории, что “щеголяние” самцов перед самками не всегда имеет целью привлечь самку роскошью своего наряда, голосом и т.д., а есть лишь проявление повышенной энергии самцов и прямое следствие полового возбуждения, они видели в наличии поздних весенних токов у глухарей и тетеревов, а также осенних и зимних токов, за которыми не следует спаривание. Поздние весенние тетеревиные то-

²⁸ Житков Б.М., Бутурлин С.А. Материалы для орнитофауны Симбирской губернии. С. 174.

²⁹ Там же. С. 163–165.

ка С.А. Бутурлину и Б.М. Житкову приходилось наблюдать в мае–июне в Симбирской губернии на открытых участках полей (паров) между лесными оврагами. 6–8 птиц токовали на закате до темноты. Типичное бормотание и чужфыканье, пляски и ожесточенные драки. Но дралась только одна пара; остальные либо ходили вокруг раскрылившись, либо наблюдали происходящее. Иногда исследователям не приходилось видеть вблизи этих токов курочек. Причиной такого токования они считали проявление при благоприятных метеорологических условиях приступов полового чувства у петухов.

Случаи осеннего токования в Поволжье наблюдались редко, но в Петербургской и других северных губерниях это явление доводилось видеть весьма часто, начиная с августа и до декабря. С.А. Бутурлин и Б.М. Житков объясняли это влиянием большей континентальности климата Симбирской губернии, обилием холодных осенних ночей. Они связывали такое распределение времени токования с другим сезонным явлением в жизни косачей – линькой: “Во время брачного периода косачи худеют и истощаются ... в начале июня у тетеревов начинается болезненный и тяжелый физиологический процесс – линька ... в это время косачам не до токования, – они ведут скрытный и осторожный образ жизни и держатся поодиночке, в крепких местах. Но в течение августа ... линька косачей подходит к концу, они поправляются – и тогда же начинают токовать, сначала понемногу, а после ... того, как поправляются после линьки, более. Однако в декабре, а тем более в январе и феврале, под влиянием сильных холодов и зимней бескормицы, самочувствие птиц очевидно опять понижается, и они перестают токовать до первых ... признаков весны”³⁰.

Обосновывая свою точку зрения и высказывая несогласие с теорией Ч. Дарвина о половом подборе, Бутурлин и Житков склонялись к мнению Уоллеса, считавшего половой подбор одним из проявлений естественного подбора, а также разделяли взгляд Куннингема о развитии вторичных половых признаков самцов за счет наследственного влияния упражнений. Тем самым фактически они встали на позицию Ж.-Б. Ламарка о наследовании приобретенных признаков и выказали себя непоследовательными дарвинистами. “Несомненно, что у громадного большинства видов птиц самцы... сильнее, крепче, энергичнее самок, и этот перевес силы и здоровья проявляется и в большей яркости их оперения, и в большей склонности к разным играм, движению, пению. Более сильные и энергичные самцы имеют перевес над слабыми не только в борьбе с жизненными условиями, но и в своевременном спаривании с самками, почему и передают следующим поколениям свою силу и энергию, и при том по общим правилам наследственности часто в усиленном, накопленном размере. В то же время самцы изменчивее самок и подвергаются обыкновенно ... меньшим опасностям, почему, быть может, являются более способными развивать большее разнообразие и яркость оперения. Тот избыток энергии и пластическо-

³⁰ Там же. С. 170.

го материала, который в брачный период проявляется у самок откладыванием яиц, у самцов в то же время проявляется – сверх функций половых желез – драками, пением, усилением яркости окраски и появлением различных украшений, причем в более сильных и здоровых самцах все эти проявления силы и энергии резче выражаются, они же более имеют шансов передать эти качества потомству. Самцы видов, ничем не украшенных, также во время спаривания ухаживают за самками, летают вокруг них, прыгают, поднимают перья ... эти привычки и жесты – просто результат сильного возбуждения и не всегда ... имеют целью щеголяние своим нарядом. Обычная борьба между самцами, существующая у весьма многих видов в период размножения, *путем упражнения с течением времени могла развить силу, величину и энергию самцов сравнительно с самками, а привычка во время нервного возбуждения поднимать или распускать известные части оперения могла, путем повторного раздражения кожи, повести к усиленному и своеобразному разрастанию перьев на этих участках, изменению голых участков кожи...*³¹.

По поводу же причин яркости окраски самцов-полигамов они предлагают два возможных объяснения, помимо тех, что предложил Ч. Дарвин: “... во-первых ... самцы-полигамы ... предаются дракам, ухаживанию и брачным играм с особенною энергией и с особенной продолжительностью, почему и результаты таких упражнений сказались на них сильнее. Во-вторых, как полигамные привычки самцов известных птиц, так и их особенно блестящая, украшенная внешность могут быть параллельными следствиями одной общей причины: большей мощи, энергии и страстности самцов именно этих видов”³².

Б.М. Житков возвращался к рассмотрению этого вопроса в 1910 г. С.А. Бутурлин подтвердил свои взгляды в 1934 г. в книге “Что и как наблюдать в жизни птиц?”. Тогда же он усомнился, что значение пения птиц сводится только к охране гнездовой территории.

Орнитологические исследования второй половины XX в. показали несостоятельность изложенной выше теории, однако внимание ее авторов к токованию, описание малоизученного явления – осенних токов, заставили орнитологов проанализировать поведение тетеревов и глухарей в естественных условиях. “Обе ... функции весеннего тока и пения (привлечение самок и регуляция конкурентных отношений самцов) с поразительной четкостью были доказаны в 1970 г. телеметрическими исследованиями Р. Робеля: ... 89% копуляций лугового тетерева было совершено всего двумя наиболее активными и агрессивными самцами, а 90% самцов почти не имеют шансов оставить потомство”³³.

³¹ Там же. С. 176–177.

³² Там же. С. 177–178.

³³ Сижкин Г.Н. О биологическом значении пения птиц // Вестник Московского университета. 1972. № 1.

Работы по зоологии млекопитающих. Основы охотоведения

В 1934 г. С.А. Бутурлин выпустил монографию “Лоси”, где давались исчерпывающие по тому времени сведения о систематике, зоогеографии, биологии, экологии, этологии лося, а также по его охране. Это был обобщенный труд, основанный на личных наблюдениях и исследованиях, а также на литературных данных. Интерес автора к лосям был неслучаен. В течение многих лет С.А. Бутурлин выступал в печати по поводу биологически неправильного принципа охраны лосей, заложенного в охотничье законодательство Российской империи. Эта ошибка привела к уменьшению численности лосей в Европейской России, а в Западной Европе лось был истреблен совсем. Эффект охраны оказался обратным. Но особенно губительными для поголовья лосей были первые годы революции, когда стихийное возвращение с фронта крестьян наводило деревни винтовками, и лосей стали бить вообще без правил и закона, что привело к почти полному исчезновению этих животных в европейской части СССР. Положение начало исправляться в 1919 г., когда вышел один из первых декретов советской власти об охоте, полностью запретивший отстрел лосей. Ко времени выхода монографии их численность была частично восстановлена. С.А. Бутурлин видел дополнительные возможности увеличения поголовья животных в грамотном ведении охоты и разумной охране. Лось как крупный представитель лесной фауны, давний объект промысловой и спортивной охоты интересовал исследователей по ряду причин. Не только потому, что биология, зоогеография и этология лося были недостаточно исследованы, но из-за популярных в это время среди советских зоологов идей одомашнивания лося, использования его как экономичного ездового животного, а также из-за вполне понятных экономических соображений – увеличение численности лосей и регулярный промысел могли существовать и без особых затрат пополнить продовольственный дефицит в стране. В этом смысле монография С.А. Бутурлина написана вполне традиционно для того времени – строгие научные данные сочетаются с практическими охотоведческими сведениями, с описанием опытов по одомашниванию (Бутурлин сам в 1890 г. имел ручного лосенка, некоторый опыт по одомашниванию был и у его друга Житкова), способов охоты статистическими данными по отстрелу, с рекомендациями по охране и увеличению промысла. Но эта работа содержит немало новых сведений, уточнений, в частности по изменению ареала в последние столетия, дополнений по чисто зоологическим аспектам, поэтому с полным основанием ее можно считать существенным вкладом в изучение этого вида млекопитающих. Но главное – она показывает, как биологически неправильно поставленная охрана животных может повредить и даже поставить под угрозу уничтожения целый вид.

Говоря об охоте на лося, С.А. Бутурлин описывал наиболее распространенные способы охоты, а также биологически обосновывал неразумность применения методов, подрывающих численность лосей, особенно во время позднезимней и весенней охоты, которая причиняет жи-

вотным беспокойство во время спаривания, что вообще недопустимо, и вдвойне – если это моногам.

В конце монографии С.А. Бутурлин писал об изменении природных условий в Советском Союзе из-за индустриализации и оживления хозяйства, и не при всяких условиях считал их неблагоприятными для лося. Например, вырубки, богатые кипреем и молодой порослью, создавали хорошую кормовую базу для лосей. При необходимой охране поголовья лосей будет расти. Он перечислял необходимые меры охраны этих животных – запрет охоты в зонах малой численности лосей; целесообразное регулирование права охоты на лосей в зонах умеренной численности – не более 10% основного поголовья; запрет на использование самоловных способов добычи и охоты во все сезоны, кроме зимы; запрет отстрела телят, но разрешение охоты на взрослых лосей обоих полов в равной мере. Желательным считал индивидуальный подход при отстреле взрослых животных – стареющих быков, становящихся яловыми лосих, быков с уродливыми рогами. Такой подход мог дать не только рост стада, но и его улучшение. Но для этого угодня должны были находиться под наблюдением.

Те же рекомендации и сегодня лежат в основе охраны лосей и увеличения их поголовья. Современные нормы промысла предполагают охоту как на самцов, так и на самок в соотношении 3:4 или 2:3, а также на лосят-сеголеток.

Работы, ставшие основой теории об экологическом резерве популяции

С.А. Бутурлин доказывал, что колебания ареалов, а также численности видов животных в зависимости от периодов благоприятных и неблагоприятных условий обитания (общепризнанные сегодня в зоогеографии) – закономерное зоологическое явление как в историческом процессе расселения животных, так и в современном: "... равновесие между членом биоценоза отнюдь не мертвое, механическое. Оно ... меняется не только от ... геологических изменений, не только от вековых колебаний климата или от исторического хода человеческого хозяйства (распашка степей, вырубка тайги). Это равновесие текуче и подвержено частым и большим колебаниям, но в определенные небольшие отрезки времени оно является равновесием. Величина приплода вида находится в ... соотношении с его естественной смертностью. Соотношение это ... выработалось при длительной эволюции вида путем естественного отбора"³⁴.

Приспособление к внешним условиям, по его мнению, идет по нескольким путям. Морфологическому – организм изменяет свое строение (постепенное изменение путем отбора). Физиологическому – одни виды становятся долговечнее, у других сокращается продолжительность жизни, но увеличивается количество приплода и число поколе-

³⁴ Бутурлин С.А. Что и как наблюдать в жизни птиц? С. 59.

ний. Как правило, выживание 10 процентов приплода покрывает потерю численности от смерти взрослых особей популяции и непаривания молодых. Лимитируют выживание кормовые условия. В нормальные годы в биоценозе есть равновесие. Но оно неустойчиво – сказываются внешние условия (погодные, неурожай естественных кормов) на численности всех или некоторых видов. Нарушения, благоприятные для одного вида, может отрицательно сказаться на другом, – равновесие нарушается. Иногда численность вида сильно снижается, тогда играет роль та часть вида, которая при обычных условиях в размножении не участвует, – негнездившиеся птицы, молодежь. За счет них идет восстановление численности. Периодические колебания численности стада и нормальные пределы смертности молодых особей – необходимая составляющая кругооборота живого органического вещества в природе. Именно на этой закономерности С.А. Бутурлин базировал свои взгляды на организацию промысла. Вымирающая из-за естественных ограничений часть приплода является тем резервом, который позволяет человеку вести значительный ежегодный отстрел и отлов промысловых животных, не нанося вреда их основным запасам, основному стаду. Если бы не было такого избытка молодняка, то промысел вел бы к уменьшению поголовья. Отстрел выгоден и полезен в благоприятные годы, чтобы потом не было голодовок и эпизоотий. Но чтобы не допустить перепромысла, подрывающего естественные возможности вида для поддержания численности, необходима организация количественного учета животных в охотничьих угодьях.

Впоследствии эти взгляды С.А. Бутурлина были развиты и послужили основой для формирования представления об экологическом резерве популяций охотничье-промысловых животных. По мнению С.С. Шварца, популяция устойчива, если ее половая, возрастная, генетическая структура оптимальна. Если численность производителей превышает оптимальный уровень, то продуктивность популяции и скорость ее обновления снижается. Падение численности производителей приводит к снижению продукции, но повышает производительность популяции. Правильное использование этих двух процессов в динамике и есть цель охотничьего хозяйства. При этом оптимальная продуктивность популяции связана с совокупностью как биотических, так и абиотических факторов, с состоянием биогеоценозов. Современная охота использует лишь часть экологического резерва популяции, и объем добычи может быть увеличен за счет интенсификации промысла без урона для популяций. Немалая часть животных гибнет без пользы. Он полагает, что этот экологический резерв не только можно, но и должно изъять для пользы самих популяций. Особенно это важно в условиях сильного антропогенного влияния на ландшафт, при обедненности и упрощенности биоценозов. И.Б. Абрахина приводит примеры бесполезной гибели в годы пиков численности зайца-беляка, недопромысла байбака в Ульяновской области, а также отрицательного влияния недопромысла кабана и лося на состояние лесных угодий и численность хищников. В.В. Дежкин анализирует пути поддержания оптимальной продук-

тивности популяций охотничье-промысловых животных методами “совершенствования” биогеоценозов в интересах охотничьего хозяйства. Он, как и С.А. Бутурлин, видит в охотхозяйстве не только форму природопользования, но метод природоохраны.

Антропогенные влияния на биоценозы

Хозяйственная деятельность человека, по мнению С.А. Бутурлина, оказывает более сильное воздействие на биоценозы, чем промысел. Осушаются болота, разрушаются запруды, ручьи и реки вводятся в постоянные русла – исчезают утки, болотные курочки и прочие водные птицы. Распахиваются целинные земли – исчезают стрепеты, дрофы, сурки. Вырубаются леса – пропадают глухари, тетерева, зайцы-беляки. С другой стороны, в изменившиеся уголья переселяются другие виды птиц. К примеру, старая тайга бедна по видовому составу орнитофауны. Ее рубка, образование вырубок приводит к появлению трав, кустарников, ягод, к оживлению животной жизни, привлекает лосей, зайцев, тетеревов, мелких птиц. И из этих фактов С.А. Бутурлин выводит закономерность: “... чем гуще населен какой-нибудь район, чем интенсивнее ведется в нем хозяйство, тем неизбежно меньший процент в общем хозяйственном обороте района занимает доход от охотничьего промысла, но в то же время, тем абсолютно больше дает этот район (с 1 квадратного метра и с 1 гектара) пушнины и дичи. Это же означает, что с интенсификацией хозяйства район становится производительнее даже в отношении дикой фауны, вскармливает ежегодно большую массу животного вещества, чем район с более первобытным хозяйством”³⁵. И в подтверждение приводит статистику. В Московской области из года в год (до 1934 г.) добывают с 1 га в 6 раз больше пушнины, чем в Якутии. А еще гуще населенная и интенсивнее обрабатываемая Германия дает с 1 га во много раз больше дичи, чем Московская область. Сергей Александрович считает, что при упорядочении, интенсификации хозяйства и введении в него социалистической плановости это воздействие человека на дикую фауну не только становится сильнее, но и переходит в сознательную целесообразную переделку – “реконструкцию”. Сокращая вредные и малополезные виды, взамен их можно акклиматизировать более производительные, более ценные для нас виды – даже из самых отдаленных стран. “Конечно, делать это надо ... осторожно, во всеоружии знания. Легкомысленные опыты такого рода нередко кончались очень печально. Но разумная акклиматизация увеличивает на данной площади число полезных видов, тем самым позволяет значительно полнее использовать кормность этой территории ... поднять ее производительность”³⁶.

Подобное суждение – хорошая иллюстрация к пониманию истоков исторического мировоззрения ряда естествоиспытателей середины 30-х годов XX в., в том числе и советских. Успехи естествознания и осознание науки как производительной силы вызвали временное преувеличе-

³⁵ Там же. С. 57.

³⁶ Бутурлин С.А. Лоси. М.; Л., 1934. С. 58.

ние ее положительных реконструктивных возможностей. Шли еще лишь количественные перемены в биоценозах вполне регулируемые на основе научно обоснованных мер охраны. На большинстве территорий человек лишь начал перешагивать за грань восстановительных возможностей биосферы. И в этих условиях рассуждения С.А. Бутурлина были вполне адекватны. Хотя с сегодняшних позиций некоторые из них кажутся даже не наивными, а слишком прагматичными, тем более что, давая эти рекомендации, он понимал, с какой осторожностью им надо следовать. Химизация промышленности и сельского хозяйства, а также интенсивное освоение большинства северных территорий определили переход человечества в качественно новое состояние отношений с внешней средой и во многом ограничили реализуемость прежних научных рекомендаций по охране животного мира, в том числе по ведению охотничьего хозяйства. Но именно разработанные С.А. Бутурлиным принципы лежат в основе действующего охотничьего законодательства России, на их базе ведется работа по охране и поддержанию численности охотничьих и промысловых животных, организуется деятельность охотничьих хозяйств и охотоведческих служб.

Роль С.А. Бутурлина в формировании научной школы изучения орнитофауны на подвидовом уровне

Историко-научный анализ орнитологических работ С.А. Бутурлина дает основание утверждать, что он стоял у истоков научной школы и научного направления по изучению орнитофауны на подвидовом уровне. Эта научная школа сформировалась как коллектив исследователей, не связанных формальными отношениями, но выполняющих совместную работу и занимающих определенное место в общей организации науки вокруг выдающегося ученого – С.А. Бутурлина, ведущего исследования в рамках определенной признанной теоретической концепции – изучения географической изменчивости и подвидовой структуры видов птиц на основе морфолого-географического стандарта, подкрепленного критерием скрещивания. Как лидер этой школы С.А. Бутурлин сочетал в себе черты талантливого исследователя и педагога, обладал всеми качествами идеолога и руководителя научного направления: широким диапазоном знаний, разносторонними научными взглядами, умел объективно оценивать собственные идеи и поощрять самостоятельную работу учеников. Он представлял тот тип ученого, который бескорыстно служит исканию истины и приобщает к этому молодых. Мотивы его научных исследований были благородны: интерес к познанию и желание принести пользу решением определенной, практически важной задачи. Его творческая биография подтверждала мнение, что ученый формируется в процессе собственной исследовательской работы, столкнувшись с явлениями, требующими научного анализа. Уже до революции 1917 г. влияние работ С.А. Бутурлина на орнитологов России было значительным. Это был своеобразный “незримый колледж”

последователей и единомышленников. Его “заочно” проходили многие орнитологи – Г.И. Поляков, А.М. Кобылин, П.М. Залесский, В.Г. Иоганзен, К.А. Паршин и другие. Обширная деловая и научная переписка связывала С.А. Бутурлина с исследователями (Г.В. Лоудон, С.Н. Алфераки, А.Я. Тугаринов, Н.А. Зарудный, Н. Dresser, E. Hartert и др.), научными учреждениями и обществами в различных уголках страны – на Дальнем Востоке, Кавказе, Прибалтике, в Южной России, Сибири. Особенно значительно было влияние С.А. Бутурлина в Томском университете, который он посетил в 1909 г. во время экспедиции. В 1918 г. там было организовано орнитологическое общество его имени “как дань глубокого уважения талантливому русскому орнитологу, с именем которого неразрывно связан период интенсивной разработки в России орнитологических вопросов”³⁷.

Оформление же научной школы С.А. Бутурлина состоялось в 20-е годы XX в., когда ученый передал на хранение в Зоологический музей МГУ уцелевшую часть своей орнитологической коллекции (6,5 тыс. экз.) и стал постоянно с ней работать в стенах этого научного учреждения. Обстоятельства вынудили его повторно решать уже ранее решенную им задачу – восстанавливать определитель птиц страны, заново составлять определительные таблицы, делать ревизию орнитофауны СССР на подвидовом уровне. Ему помогал Г.П. Дементьев, талантливый молодой орнитолог, как и сам С.А. Бутурлин, юрист по образованию и по профессиональной деятельности до 1931 г. Совместная работа с крупным ученым над решением конкретной научной задачи была для Г.П. Дементьева редкой удачей, ибо это лучший, проверенный веками способ обучения научному творчеству, возможность воспринять непередаваемые словами методические и практические особенности работы наставника (а С.А. Бутурлин обладал редким – почти безошибочным – “глазом” систематика), его увлеченность научным поиском, умение ставить цели и находить пути их достижения. Так начала создаваться научная школа С.А. Бутурлина по изучению подвидового разнообразия политипических видов. Постепенно в сферу ее притяжения попали многие молодые орнитологи и зоологи – В.Г. Гептнер, К.А. Воробьев, Е.П. Спангенберг, А.М. Судиловская, С.И. Огнев, Н.А. Гладков, Е.С. Птушенко и другие. Авторитет С.А. Бутурлина как лидера этой научной школы был велик, привлекательна и сама личность – широтой научных взглядов, неординарным мышлением, глубокими знаниями, особым творческим и педагогическим даром. Он умел передать своим ученикам не только научные идеи, но и свой подход к решению проблем, свое видение естествоиспытателя и натуралиста, свое удивительное чутье систематика. Он поощрял стремление своих учеников самостоятельно мыслить, реализовывать собственные идеи. В итоге к 1938 г. Г.П. Дементьев сформировался как достойный преемник С.А. Бутурлина и лидер нового научного направления в орнитологии, ставшего важнейшим в этой отрасли зоологии в 40–50-е годы, – изучения подвидового разнообразия орнитофауны СССР. Как талантливый ученик Г.П. Де-

³⁷ Вестник Томского орнитологического общества. 1921. Вып. 1. С. 2.

ментьев не следовал безоговорочно взглядам своего учителя. Он их творчески развивал. В частности, он не был согласен с С.А. Бутурлиным в трактовке критерия вида и подвида. Основываясь на широком толковании вида Е. Hartert'ом и В. Stresemann'ом, он сделал важный шаг к популяционному описанию видов, тем самым основав собственную научную школу и осуществив преемственность идей исходной школы С.А. Бутурлина и вновь созданной собственной школы.

Если исходить из того, что важнейшими факторами, определяющими значение научной школы для развития науки, принято считать успешность разработки актуальных научных проблем, формирование внутри школ лидеров, способных создавать новые научные школы, преемственность идей между новыми и исходной научными школами, то научная школа С.А. Бутурлина сыграла важную роль в реализации подвидового принципа описания орнитофауны Советского Союза.

Истоки советской школы охотоведения

Возникновение новой научной дисциплины, в том числе и прикладной, неразрывно связано с появлением новых научных школ. Не является исключением и охотоведение. Оно начало оформляться как самостоятельная дисциплина в 90-х годах XIX в., когда профессор А.А. Силантьев ввел его в программу Петербургского лесного института, а позднее профессор Б.М. Житков основал курсы охотоведения при Московской сельскохозяйственной академии. Это стало следствием осознания необходимости принятия экстренных мер по поддержанию и восстановлению численности ряда ценных охотничье-промысловых животных и охраны природы и повышения ее производительности.

Формирование российской, а затем советской школы охотоведения шло нетрадиционно – путем стихийной консолидации ученых – энтузиастов охотоведения – Л.П. Сабанеева, А.А. Силантьева, С.А. Бутурлина, Б.М. Житкова, К.Д. Соловьева и других. Их объединяла общность взглядов, принципов и методов работы, они обменивались информацией и результатами своих исследований в личном общении, но в основном через публикации. Поэтому в дореволюционный период надо признать важную роль редакций охотничьих периодических изданий – “Охотничьей газеты”, журналов “Природа и охота”, “Псовая и ружейная охота”, “Наша охота” – как центров притяжения исследователей-охотоведов. На их страницах публиковались серьезные научные мнения энтузиастов этой новой прикладной отрасли знаний, велось живейшее обсуждение важных вопросов организации и ведения охоты и охотничьего промысла, шел обмен мнениями по проблемам охраны дичи, рационализации использования живых природных ресурсов. Благодаря участию в этих дискуссиях авторитетных исследователей, в том числе С.А. Бутурлина, среди сторонников научно обоснованного упорядочения охоты формировались общие взгляды, накапливался фактический материал о состоянии охотничье-промысловой фауны России, ее использовании в разных регионах страны, о стихийно применяемых фор-

мах ее охраны. Развернувшееся в 1903–1909 гг., благодаря инициативе С.А. Бутурлина, критическое обсуждение основных положений охотничьего законопроекта привело к разработке научно-практической концепции организации, а также эколого-экономического подхода и юридических основ регулирования охотничьего промысла в России. Охотоведы-энтузиасты проводили исследования, писали и издавали книги по охоте и охотоведению, в том числе и по заказу редакций охотничьих журналов. Участвовали в преподавательской работе курсов охотоведения. Они делали общее дело и сформулировали единую платформу научных взглядов и добились признания охотоведения самостоятельной отраслью зоологии, но уже после Октября 1917 г.

Именно в советское время охотоведение получило наибольшее развитие в силу многих – прежде всего экономических – причин. Тогда разработка его теоретических и практических основ была поставлена на плановую государственную основу. Фактически вырабатывалась единая общегосударственная научно обоснованная концепция организации и ведения охотничьего хозяйства. И занимались этим те же известные ученые – С.А. Бутурлин, Б.М. Житков, К.Д. Соловьев. И уже вокруг них росла научная молодежь – В. Каверзнев, А. Умнов, П. Наумов, Г. Рахманин, М. Пальгунов, С. Перелешин и другие. Поэтому главной особенностью советской школы охотоведения была практически полная преемственность основных научных идей дореволюционного этапа развития этой дисциплины.

Сначала центрами объединения ученых-охотоведов в советское время стали Московские курсы охотоведения им. С.Т. Аксакова и Всесоюзный производственный союз охотников, затем, в 1921 г., – отдел (позже – Управление) по делам охоты Наркомзема (С.А. Бутурлин был ведущим его сотрудником) и созданные в 30-е годы биологические станции и заповедники. Характерной чертой советской школы охотоведения была более высокая, чем раньше, роль ее научных лидеров. Централизованное руководство практической и научной стороной дела приводило к тому, что идеи и программы, созданные в процессе индивидуального творчества, становились основой научных исследований и практической реализации целой группы специалистов.

С.А. Бутурлин как сотрудник государственного органа руководства охотой в Наркомземе стал не только одним из неформальных, но и формальным лидером научной политики в области развития охотведческих исследований и практической организации охотничьего хозяйства. Его научные и практические идеи, а также рекомендации его коллег – Б.М. Житкова и К.Д. Соловьева – стали теоретической и практической основой советского охотоведения, легли в основу государственной политики в этой области.

С.А. Бутурлин рассматривал охотоведение как ветвь охраны природы и рационального природопользования³⁸. Он считал, что охрана

³⁸ Объяснительная записка С.А. Бутурлина к Положению об отделе охоты и охраны природы. 1923 г. // УКМ БФ. П2-22. № 16711; Положение об отделе охоты и охраны природы при Центральном управлении Наркомзема РСФСР, 1923 г. // УКМ БФ. П2-32. № 16714.

природы должна покоиться на трех “китах”: хозяйственной заинтересованности, на знании сложных отношений в природе, на любви к ней.

Условно его деятельность в этой области прикладной зоологии можно разделить на два взаимосвязанных направления. Первое – это разработка научных основ организации и регулирования охотничьего хозяйства и охотничьего промысла, сохранение, воспроизводство и охрана промысловой фауны. Второе – практическое воплощение первого – создание научно обоснованного охотничьего законодательства и личное участие в становлении и управлении охотничьей отраслью хозяйства страны в составе правительственных учреждений. Его деятельность была направлена на упорядочение охотничьего дела, а в дальней перспективе – на перевод его на путь интенсивного развития по типу Канады и США – создание “правильных” охотхозяйств, питомников, зооферм, заповедников.

Во многих работах С.А. Бутурлина по охотоведению социальный, биологический, экологический и экономический аспекты организации и рационализации охотничьего промысла трудноразделимы. Причем поиск компромисса между необходимыми мерами охраны охотничьей фауны и реальными возможностями их проведения в жизнь, поиск наиболее выгодного для природоохранного дела и выполнимого в данный момент способа решения проблемы – характерная черта деятельности Бутурлина-охотоведа. Это объясняется не только присущим ему здравым смыслом, пониманием разницы между теоретическими постулатами и их реальным воплощением, но знанием практики охотничьего дела и непосредственным участием в ней в качестве должностного лица Наркомзема, сотрудника Комитета Севера при ВЦИК и Всеохотсоюза.

Сегодня можно считать аксиомой, что охотоведение базируется на экологических и экономических основах, что оно – часть общего природопользования, что все сферы практической эксплуатации природных ресурсов взаимосвязаны и должны регулироваться едиными нормативными требованиями, что в условиях усиленного антропогенного воздействия недостаточны старые критерии экономической эффективности использования ресурсов природы – прибыль и рентабельность, что необходимы затраты на их восстановление, что мало уже моральных рычагов в стимулировании рационального природопользования – необходимы мощные экономические механизмы разумного использования элементов биосферы. В начале же века такой подход лишь формировался, и С.А. Бутурлин был среди его разработчиков.

Благодаря широте своих научных исследований, он с первых лет научной деятельности придерживался эколого-экономического подхода к охране охотничье-промысловой фауны и регулированию охотничьего промысла, был сторонником комплексных мер законодательного его ограничения. Именно это позволило С.А. Бутурлину при разработке концепции совершенствования охотничьего законодательства в числе первых учесть как биологические и экологические, так и экономические аспекты ведения охоты. Вопреки распространенному взгляду на охоту как на “барскую забаву”, как на спорт (охота – страсть, направ-

ленная на добывание и разведение некоторых видов животных), он сделал упор на охотничий промысел, на его значение для экономики страны и особенности его упорядочения. С этих позиций он уточнил формулировку понятия “охота”, данную законопроектом 1900 г., считая охотой всякое добывание живых или мертвых диких позвоночных животных, кроме рыб и морских зверей. Он рассматривал охоту как одну “из крупных отраслей добывающей промышленности, дававшей до войны пушнину, кож, пера и пуха, мяса и других продуктов не менее, как на 100 миллионов рублей золотом в год”³⁹, кормившей пол-России, а также уничтожавшей “крупных хищных зверей, которые при размножении причиняют сельскому хозяйству ... ежегодных убытков на десятки миллионов рублей золотом”. Термин “охотничье хозяйство” С.А. Бутурлин употреблял в широком значении – отрасль экономики. И включал в него не только научную сторону организации, но и производство “средств производства” – охотничьего оружия, боеприпасов, других средств лова; добывание, переработку, реализацию продуктов промысла, охрану охотничьих богатств и регламентирование охоты.

Главные проблемы, требующие безотлагательного решения в начале XX в., Бутурлин видел в том, что добывание дичи велось без учета реальных возможностей природы, в ущерб основному поголовью промысловых видов. Количество пушнины росло за счет удлинения сроков промысла и увеличения количества добытого неполноценного меха. В 1910–1914 гг. эта цифра доходила до 40%. Рост цен на пушнину за границей приводил к еще большей эксплуатации охотугодий и их оскудению, а непомерные цены на товары, предлагавшиеся в обмен на пушнину на местах, – к еще большему упадку промысла. Законодательного регулирования промысловой охоты не было. Охотничьи общества, пропагандировавшие идеи правильной охоты, объединяли городских охотников-любителей и не могли повлиять на состояние дел.

Вслед за С.Т. Аксаковым, М.П. Вавиловым и Л.П. Сабанеевым С.А. Бутурлин подчеркивал не только экономическое, спортивное, военное значение охоты, но и научное, воспитательное, эстетическое. И ратовал не за ограничение числа охотников, а за распространение полезного занятия при разумном и равном ограничении сроков охоты, создания заказников и заповедников, охране природы в широком смысле слова. Он придерживался традиционного русского подхода в этом вопросе – право на охоту имеют представители всех сословий.

Он понимал назревшую необходимость комплексной охраны природы – а не отдельных видов – не только для охотничьего, но лесного, полевого хозяйства, а также сохранившихся естественных ландшафтов в интересах здоровья населения.

Возможность реализации многих идей С.А. Бутурлина в сфере охотоведения появилась после Октября 1917 г. Активная деятельность в области эффективного использования природных богатств в 20–30-е годы, в том числе научная, государственная, законодательная, одним из

³⁹ Современное положение охотничьего дела в РСФСР // Ежегодник Всероссийского союза охотников. М., 1922.

участников которой был С.А. Бутурлин, имела и экономическую подоплеку – это был “государственный заказ” для рывка в развитии экономики советской России. Тогда понятие “охрана природы” отождествлялось с рациональным природопользованием. Это была единая система мероприятий, направленных на защиту, развитие и качественное обогащение природных фондов страны. Ей придавалось тем большее значение, чем интенсивнее разворачивалась хозяйственная деятельность. А задача научных рекомендаций прикладных наук в те годы, в частности и охотоведения, сводилась к ответу на вопрос: как повысить продуктивность охотничьих угодий? В конечном итоге это было названо “ленинским подходом” к использованию природы. Работы С.А. Бутурлина по охотоведению легли в фундамент государственной политики 20–30-х годов в области рационального природопользования и охраны природы.

Рекомендации по улучшению охотничьего хозяйства

Как работник Центрального управления по делам охоты при Наркомземе РСФСР, высшего государственного органа, руководившего постановкой охотничьего дела в советской России, С.А. Бутурлин определял главные направления практической работы по ведению охотничьего хозяйства, занимался разработкой законодательства в этой области и определением принципов постановки охотничьего дела в стране.

Он предложил ряд долгосрочных комплексных, научно обоснованных организационных и юридических мер по его планомерному улучшению:

- разработка и принятие законов об охоте, юридическое закрепление положения, что дичь является собственностью государства;
- полный запрет добычи зверей и птиц во время спаривания и выведения потомства за счет недопущения торгового оборота пушнины весеннего и летнего убоя, продажи дичи в закрытое для охоты время;
- научно обоснованное определение сроков охоты;
- запрет истребительных методов охоты;
- научно обоснованное планирование охотничьего хозяйства, организация учета запасов диких животных в угодьях и планомерное управление их использованием на основе научного изучения биологии промысловых видов и условий их обитания в конкретных охотничьих угодьях; проведение “биологической съемки”;
- организация правильных приписных охотничьих хозяйств;
- временное сокращение ежегодной добычи; определение норм отстрела животных, не превышающее их годового приплода, для поддержания численности основного стада;
- развитие сети заповедников и заказников;
- введение лимитов и стандартов на пушнину;
- упорядочение торговли продуктами охотничьего промысла;
- налаживание переработки пушнины и продуктов промысла;
- улучшение охотничьего инвентаря, восстановление и расширение производства охотничьего оружия и боеприпасов;

– улучшение планирования, регулирования и надзора за охотничьей отраслью, создание центрального межведомственного координирующего органа;

– создание научно-исследовательского учреждения по охоте;

– подготовка специалистов для организации работы в охотничьем хозяйстве; создание особых кафедр, курсов или отделений охотоведения в лесных и сельскохозяйственных вузах;

– широкое просвещение населения;

– издание лучших трудов русской охотничьей литературы, а также нормативных документов, касающихся охотничьего дела;

– объединение охотников в кооперативно-промысловый союз;

– разработка и внедрение системы денежных отчислений для финансирования развития охотничьего хозяйства.

С.А. Бутурлин считал, что меры по охране и рациональному использованию охотничьих богатств страны должны приниматься на государственном уровне и быть обязательными для исполнения на территории всей страны.

Законотворческая деятельность С.А. Бутурлина

В 20–30-е годы разработанный в дореволюционное время С.А. Бутурлиным законопроект приобрел силу закона. Сергей Александрович был автором большинства государственных нормативных актов по охоте вплоть до 1935 г.

27 мая 1919 г. Совнарком РСФСР утвердил декрет о сроках охоты и праве на охотничье ружье. Декрет запрещал охоту на лося и косулю, сбор яиц диких птиц, торговлю дичью до 1 августа. Зная трудности того времени, нельзя не признать, что такое решение было принято в интересах будущего.

Воззрения С.А. Бутурлина на организацию охоты нашли отражение в резолюциях 2-го Съезда Всекохотсоюза в 1921 г. На их основе были составлены “Правила производства охоты, ее сроки и способы”, утвержденные Всероссийским центральным исполнительным комитетом 24 августа 1922 г. В них говорилось, что дикие звери, птицы являются достоянием республики, а правильное их использование составляет одну из важнейших отраслей государственного хозяйства. Давалось определение “охотничьей промышленности” – важной отрасли народного хозяйства, состоящей в разведении, охране и правильном – по государственному плану – использованию промысловой фауны. Охотой признавалось добывание диких зверей и птиц с соблюдением закона, в законные сроки и незапрещенными способами.

А 1 марта 1923 г. ВЦИК утвердил Декрет об охоте, также разработанный С.А. Бутурлиным. Декрет был направлен на улучшение организации отрасли и использования охотничьего оружия, а также на развитие охотоведческих исследований, налаживание учета и сбора статистических данных, расширение сети заповедников и заказников.

Его развитием стало утвержденное в 1930 г. ВЦИК и СНК Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР, автором которого тоже был Сергей Александрович. В нем впервые в отечественной практике законодательно сформулировано определение охотничьего хозяйства, охотничьего фонда, охотничьих угодий, дан статус заповедников и заказников, подробно регламентирована деятельность охотничьих хозяйств. Государство законодательно объявлялось единственным собственником диких зверей и птиц, а также охотугодий. Была разработана юридическая сторона финансирования отрасли и создания приписных охотхозяйств. “Положение” до сих пор является основополагающим документом для РСФСР в деле организации охоты. Оно лишь было осовременено и дополнено в 1960 г. – в основном пунктами об обязательности сдачи государству продуктов охоты и ответственности за нарушение правил охоты и порядка ведения охотничьего хозяйства. На его основе и сейчас ведется охотничье хозяйство в России. Оно положило начало организованному ведению охотничьего хозяйства.

Итак, можно сказать, что С.А. Бутурлин заложил законодательную основу ведения охотничьего дела и вместе с другими ведущими советскими охотоведами создал теоретическую базу его организации.

Концепция С.А. Бутурлина по организации охотничьей отрасли России

Наиболее полно взгляды С.А. Бутурлина по этому вопросу изложены в публикациях 1904–1911 гг., а в советское время – 1922–1934 гг.

В комментарии к Правилам охоты 1922 г. говорилось: Наркомат Земледелия – хозяин всех угодий страны, в том числе охотничьего и рыболовного хозяйств, естественно объединенных природными угодьями, и его главная задача – разумное и хозяйственное их использование. (Дичь – собственность государства). Он же несет расходы по изучению и интенсификации охотничьих и рыболовных промыслов, поэтому должен участвовать в реализации их продукции и получать от них доход. Промысел ведется как индивидуальными охотниками и рыболовами, так и их группами, возглавляемыми единым Всероссийским производственным союзом охотников (и рыболовов). Государству в лице Наркомзема выгоднее взаимодействовать для проведения в жизнь мероприятий по охране охотничьих ресурсов страны и по упорядочению добывания дичи не с отдельными охотниками, а с их крупным объединением, которым руководит центральный комитет и помогает дисциплинировать охотников, улучшать их быт, способы и орудия охоты, реализовывать добычу. В интересах государства необходимо всячески поддерживать рост и укрепление этого союза. Затраты на охотничье хозяйство – восстановление производства ружей, боеприпасов и других принадлежностей, создание питомников ценного пушного зверя (соболей, песцов, лис) – компенсируются интенсификацией промысла, увеличением его продуктов. Средства на восстановление и развитие охотничьего хозяйства поступают от Всероссийского производственного союза охотников

(и рыболовов) и его местных отделов, а также пополняются деньгами от налогообложения охотников. Причем С.А. Бутурлин считал, что должен быть единый государственный денежный налог размером в 1 рубль золотом с охотника (был введен Декретом об охоте 1923 г.), а не натуральный пушной налог и прочие дополнительные – на ружье, на вход в лес, на собак, местный и промысловый налоги. Половину получаемой от государственного налога суммы следует распределять, по усмотрению Наркомзема, между местными органами по управлению охотой на нужды территорий. Дополнительные средства для развития охотхозяйства могут дать местные налоги, которые платят все охотники, а также экспорт пушнины и дичи, который должен быть сосредоточен в одних руках – Наркомзема или Центрального кооператива Всероссийского производственного союза охотников, а не Наркомата внешней торговли. Средства от экспорта должны в значительной мере тратиться на развитие охотничьей отрасли. Целесообразно и привлечение иностранного капитала в виде краткосрочных ссуд на снабжение оружием и концесий на устройство звероферм и питомников.

С.А. Бутурлин трезво подходил к ситуации и понимал, что “не все, что в принципе совершенно правильно, хорошо и полезно проводить в жизнь без оглядки и в два счета”. Сознал, что для реализации многих предлагаемых им мер условия еще не созрели, что “никакое искусство, никакая энергия не сделают из четырехмесячного плода ничего, кроме выкидыша”. Но считал важным вести активную просветительскую работу и продвигать как в массы охотников, так и в умы чиновников правильные мысли по охране природы и рациональному природопользованию в области охотничьего хозяйства. Сознательный подход охотников к необходимости тех или иных ограничений в охоте, по мнению С.А. Бутурлина, должен быть залогом их выполнения.

Государственный орган руководства охотничьей отрасли

С.А. Бутурлин полагал экономически целесообразным единый подход к охоте как отрасли хозяйствования и способствовал созданию государственного центра, занимающегося вопросами эксплуатации, регулирования, контроля, организации и совершенствования охотничьего дела на всей территории страны. Именно в этом он видел залог успешного перехода к разумному природопользованию.

В 20-е годы он подал в правительство докладную записку и проект положения об отделе охоты и охраны природы Наркомзема. Комплексно взаимодействующие два подотдела – охоты и охраны природы – по мнению С.А. Бутурлина, должны были взяться за решение важнейших вопросов в области охоты – сбор статистики по состоянию и динамике охотничьего промысла, выяснение запасов промысловой фауны и за охрану копытных, производство и совершенствование охотничьего инвентаря, укрепление производственного аппарата, объединение охотников во Всероссийский союз. Основная функция этого отдела, с его точки зрения, состояла в координации и согласовании действий различ-

ных ведомств, чья деятельность затрагивает интересы охотничьей отрасли. Подотдел охраны природы должен был заниматься курированием вопросов по созданию заповедников и заказников.

Более подробно С.А. Бутурлин отразил это в своем проекте “Положения об охоте в СССР” в 1937 г. В нем детально разработаны юридические основы деятельности всех органов управления охотничьим хозяйством – от Наркомзема и Главного управления охоты до земельных управлений и охотинспекций краев и областей.

Фактически это был прообраз созданной в 40-е годы, и действующей до сих пор государственной структуры руководства отраслью. Общий контроль за ведением охотничьего хозяйства тогда был возложен на министерство сельского хозяйства. Главное управление охотничьего хозяйства, созданное в 1944 г. и реорганизованное в 1955 г. в Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР (Главохота РФ), осуществляло руководство подведомственными учреждениями, предприятиями и организациями, а также регулировало и контролировало соблюдение охотничьего законодательства всеми ведомствами, участвующими в ведении охотничьего хозяйства. На местах у Главохоты имелись свои областные и краевые управления охотничье-промысловыми хозяйствами, а также областные государственные охотничьи инспекции со своим штатом работников. В каждом районе был охотовед. Заготовку пушнины вела единая государственная организация в системе Центросоюза – Главкооппушнина. Спортивной охотой ведало Всероссийское общество охотников и рыболовов. Это, за исключением разделения спортивных и промысловых охотников на два обособленных союза, как раз та система, которую в 30-е годы рекомендовал создать С.А. Бутурлин.

Практическое использование рекомендаций С.А. Бутурлина

Принятие разработанных С.А. Бутурлиным законодательных актов об охоте и государственной программы рационализации охотничьего хозяйства было важным шагом в становлении охотничьей отрасли. Но экономические условия для полноценного проведения их в жизнь в 30-е годы еще не созрели. Их реализация во многом зависела от политических интересов государства. Пушнина, дичь и золото были единственной платежеспособной валютой, но доходы от продажи этих ценностей за границу сокращались. Голод и экономически не подкрепленная индустриализация диктовали чрезвычайные меры эксплуатации природы. Необходимость выживания страны в экстремальных условиях вносила искажения в осуществление любых самых правильных программ. Это относится и к охотоведческой науке, в том числе и к рекомендациям С.А. Бутурлина. Не обошлось без вульгаризации на первых порах его идей при их практическом воплощении. Однако уже в 40–50-х годах охотничья отрасль была организована в основном сообразно рекомендациям С.А. Бутурлина.

Идеи С.А. Бутурлина сегодня

Как и предполагал С.А. Бутурлин, охота, введенная в рамки закона, контролируемая им, осуществляемая с учетом рекомендаций науки, не является причиной оскудения фауны. Ее вызывают не связанные с охотничьим промыслом абсолютно вредные антропогенные влияния (загрязнение среды обитания химикатами, распашка целины, выпас скота в лесу и перевыпас на лугах, мелиорация пойм, а также фактор беспокойства во всех проявлениях). Созданная за десятилетия плановой экономики система ведения охотничьего хозяйства страны, в разработке и становлении которой участвовал С.А. Бутурлин, стала рассматриваться не только как форма природопользования, но и как особый способ охраны природы. Сегодня охота расценивается как необходимая составная часть регулирования численности охотничьих животных при осуществлении природоохранных мероприятий в условиях интенсивной хозяйственной деятельности. И сейчас цель охотничьего хозяйства – увеличение продуктивности угодий и максимального получения охотпродукции за счет улучшения условий обитания промысловых животных. Налаженный учет их численности позволяет вести промысел в пределах экологического резерва популяций.

Существующие сегодня меры охраны животного мира в нашей стране, а до этого в Советском Союзе, как на законодательном и государственном, так и на научно-практическом уровнях – в основе своей это именно то, что было выработано С.А. Бутурлиным за годы его научной деятельности в первой трети XX в.

Заключение

Дело, которому служил С.А. Бутурлин, продолжили его ученики и последователи. Среди них Г.П. Дементьев, К.А. Воробьев, В.Г. Гептнер, В.Е. Флинт и другие ведущие орнитологи и зоологи.

Совершенствуется разработанное С.А. Бутурлиным охотничье законодательство, развивается заповедное дело, улучшается ведение охотничьего хозяйства. Словом, дело, которому С.А. Бутурлин посвятил свою жизнь, живет и развивается.

Жива и память о Сергее Александровиче. В охотничьих изданиях публикуются статьи, посвященные его деятельности, широко отмечалось 100-летие со дня рождения ученого.

Бережно хранят память о Сергее Александровиче его земляки-волжане. В Ульяновском областном краеведческом музее работала экспозиция, посвященная жизни и деятельности ученого, – “комната памяти С.А. Бутурлина”. Здесь можно было увидеть книги и рукописи Сергея Александровича, альбомы фотографий, снятых в экспедициях, ружья и охотничьи принадлежности исследователя, личные вещи. Здесь была частично восстановлена обстановка его рабочего кабинета. Словом, немало интересного находил посетитель этой комнаты музея.

Сын ученого, А.С. Бутурлин, передал Ульяновскому областному краеведческому музею научный архив отца. Сейчас он детально изучен и обработан. Здесь же хранится и часть орнитологической коллекции исследователя, его книги, письма, дневники, фотографии.

В школьном музее Ульяновской гимназии № 1 среди портретов выдающихся выпускников 1-й Симбирской мужской классической гимназии есть и портрет С.А. Бутурлина.

Одна из улиц Ульяновска носит имена А.С. и С.А. Бутурлиных. В городе сохранился дом, где в 1886–1891 гг. проживала семья Бутурлиных, – улица Большая Саратовская, дом Булычева (ныне улица Гончарова, д. 44). Заслуги С.А. Бутурлина перед наукой позволяют надеяться, что со временем на стене этого дома появится мемориальная доска. Сейчас для этого предпринимаются активные усилия.

Не забыта и Лава – бывшее имение Бутурлиных в Карсунском уезде (ныне село Лава, Сурского района). Здесь работает народный музей, экспозиция которого посвящена деятельности С.А. Бутурлина. А недалеко от села раскинулись земли конезавода “Бутурлинский”.

В ульяновском Присурье, где когда-то охотился Бутурлин, создан республиканский зоологический заказник, носящий имя С.А. Бутурлина.

Научные материалы, собранные С.А. Бутурлиным, служат науке и сейчас. В Зоологическом музее МГУ хранится орнитологическая коллекция, переданная в дар музею еще в 1922 г. В Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге среди особо ценных экспонатов называют берестяные свитки, привезенные С.А. Бутурлиным из колым-

ской экспедиции. Коллекции растений острова Колгуев и окрестностей Колымы хранятся в фондах Ботанического института РАН.

Проходят годы, но не теряют своей значимости труды Сергея Александровича. Затронутые в них проблемы природоведения, экологии актуальны и по сей день. Взгляды С.А. Бутурлина на заповедное дело легли в основу сегодняшней природоохранной работы. А наставления по охотничьему оружию, инструкции по стрельбе и эксплуатации ружей ценятся охотниками страны – любителями и профессионалами.

Упорство и трудолюбие, увлеченность и поиск, добросовестность и научная объективность, великая любовь к живому на земле – эти качества Бутурлина-ученого, Бутурлина-путешественника, Бутурлина-исследователя стоят в ряду непреходящих ценностей.

Основные даты жизни и деятельности С.А. Бутурлина

10(22) сентября 1872 г. Сергей Александрович родился в г. Монтрё, в Швейцарии, в семье Александра Сергеевича и Елизаветы Михайловны Бутурлиных.

1881 г. Начало учебы в гимназии в Твери.

Первая поездка на Север, к отцу, в Тобольскую ссылку.

1883 г. Переезд семьи в Симбирск после изменения места ссылки отца. Продолжение учебы в Симбирской мужской гимназии.

1886–1888 гг. Начало научной деятельности в области естественных наук, главным образом, геологии, зоологии и биогеографии.

1888–1889 гг. Первые публикации в “Охотничьей газете”.

1890–1894 гг. Учеба в Императорском училище правоведения.

Вольный слушатель на естественном отделении Санкт-Петербургского университета.

1894–1895 гг. Военная служба в лейб-гвардейском Конном полку.

Работа по изучению ружейной техники в армейском тире.

1898 г. Женитьба на В.В. Марковой и начало работы судебным следователем в г. Мариенбурге (ныне Алуксне, Латвия).

Рождение сына Александра.

1900 г. Первая северная экспедиция в Архангельскую губернию.

1901–1903 гг. Мировой судья в г. Мариенбурге.

1901 г. Получение серебряной медали Русского географического общества за книгу “По Северу России” (1901), написанную совместно с Б.М. Житковым.

Выход в свет первого определителя “Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи”.

1901–1911 гг. Критика охотничьего законопроекта и общественная деятельность в области охотоведения по созданию справедливого и научно обоснованного охотничьего законодательства.

1902 г. Экспедиция на остров Колгуев.

1903–1918 гг. Мировой судья в г. Везенберг (ныне Раквере, Эстония).

1904 г. Приезд к С.А. Бутурлину в Везенберг британского орнитолога Генри Дрессера.

Избрание в Британское орнитологическое общество.

1905 г. Экспедиция на Колыму. Открытие гнездовий розовой чайки (*Rhodostethia rosea*).

Избрание членом оргкомитета Международного орнитологического конгресса в Лондоне.

1907 г. Избрание в Американский орнитологический союз.

1909 г. Экспедиция в Прииртышье, в Кулундинскую степь.

1910 г. Избрание одним из сопредседателей Международного орнитологического конгресса в Берлине.

1910–1913 гг. Избрание в Международный орнитологический комитет.

1914 г. Рождение сына Константина.

1916 г. Гибель на фронте сына Александра.

1918 г. Бегство из Прибалтики.

Начало работы в советском правительственном учреждении – Наркомате продовольствия.

1919–1921 г. Работа в институте природоведения в Алатыре, участие в сурской экспедиции.

1921 г. Приступил к работе в управлении по делам охоты Наркомзема РСФСР.

1921–1923 г. Член ЦК Всероссийского производственного союза охотников.

1922–1937 г. Юридическая работа по созданию советского охотничьего законодательства.

1922 г. Передача в дар Зоологическому музею МГУ орнитологической коллекции с правом пожизненного пользования.

1924–1935 г. Работа в Комитете Севера при ВЦИК.

1924 г. Участие в создании Всероссийского общества охраны природы (ВООП).

Регистрация брака с Амалией Ивановной Зарс, фактически существовавшего с 1910 г.

Рождение сына Александра.

1925 г. Научный консультант Всекохотсоюза.

Командировка на Дальний Восток в качестве особоуполномоченного Комитета Севера.

1930 г. Уход на пенсию в связи с болезнью.

1933 г. Избрание членом Комитета по заповедникам.

1934 г. Участие в создании орнитологической секции ВООП.

1934–1941 гг. Выход в свет “Полного определителя птиц СССР”.

1936 г. Присуждение ученой степени доктора биологических наук без защиты докторской диссертации.

1938 г. 22 января Сергей Александрович скончался после тяжелой продолжительной болезни.

Основные труды С.А. Бутурлина

1893

Программа для производства посевов “гаоляна” красного, белого и черного – китайского культурного растения. СПб.

1896

Осенний ток тетерева // Псовая и ружейная охота. № 7.

О птицах Европейской России. Краткие замечания по поводу книги проф. М.А. Мензбира // Природа и охота. Кн. 2–3.

1897

Современное охотничье оружие и огнестрельные припасы // Записки Императорского Русского технического общества. № 7–8.

1898

К пересмотру охотничьего закона // Псовая и ружейная охота. № 26. С. 341–343.

1899

Таблицы определения куликов // Псовая и ружейная охота. № 22–25, 31.

1900

К пересмотру охотничьего законопроекта // Охотничья газета. № 1.

Таблицы определения пластинчатоклювых // Псовая и ружейная охота. Кн. 3–6.

1901

По Северу России (в соавторстве с Б.М. Житковым). М.

Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи. СПб.

1902

Заметки о некоторых птицах Лифляндии // Дневник Зоологического отделения и общества любителей естествознания. Т. 3, № 3. С. 6–12.

Кулики Российской империи. Тула, 1902–1905. Вып. 1–2.

Охотничье пультное оружие. Брест-Литовск.

Поездка на остров Колгуев летом 1902 г. Альбом фотографий.

Орнитологические результаты поездки на Новую Землю // Дневник Географического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Землеведение.

1903

Предварительный краткий отчет о поездке на остров Колгуев летом 1902 года // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. 39, № 3. СПб. С. 228–248.

Часть обзоров о распространении птиц в Северной Азии // Hartert E. Die Vogel der Palaearktischen Fauna. В., 1903–1922. Bd. 1–3.

1904

Охотничий законопроект // Псовая и ружейная охота. Кн. 11–12. С. 145, 148.

On the Geographical Distribution of the True Pheasants // *The Ibis*. July. P. 377–414.

The Correct Name of the Pacific Dunlin // *The Auk*. Vol. 21, N 1. January.

Turgaischen Rebhuhn, *Perdix arenicola* // Reichenov's *Ornitol. Monatsberichte*, Septemberheft.

Ueber neue Formen der echten Stare // *Ornithol. Jahrbuch*. 15. helf. 5 und 6 (русский текст см.: Псовая и ружейная охота. 1906. Кн. 3).

1905

Гнездовья розовой чайки // Псовая и ружейная охота. Кн. 2, 11–12. С. 41–65.

Мелкие известия // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 41, вып. 4. С. 793–798.

О географическом распространении настоящих фазанов // Псовая и ружейная охота. Кн. 1–2. С. 1–32, 33–71 (сокр. англ. текст см.: *The Ibis*. 1904. July). Дополнения и исправления см.: *Наша охота*. 1908. Кн. 7. С. 3–38 (*The Ibis*. Oct. P. 570–592).

Охотничий закон // Бесплатное приложение к журналу “Псовая и ружейная охота за 1905 г.”

1906

Гнездовья розовой чайки // *The Ibis*. Jan., Apr., Oct.

Материалы для орнитофауны Симбирской губернии (в соавторстве с Б.М. Житковым) // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. 41, № 2. СПб.

Мелкие известия // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 42, вып. 1. НР. XII. С. 295–299.

Охотничьи птицы низовьев Колымы // Псовая и ружейная охота. № 1–2.

Птицы Закавказья по сборам А.М. Кобылина // Там же. Кн. 5. С. 58–79 (англ. текст см.: *The Ibis*. July).

Последний ответ Г-ну Мензбиру // Там же. Кн. 4.

Скворцы // Там же. Кн. 2–3.

On the Birds Collected in Transcaucasia by Mr. A.M. Kobylin // *The Ibis*. July.

Perdix perdix canescens // *Ibid*.

Sitta dresseri // *Ornitol. Monatsberichte*. (в соавторстве с Н.А. Зарудным).

The Breeding-grounds of the Rosy Gull // *The Ibis*. Febr., Apr., Oct.

Обзоры распространения птиц в Северной Азии // *Dresser H. Eggs of Western Palearctic Birds*. L., 1906 (?)

1907

Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края мирового судьи С.А. Бутурлина. СПб.

Die palaearktischen Formen von *Syrnium Savigay* // *Journal fur Ornith.* Juli.

Neue Formen aus dem Kaukasus // Reichenov's *Ornitol. Monatsberichte*. Maiheft.

Neue palaearktische Formen // *Ibid*.

Neue Ost-Asiatische Formen // *Ibid*.

On Bean-Geese // *Journal of Bombay Nat. History Soc.* February 15. Vol. 18, N 3 (русск. текст см.: *Наша охота*. 1908. Кн. 11).

On the Breeding-habits of the Rosy Gull and the Pectirial Sandpiper // *The Ibis*. 1908. Oct.

Palaearktischen Formen von *Piciudes*. Lacep. // *Ornit. Monatsberichte*. Jan.

1908

- Гуси-гуменники // Наша охота. Кн. 11. С. 21–28.
Настоящие фазаны // Там же. Кн. 7. С. 3–38.
Настоящие фазаны // The Ibis. Oct. P. 570–592.
Опять новоземельская куропатка // Наша охота. Кн. 10. С. 92.
О коростеле // Природа и охота. Май–июнь. С. 12.
Additional Notes on the True Pheasants (Phasianus) // The Ibis. Oct.
Bean-Geese of Ashia // Journal of Bombay Nat. History Soc. Vol. 18, N 3 (русск. текст см.: Наша охота. 1908. Кн. 11).
Bemerkungen unber dei geographische Verbreitung der Vogel im nordostlichen Sibirien // Journal fur Ornith. Aprilheft.
Loudon H.B., Buturlin S.A. Eine ornitologische Fahrt an die Matzal wiek // Journal fur Ornithologie. Jan.
New Pigeons in the collection of the Zoological Museum of Imperial Academy of Science in St.-Petersburg // Ежегодник Зоологического музея Императорской Акад. наук. С.-Петербурга. Т. 13, окт.
Notes on the Woodpeckers in the Zoological Museum of the academy of Sciences in S.-Peterburg // Там же.
Red-spotted Bluethroat of Alaska // The Auk. Vol. 25, N 1. Jan.
Sur la Rhodostertia rosea adulte en noces // Bull. de la Société Zoologique de Geneve (m. 1. Fasc. 9. Janvier. 1909).

1909

- Охотничий законопроект. Разбор проекта правил об охоте в редакции междудомственного совещания с предложением некоторых изменений. 8. С. 185.
Охотничий законопроект // Наша охота. № 9–10.
О “юмористике”, “ученом” невежестве и тому подобном // Там же. Кн. 3.
Полет птиц против ветра // Там же. Кн. 4.
Проект новых “правил об охоте” и его значение для нашего Севера и Северо-Востока // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Кн. 14.
Птицы Дальнего Востока // Наша охота. Кн. 9.
Птицы Приморской области // Там же. Кн. 9.
Чешуеногий фазан // Там же.
Dendrocopus albipennis // Семья охотников. № 5.
Pseudoscophax tacznowskii (Verr) am Irtysh // Reichenow's Ornitol. Monatsberichte. Januarheft.
Sternus balcanicus // Reichenow's Ornitol. Monatsberichte. N 4 (в соавторстве с Harnis M.).

1910

- Мохноногие сычи // Наша охота. Кн. 11.
Настоящие соловьи *Philomela Link* // Орнитологический вестник. № 2.
Птицы Дальнего Востока // Наша охота. Кн. 5–9.
Птицы Приморской области // Там же. Кн. 5–9.

1911

- Материалы по птицам Енисейской губернии. Красноярск. (совместно с А.Я. Тугановым). В 1925 – сокр. немец. перевод.
Некоторые замечания об основных требованиях формулировки закона об охоте, о праве пользования охотой, об охране правил об охоте и некоторых дру-

гих общих вопросах // Труды II Всероссийского съезда охотников в Москве. М. Ч. 2. С. 306–315.

О подразделении России на полосы с разными сроками охот // Труды II Всероссийского съезда охотников в Москве. М. Ч. 2. С. 345–354.

Опытное изучение перелетов // Орнитологический вестник. № 3. С. 215.

О полете птиц против ветра // Наша охота. № 4.

Птицы Дальнего Востока // Птицеводство и птицеведение. IV. Вып. 2–3.

Птицы Дальнего Востока // Наша охота. № 14, 16, 17, 20, 21.

1912

Гнездовья куличка-лопатня // Орнитологический вестник. № 1. С. 54–56.

Гнездовья розовой чайки // Bull. Soc. Zool. de Geneve. Vol. 1. P. 17–19.

Стрельба пулей. СПб., 1912–1913. Т. 1–2.

1913

Наблюдения над млекопитающими, сделанными во время Колымской экспедиции 1905 года // Дневник Зоологического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М. Т. 1, № 5. С. 225.

Охота с камерой. Фотографирование живой природы. СПб. (совместно с А.П. Ивашенцовым).

Птицы Дальнего Востока // Наша охота. № 17.

Птицы острова Медного // Птицеводство и птицеведение. IV. Вып. 1–2. С. 79–94.

Птицы Косогольской экспедиции // Дневник Зоологического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Нов. сер. Т. 1, № 1.

Птицы Приморской и Амурской областей // Наша охота. № 17.

Suanistes suanus yenisensis But. et Tugar. в Киеве // Орнитологический вестник. № 2.

1916

Заметки о кушках и их расах // Орнитологический вестник. № 1. С. 39–44.

1919

Наставления как отмечать птиц кольцами. М.

Наставления к собиранию птиц. М.

1922

Современное положение охотничьего дела в РСФСР // Ежегодник Всероссийского союза охотников. М. С. 18–19.

Правила производства охоты, ее сроки и способы // Известия Центрального Комитета Всероссийского производственного союза охотников и Центрохоты. № 13–14.

1923

Декрет об охоте от 1 марта 1923 г. // Ильин М. Сборник декретов, постановлений, инструкций и циркуляров по вопросам охотничьего, кооперативного и налогового права. М., 1928.

О тонкокловом гуменнике // Охота и рыболовство. № 3–4.

Проект правил о сроках и способах охоты // Труды II съезда Всероссийского союза охотников.

1924

Наставление, как отмечать птиц кольцами. (Составлено С.А. Бутурлиным) М.

Настольная книга охотника. Вологда.

Развитие стрелкового дела в СССР // Стрелковый сб.

1925

Наставление, как отмечать птиц кольцами. М.

Наставление, как отмечать птиц кольцами // Охотник. № 2. С. 18–19.

Настольная книга охотника. Свердловск.

Охотничье дело в СССР // Пушное дело. № 1. С. 15–20.

Охрана птиц // Охотник. № 1. С. 31.

1926

Дробовое ружье и стрельба из него. Вологда.

Кольцевание птиц и вавилонское столпотворение // Охотник. № 2. С. 20–21.

Наше охотничье хозяйство // Там же. № 5.

Перспективы хозяйственного устройства Севера // Северная Азия. Кн. 3. С. 5–27.

Положение туземцев Чукотско-Анадырского края // Северная Азия. Кн. 2. С. 88.

Север и охотничья кооперация // Охотник. № 10. С. 3.

Снабжение северных районов охотничьим оружием // Северная Азия. Кн. 1. С. 60–73.

Спортивная стрельба дробью и пулей. М.

1927

Еще к осеннему токованию // Охотник. № 8. С. 28.

Курейский светлоклювый глухарь // Урагус. № 2, кн. 3. С. 1–2.

Спортивная стрельба дробью и пулей. М.

1928

Некоторые соображения о едином ценностном выражении северного хозяйства // Северная Азия. Кн. 2.

Определитель видов птиц СССР, их подвидов, распространение, польза и вред для хозяйства. М. Вып. 1: Дневные хищники и совы СССР.

Освоение (“акклиматизация”) чужеземных зверей // Охотник. № 2. С. 9–10.

Осенний ток тетерева // Охотник. № 3, 8.

Спортивная стрельба дробью и пулей. 2-е изд. 112 стр.

1929

Как охотятся на Севере // Советский Север. С. 134–150.

Настольная книга охотника. Вологда.

Систематические заметки о птицах Северного Кавказа. Махачкала.

Уход за дробовым ружьем и винтовкой. М., 1929(?).

Что такое север, кто там живет и будущее мировое значение его // Советский Север. С. 5–66.

1930

Дробовое ружье и стрельба из него. Вологда.

Как сделать лук и стрелять из него. М.

Настольная книга охотника. Вологда.

Отшельники Ичатки // Всемирный следопыт. № 3.

Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР. 1930 // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного совета и постановлений правительства РСФСР. М., 1959. Т. 2. С. 87–92.

Neubeschreibungen aus dem Kaukasugebiet. Referat von H. Grote // Falco. N 2. Jahrgang 26.

1931

Дробовое ружье и стрельба из него. М.

К фаунистической концепции АН СССР // Природа и социалистическое хозяйство. № 4–5. С. 66–67.

К вопросу о вредности некоторых птиц // Природа и социалистическое хозяйство. № 4–5. С. 6.

Охотничье пулевое ружье и стрельба из него. М.; Л.

О биологической съемке // Советский Север. № 1–2.

Об охотничьем совхозе на Новосибирских островах // Советский Север. № 7–8. С. 182–188.

Ubersicht der gaatgansrassen // Aquila. Band. XXXVIII–XLI. 1931–1934.

A vetesi ludfajatak szemleje // Aquila. Band. XXXVIII–XLI. 1931–1934.

1932

Дробовое ружье и стрельба из него. М.; Л.

К изучению фауны Севера // Северная Азия. № 5.

Настольная книга охотника. М.

Охотничье оружие и боеприпасы к нему. Письма 1–4. Заочные охоткооперативные курсы при институте промыслово-охотничьего и пушно-сырьевого хозяйства. Иркутск.

Пульное охотничье ружье и стрельба из него. М.; Л.

Что такое охотовед? // Советский Север. № 5. С. 38–39.

Buturlin S.A., Dementiev G.P. Communication on Dr. C.B. Ticehurst's proposed name for the Asiatic Golden Eagle // Bull. Brit. Ornithol. Club. Vol. 52. N 361. P. 149–150.

Sur les races du becasseau cincle (ou variable) et du tetras a bec noir // Alauda. Ser. II. N 3. P. 261–270.

1933

Определитель промысловых птиц.

Buturlin S.A., Dementiev G.P. Systema Avium Rossicarum // Extrait L'Oiseau et la Revue française D'Ornitologie. NS. 1933. Vol. 3. N 3–4; 1934. Vol. 4. N 2–4; 1935. Vol. 5. N 1–4.

1934

Лоси. М.; Л.

Полный определитель птиц СССР (в соавторстве с Г.П. Дементьевым). М.; Л., 1934–1941.

Птицы Тазовской экспедиции Всероссийского географического общества 1926–1927 // Сборник Трудов Государственного зоологического музея при МГУ. Т. 1. С. 61–100.

Что и как наблюдать в жизни птиц? М.

Notes on Mergus squamatus Gould // The Ibis. Vol. 4. N 1. P. 167–170.

1935

Дробовое ружье и стрельба из него. М.; Л.

Buturlin S.A., Dementiev G.P. Systema Avium Rossicarum. Paris. Vol. 1.

1936

Трубконосые птицы. М.; Л. С. 130–220.

Уход за ружьем дробовым и нарезным. М.

1937

Дробовое ружье. М.; Л.

1940

Животный мир СССР; М.; Л. (в соавторстве с В.Г. Гептнером, Г.П. Дементьевым, Б.М. Житковым, С.И. Огневым, А.И. Промптовым, С.С. Туровым, А.Н. Формозовым, Л.М. Шульпиным).

1941

Список птиц СССР. М., III–IV главы написаны С.А. Бутурлиным.

1948

Что и как наблюдать в жизни птиц? М.

Пособие для охотников: Дробовое ружье и стрельба из него. Джауджикау.

1950

Атлас охотничьих и промысловых зверей и птиц / Под ред. А.Я. Тугаринова (В соавторстве). Т. 1–2. М., 1950–1952.

Co i jak obserwowac w zyciu ptakov. Przeklad. J. Domaniewskiego. W-wa.

1979

Куда бить зверя? // Охота и охотничье хозяйство. № 11.

1992

Охота и истребление // Охота и охотничье хозяйство. № 1.

1995

Отшельники Ичатки // Охотничьи просторы: Альманах. № 4.

Редактирование

Каверзнев В.Н. Охота на пернатую дичь / Под ред. С.А. Бутурлина. М., 1935.

Перевод

Шарфф Р. Европейские животные, их геологическая история и географическое распространение / Пер. С.А. Бутурлина. М., 1918.

Литература о С.А. Бутурлине

- Абрахина И.Б.* С.А. Бутурлин // Ульяновская неделя. 1977. № 8.
- Абрахина И.Б.* Бутурлин-симбирянин // Охота и охотничье хозяйство. 1983. № 6. С. 8–9.
- Абрахина И.Б.* Отменить ошибочное решение о закрытии комнаты // Охота и охотничье хозяйство. 1988. № 4.
- Алексеев Н.* Великое наследство // Ульяновский комсомолец. 1975. 5 нояб.
- Белов Г.* Сын земли симбирской (С.А. Бутурлин – ученый, зоолог) // Родина Ильича. Ульяновский р-н. 1972. 28 сент.
- Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т. 4. С. 161.
- Бородина О.* Его знала вся охотничья Россия // Мономах. 1997. № 3.
- Бочаров И.* У потомков Бутурлина // Огонек. 1979. № 51.
- Бочаров И., Глушенкова Ю.* Бутурлины – друзья детства Пушкина // Огонек. 1978. № 32. С. 24–26.
- Брокгауз, Эфрон.* Энциклопедический словарь. СПб., 1905. Т. 1 доп. С. 340.
- Бутурлин А.С.* Сергей Александрович Бутурлин // Охота и охотничье хозяйство. 1985. № 11.
- Бутурлин А.С.* Смотреть смерти в глаза // Московская охотничья газета. 1994. 3 авг.
- Бутурлин А.С.* 90 лет Колымской экспедиции // Охотничьи просторы. 1995. Кн. 4. С. 22–228.
- Бутурлин А.С.* Мы родом из прошлого // Народная газета. 1995. 5 июня.
- Бутурлин А.С.* На родине С.А. Бутурлина // Там же. 1995. 14–20 июня.
- Бутурлин А.С.* Сергей Александрович Бутурлин – охотник // Природа и охота. 1995. № 2–3. С. 28–33.
- Бутурлин А.С.* Сергей Александрович Бутурлин – охотник // Охотничьи просторы. 1997. Кн. 1. С. 220–240.
- Валкин М.Х.* Александр Сергеевич Бутурлин. Ульяновск, 1961.
- Валкин М.Х.* Новый документ о Л.Н. Толстом // Ульяновская правда. 1961. 31 мая.
- Валкин М.Х.* Большой знаток и друг природы // Ульяновская правда. 1962. 22 авг.
- Валкин М.Х.* Из неопубликованных материалов архива С.А. Бутурлина // Ученые записки УГПИ. Т. 18, вып. 3. 1963. С. 93–103.
- Валкин М.Х.* Дорогие штрихи (С.А. Бутурлин о В.И. Ленине-гимназисте) // Ульяновская правда. 1963. 16 апр.
- Воробьев К.А.* Заметки орнитолога. М., 1973. М., 1978.
- Гайниев С.С.* Бутурлинская коллекция Ульяновского краеведческого музея // Краеведческие записки. 1958. Вып. 2. С. 367–371.
- Гаранин В.* К закрытию комнаты С. Бутурлина // Ульяновская правда. 1988. 1, 22 сент.
- Гептнер В.Г.* Замечательный орнитолог и охотовед // Охота и охотничье хозяйство. 1974. № 3. С. 13–14.
- Горохова В.* Архив Бутурлиных. Путь в Симбирск // Народная газета. 1997. 19 сент.
- Горохова В.* Уникальный архив // Ульяновская правда. 1997. 20 сент.
- Громова Т.* Охотник, ученый, путешественник // Симбирский курьер. 1997. 20 сент.
- Громова Т., Раков Н.С.* Наши земляки // Вчера и завтра. 1997. 16 сент.

Дементьев Г.П. Памяти Сергея Александровича Бутурлина // Зоологический журнал. 1938. Т. 17, вып. 6. С. 963.

[*Дементьев Г.П.*] S.A. Buturlin (in memogram) // *Alauda*. X. 1938. N 3–4 (на фр. яз.).

Дементьев Г.П. Жизнь и деятельность Сергея Александровича Бутурлина // Полный определитель птиц СССР. М., 1941. Т. 5.

Дементьев Г.П. Сергей Александрович Бутурлин и его работа по охране природы // Охрана природы. 1948. № 4. С. 106–107.

Егоров О. Уникальный архив // Охота и охотничье хозяйство. 1992. № 1–2. С. 20–21.

Егоров О. С.А. Бутурлин и российская школа охотоведения // Охота и охотничье хозяйство. 1993. № 5.

Житнев Д. Бутурлин – 125 лет со дня рождения // Российская охотничья газета. 1997. 15 окт.

Житков Б.М. Сергей Александрович Бутурлин // Известия Государственного географического общества. 1938. Т. 20, вып. 2. С. 326–328.

Залесский П.М. История возникновения орнитологического общества имени С.А. Бутурлина // Вестник Томского орнитологического общества. 1921. Вып. 1.

Иоганзен Г.Х. Исторический очерк орнитологического обследования Западной Сибири // Вестник Томского орнитологического общества. 1921. Вып. 21.

Календарь знаменательных дат по Ульяновской области Ульяновск, 1972. С. 21–24.

Козлова М.М. Институт в Алатыре // Ленинский путь. 1981. 8 нояб.

Козлова М.М. Зоолог, географ, охотовед // Сурская правда. 1981. 23–25 нояб.

Козлова М.М. Был такой институт в Алатыре // Советская Чувашия. 1981. 24 нояб.

Козлова М.М. В те далекие двадцатые // Ульяновская правда. 1983. 13 дек.

Козлова М.М. Перо розовой чайки (Страницы жизни и деятельности С.А. Бутурлина) // Ульяновский политехник. 1992. № 6–10.

Козлова М.М. Вклад выдающегося орнитолога С.А. Бутурлина в развитие экологии // Региональные эколого-фаунистические исследования как научная основа фаунистического мониторинга. Тез. докладов российской научно-практической конференции. Ульяновск, 1995. С. 17–18.

Козлова М.М. К вопросу об истории диагностики птиц // Любичевские чтения. Ульяновск, 1996. С. 55–56.

Козлова М.М. Алатырский институт природоведения // Илья Николаевич Ульянов и проблемы современной школы. Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 165-летию со дня рождения И.Н. Ульянова. Ульяновск, 1996. С. 97–98.

Козлова М.М. Объективно христианская составляющая общественной и научной деятельности С.А. Бутурлина // Тез. докладов. Всероссийской научной конференции “Литература и культура в контексте христианства”. Гончаровские чтения. Ульяновск, 1996. С. 17–18.

Козлова М.М. Роль научной деятельности С.А. Бутурлина в формировании экологического подхода к природопользованию в России // Человек в культуре России. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Ульяновск, 1996. С. 45–48.

Козлова М.М. Все мы родом из детства... // Университетская панорама. 1996. № 18–20.

Козлова М.М. К вопросу о некоторых научных и этических принципах русского естествознания на рубеже XIX–XX вв. // Проблемы формирования гуманитарной среды образования. Тез. докладов республиканской конференции. Ульяновск, 1996. С. 83–85.

Козлова М.М. Вклад С.А. Бутурлина в развитие науки // Бюл. Московского общества испытателей природы. Отд. биологии. 1996. Т. 101, вып. 6. С. 3–14.

Козлова М.М. Перо розовой чайки: Страницы жизни и деятельности С.А. Бутурлина. Ульяновск, 1997.

Козлова М.М. Принципы работы газеты УлГТУ и их связь с русскими традициями популяризации науки // Тез. докладов I методической конференции УлГТУ “Проблемы формирования и развития культурной среды и внеучебная воспитательная работа”. Ульяновск, 1997.

Козлова М.М., Кругликова В.А. С детства и на всю жизнь. // Ульяновский комсомолец. 1981. 9 сент.

Кругликова В.А. К биографии С.А. Бутурлина (по материалам фондов Ульяновского краеведческого музея) // Краеведческие записки. 1984. Вып. 6.

Кругликова В.А. Улица имени Бутурлиных // Ульяновская правда. 1975. № 38.

Лобачев С. С.А. Бутурлин // Охота и охотничье хозяйство. 1972. № 8. С. 14–15.

Лутанский Ю. Чайка-загадка // Социалистическая индустрия. 1973. 19 сент.

Мазурмович Б.Н. Выдающиеся отечественные зоологи. М., 1960.

Мазурмович Б.Н., Шульга И.К. Выдающиеся отечественные зоологи. М., 1955.

Макарова Л.Г. Ученый, охотовед, путешественник // Ульяновская правда. 1972. № 223.

Миленушкин Ю. Памяти профессора С.А. Бутурлина // Природа. 1948. № 10. Октябрь. С. 101–102.

Миленушкин Ю. Основоположник советского охотоведения // Охота и охотничье хозяйство. 1958. № 1. С. 52.

Михеев А.В. Перелеты птиц. М., 1971.

Незаурядная талантливая личность // Панорама УАЗ. 1992. 3 нояб.

Охотничьи просторы. 1974. С. 142–143.

Протоколы заседаний физико-математического отделения Императорской Академии наук по поводу статьи г. Бутурлина, напечатанной в “Русских ведомостях” в 1902 г. СПб., 1903.

Профессор С.А. Бутурлин. Некролог // Боец-охотник. 1938. № 2.

Рождественский О. Ботаник, орнитолог, зоолог, охотовед... // Ульяновский комсомолец. 1972. 22 сент.

Русский М.Д. Памяти орнитолога С.А. Бутурлина // Тр. Биологического НИИ. Томский государственный университет. Сер. биол. Т. 6: Зоология. С. 216–217.

Рыжов Н.О. Симбирская гимназия в годы учения А.И. и В.И. Ульяновых (1874–1887 гг.). Ульяновск, 1931.

Свод прений, происходивших на заседаниях физико-математического отделения Императорской Академии наук по поводу статьи г. Бутурлина, напечатанной в “Русских ведомостях” в 1902 г. СПб., 1903.

Симкин Г.Н. Выдающиеся зоологи Московского университета // Вестник Московского университета. Сер. 16: Биология. 1980. № 4. С. 39.

Симсон И. С.А. Бутурлин // Охота и охотничье хозяйство. 1988. № 9.

Спангенберг Е.П. Записки натуралиста. М., 1964. С. 71–74.

Судиловская А.М. Памяти Сергея Александровича Бутурлина // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1973. Т. 78, вып. 2.

Успенский С.М. С.А. Бутурлин как знаток Севера // Охота и охотничье хозяйство. 1973. № 7.

Ученый, охотовед, энциклопедист // Охотничьи просторы. 1972. С. 141–142.

Четвериков А. Краса Арктики. Неизвестное об известном // Известия. 1977. № 40.

Чукарев А. Розовая чайка // Комсомольская правда. 1965. № 245.

Содержание

Введение	5
Историко-биографический очерк	9
Детство и годы учебы	9
Служба в армии. Юридическая и научная деятельность в 1894–1897 гг.	16
Работа по изучению охотничьего оружия в 1897–1898 гг.	18
Женитьба. Работа судебным следователем в Мариенбурге. Научная и общественная деятельность в 1898–1899 гг.	20
Начало деятельности по разработке научных и юридических основ охоты и охотничьего промысла	22
Работы в области орнитологии. Разработка теории полета птиц правильным строем	23
Первая северная экспедиция. Деятельность в 1900–1902 гг.	23
Продолжение разработки научных и юридических основ охоты	25
Первый определитель С.А. Бутурлина. Работа мировым судьей. Вторая северная экспедиция	26
Создание “парадокса” 24-го калибра	28
Орнитологическая деятельность в 1902–1904 гг. Переезд в Везенберг	30
Визит Генри Дрессера	32
Борьба против официального охотничьего законопроекта	33
Экспедиция на Колыму в 1905 г.	34
Открытие гнездовой розовых чаек	39
Научная и общественная деятельность в 1906–1908 гг.	41
Экспедиция в Кулундинскую степь в 1909 г.	42
Второй Всероссийский съезд охотников. С.А. Бутурлин против официального охотничьего законопроекта	43
Научная деятельность в 1901–1915 гг.	44
Годы первой мировой войны	46
Годы октябрьского переворота и гражданской войны	47
Работа в Комитете по охране природы	49
Сурская экспедиция 1919–1921 гг. Институт природоведения	49
Работа в Наркомате земледелия РСФСР	52
Сотрудничество с Зоологическим музеем МГУ	55
Орнитологическое общество имени С.А. Бутурлина в Томске	55
Создание Всероссийского общества охраны природы	56
Работа в Комитете Севера при ВЦИК	57
Последние годы жизни	61
Штрихи к портрету	63
Анализ творческого наследия С.А. Бутурлина	66
Основные направления научного творчества С.А. Бутурлина	66
Научные взгляды С.А. Бутурлина в области зоологии	69
Исследования в области орнитологии	70
Работы по фаунистике и зоогеографии	71
Систематика птиц	80
Определительные ключи С.А. Бутурлина	83
Значение “Полного определителя птиц СССР”	85

Виды и подвиды. Географическая изменчивость	86
Полет птиц правильным строем	91
Перелеты куропаток	92
Изучение перелетов птиц	94
Пути миграций	95
Работы по кольцеванию птиц	96
Изучение токования	98
Работы по зоологии млекопитающих. Основы охотоведения	102
Работы, ставшие основой теории об экологическом резерве популяции ..	103
Антропогенные влияния на биоценозы	105
Роль С.А. Бутурлина в формировании научной школы изучения орнито- фауны на подвидовом уровне	106
Истоки советской школы охотоведения	108
Рекомендации по улучшению охотничьего хозяйства	112
Законотворческая деятельность С.А. Бутурлина	113
Концепция С.А. Бутурлина по организации охотничьей отрасли России ..	114
Государственный орган руководства охотничьей отраслью	115
Практическое использование рекомендаций С.А. Бутурлина	116
Идеи С.А. Бутурлина сегодня	117
Заключение	118
Основные даты жизни и деятельности С.А. Бутурлина	120
Основные труды С.А. Бутурлина	122
Литература о С.А. Бутурлине	129

Научное издание

Козлова Мария Михайловна

Сергей Александрович Бутурлин
1872–1938

Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук

Зав. редакцией *А.И. Кучинская*
Редактор *Е.Л. Никифорова*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректор *Е.Л. Сысоева*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 12.04.2001
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 8,5. Усл. кр.-отт. 8,8. Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 340 экз. Тип. зак. 947

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-005199-3

9 785020 051997

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА”**

Магазины “Книга–почтой”

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 75 (код 812) 235-05-67

Магазины “Академкнига” с указанием отделов “Книга–почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга–почтой”); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга–почтой”); (код 3432)
55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга–почтой”); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга–почтой”); (код 3832) 35-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга–почтой”); (13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 (“Книга–почтой”); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга–почтой”); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49 (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: АКАДЕМ. КНИГА @ g. 23 gelcom.ru

Склад, телефон 291-58-87

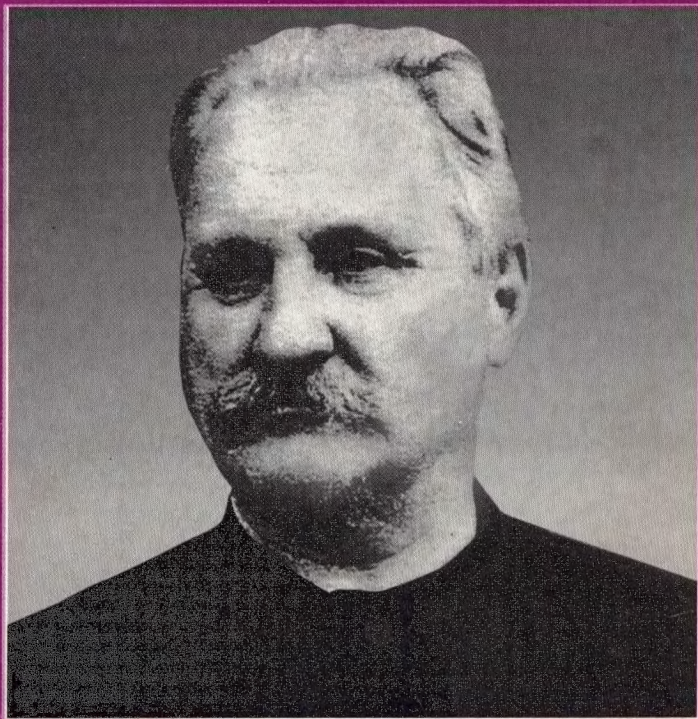
Факс 291-87-68

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru*

Сергей Александрович БУТУРЛИН

М. М. Козлова

**НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

М. М. Козлова

**Сергей
Александрович
БУТУРЛИН**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Книга посвящена жизни, научной и общественной деятельности выдающегося зоолога, доктора биологических наук Сергея Александровича Бутурлина, работавшего на рубеже XIX-XX вв. Он стоял у истоков одной из научных школ отечественных орнитологов-систематиков по ревизии фауны птиц Советского Союза на подвидовом уровне и был автором первого полного определителя птиц СССР. Среди его учеников – известный орнитолог, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель наук РСФСР Г. П. Дементьев. Показана роль С. А. Бутурлина в формировании государственной политики рационального природопользования в 20-30-е годы XX в., отмечен большой вклад в создание отечественной школы охотоведения и охотничьего законодательства СССР. В книге нашли отражение малоизвестные страницы деятельности ученого, в частности его работа в Комитете Севера.

